

2023. Т. 15. № 1

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2023. Т. 15. № 1

Scientific Journal
SOCIOLOGY AND LAW

2023. Vol. 15. No. 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. БЕРГМАНН

член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор (Берлин, Германия)

А. А. БЕСЧАСНАЯ

профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. БОЕР

профессор кафедры гражданского права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Санкт-Петербург, Россия)

С. С. БРАЗЕВИЧ

профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. БУГЕЛЬ

профессор кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. КЕЧИНА

профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

В. А. КЛИМЕНКО

советник департамента гуманитарного сотрудничества, общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

С. Ю. КОСАРЕВ

профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Я. А. МАРГУЛЯН

профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. МАРКОВ

заведующий кафедрой международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

профессор кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. М. ОГАНЕСЯН

профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. СИЛИНА

профессор кафедры гражданского процессуального права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

А. Г. ТЮРИКОВ

руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, доктор социологических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Б. ШАБАНОВ

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Labor Law and Social Security, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education task group at the St. Petersburg Dialogue Forum from the German side, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором),
регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики,
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 21.04.2023.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 10,21. Усл. печ. л. 17,22.

Тираж 100 экз. Заказ № 1170.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. III No. ФC77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Web-site: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center of the St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 21.04.2023.

Offset paper.

Published pages: 10,21.

Conventional printed pages: 17,22.

Circulation 100 copies. Order No. 1170.

Distinguished authors and readers of the magazine!

The magazine «Sociology and Law» is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the magazine "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the magazine are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Снисаренко С. О., Абызов А. Г.</i> Эффекты сетевизации социальных отношений в рамках деятельностного подхода к научным исследованиям	8
<i>Оганян К. М., Оганян К. К.</i> Социологическое исследование некоторых ценностных ориентаций студентов спортивно-физкультурного вуза	17
<i>Радонова А. В.</i> Социальная защита материнства и детства на территории регионов юга Западной Сибири в 1990-е гг.	27
<i>Грабельных Т. И., Зайковская А. А., Петкова Я. В.</i> Факторы успешной адаптации сельской молодежи к современной университетской среде: региональный аспект	41
<i>Васильева О. В., Труфанов Д. О.</i> Сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов в исследовании взглядов молодежи на вопросы межнациональных отношений	57
<i>Шеболкина Е. П., Красикова Н. В.</i> Тренды и мотивационные факторы медиапотребления студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики в 2022–2023 гг.: результаты пилотного социологического исследования	70
<i>Колосова Г. В.</i> Инновационный менеджмент социальной сферы в условиях цифровизации	79
<i>Чуньсяо Чэнь.</i> Проблема социального обеспечения пожилых людей в сельских районах Китая в контексте старения населения	88

Право в жизни государства и личности

<i>Оганесян С. М., Кузьмин А. В., Поречный Е. М.</i> Проблемные аспекты теории и практики перевода нежилого помещения в жилое и жилого помещения в нежилое: частноправовое исследование	95
<i>Жильский Н. Н., Шаряпова Э. А., Желнина Е. С.</i> Публично-правовые вопросы увеличения площади земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации в условиях цифровизации	102
<i>Игнатенко Д. И., Шартава Д. Н.</i> Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения	115
<i>Макаров Д. А., Маюров Н. П., Иншакова Е. А.</i> Основания административной ответственности юридических лиц в России: отдельные вопросы публично-правовых наук	122
<i>Черных А. Б., Остудин Н. В.</i> Теоретико-правовые аспекты понимания дефиниций дисциплинарной ответственности	131
<i>Костиков В. В., Самоделкин И. В., Резников А. А.</i> Теоретико-правовые преимущества концепции цифровых финансовых активов перед различными формами денег	139
<i>Егорова Е. Л., Швед В. А.</i> Правовые акты международного характера в функционировании уголовно-исполнительной системы России	148

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Snisarenko S. O., Abyzov A. G.</i> Effects of the networking of social relationships within an activity-based approach to scientific research	8
<i>Oganyan K. M., Oganyan K. K.</i> Sociological study of value orientations of students of a sports and physical education university	17
<i>Radonova A. V.</i> Social protection of motherhood and childhood in the regions of the South of Western Siberia in the 1990 s	27
<i>Grabelnykh T. I., Zaikovskaya A. A., Petkova Ya. V.</i> Factors of successful adaptation of rural youth to the modern academic setting: A regional aspect	41
<i>Vasil'eva O. V., Trufanov D. O.</i> Comparison of the results of online and offline surveys in the study of the attitudes of youth to interethnic relations	57
<i>Shebolkina E. P., Krasikova N. V.</i> Trends and motivational factors of media consumption of students of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies in 2022–2023: Results of a pilot sociological study	70
<i>Kolosova G. V.</i> Innovative management of the social sphere in the context of digitalization	79
<i>Chunxiao Chen.</i> Social welfare of the older people in rural China in the context of an aging population	88

The Law in a State and Person Life

<i>Oganesyan S. M., Kuz'min A. V., Porechnyy E. M.</i> Problematic aspects of the theory and practice of transferring premises from non-residential to residential	95
<i>Zhil'skiy N. N., Sharyapova E. A., Zhelnina E. S.</i> Public law issues of increasing the agricultural land area in the Russian Federation in the context of digitalization	102
<i>Ignatenko D. I., Shartava D. N.</i> Measures ensuring administrative proceedings in the system of administrative coercion	115
<i>Makarov D. A., Mayurov N. P., Inshakova E. A.</i> Grounds for administrative liability of legal entities in Russia: Selected issues of public law sciences	122
<i>Chernykh A. B., Ostudin N. V.</i> Theoretical and legal aspects of understanding definitions of disciplinary responsibility	131
<i>Kostikov V. V., Samotolkov I. V., Reznikov A. A.</i> Theoretical and legal advantages of the concept of digital financial assets over various forms of money	139
<i>Egorova E. L., Shved V. A.</i> International legal acts in the functioning of the Russian penal system	148

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-8-16

Эффекты сетевизации социальных отношений в рамках деятельностного подхода к научным исследованиям

Светлана Олеговна Снисаренко^{1✉}, Анатолий Гаврилович Абызов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ sos60@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2284-0548>

² a.abyzov@spbacu.ru

Аннотация. Согласно авторской позиции, современное общество и его социальные детерминанты обладают качественно новыми особенностями, что позволяет говорить об информационно-цифровом, электронно-цифровом, информационно-сетевом формате современной цивилизации, характерными чертами которого являются цифровизация и сетевизация, а также мобильность и комплексность. Цифровизация общества генерировала и обогатила научную социологическую проблематику новой терминологией. Появились термины «киберсоциология», «социология интернета», «социология онлайн-сообществ», «социология киберкультуры». Предметное поле пополнилось такими новыми междисциплинарными областями, как цифровая практика, социологический анализ цифровых данных и цифровых СМИ, критическая и публичная цифровая социология. Глобальная сетевизация расширяет горизонты научных исследований в цифровой социологии, предоставляя в распоряжение социологов поистине большие данные, изучение и интерпретация которых позволяет проводить мониторинг социальных коммуникаций.

Ключевые слова: социальные сети, цифровая социология, социальные отношения, деятельностный подход в социологии, научные исследования

Для цитирования: Снисаренко С. О., Абызов А. Г. Эффекты сетевизации социальных отношений в рамках деятельностного подхода к научным исследованиям // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 8–16. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-8-16>

Original article

Effects of the networking of social relationships within an activity-based approach to scientific research

Svetlana O. Snisarenko^{1✉}, Anatoliy G. Abyzov²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ sos60@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2284-0548>

² a.abyzov@spbacu.ru

© Снисаренко С. О., Абызов А. Г., 2023

Abstract. According to the author's position, modern society and its social determinants have qualitatively new features, which allows identifying the information and digital, electronic and digital, and information and network format of modern civilization characterized by digitalization, networking, mobility, and complexity. The digitalization of the society generated and enriched scientific sociological issues with new terminology. The terms "cybersociology", "sociology of the Internet", "sociology of online communities", and "sociology of cyberculture" appeared. The subject field was supplemented with new interdisciplinary areas such as digital practices, sociological analysis of digital data and digital media, and critical and public digital sociology. Global networking expands the horizons of research in digital sociology, providing sociologists with truly big data that can be studied and interpreted to monitor social communications.

Keywords: social networks, digital sociology, social relationships, activity-based approach in sociology, scientific research

For citation: Snisarenko S. O., Abyzov A. G. Effects of the networking of social relationships within an activity-based approach to scientific research. *Sociology and Law. 2023;15(1):8-16.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-8-16>

Введение

Современное общество и его социальные детерминанты обладают качественно иными характеристиками, чем ранее, в предыдущие годы. Исследователи дают различные определения, говоря об информационно-цифровом, электронно-цифровом, информационно-сетевом формате современной цивилизации. К новым чертам они относят цифровизацию и сетевизацию, а также мобильность и комплексность. Наряду с этим формируется междисциплинарная парадигма комплексности, ориентированная на исследование рисков, неопределенности, изменчивости [1].

Термины «цифровизация», «цифровое общество» являются производными от понятия «цифра» и стали в последнее время синонимичными в исследовательской практике. Отсылку часто делают в область прикладной информатики и коммуникационных технологий. Исследователь Д. Е. Добринская утверждает, что это не только технический процесс преобразования данных, но и неуклонное проникновение во все области современной жизни социума, так или иначе попадающие в зону цифровой трансформации. Для социологии имеют значение социальные факты, а следовательно, и то, каким образом индивиды выстраивают собственное взаимодействие, используя цифровые продукты, и то, что изменяется в их повседневности, включая социальные коммуникации, обмены, паттерны. Данное обстоятельство дает основание говорить о феномене цифровых социальных фактов [2].

По мнению Н. Селвина, в основу цифровой социологии заложены сквозные технологии (такие как *Big Data*, распределенный реестр, нейротехнологии, беспроводная связь и т. п.), необходимые для сбора, хранения, передачи и обработки социологической информации. С учетом этого можно говорить о цифровизации коммуникаций, в каком бы формате они не возникали. Алгоритмизация и сетевизация в данном контексте способствуют бурному развитию новых информационно-коммуникационных структур, носящих инновационный характер и формирующих новую цифровую реальность с особыми характеристиками. В этой новой реальности преобразуются время и пространство, создание, хранение и передача знаний, что по умолчанию предполагает существенные последствия, чревато новыми социальными рисками. Исследователи прогнозируют появление новых социальных проблем, связанных с доступом к цифровым ресурсам,

использованием цифровых следов индивидов в коммерческих целях, приводящих к нарушению приватности и вторжению в частную жизнь. Возникает феномен «большого цифрового брата», обладающего колоссальными возможностями скрытого контроля и управления субъектами социального взаимодействия.

Теория

Социология цифрового общества исследует жизнь социальных систем, структур, социальных институтов и социальных взаимодействий посредством новых технологий, которые, проникая во все сферы существования социума, уже сегодня обеспечивают его трансформацию. Д. Е. Добринская вслед за Н. Селвином рассматривает цифровизацию общества как совокупность ряда процессов (в их числе — сетевизация, датификация, платформизация и алгоритмизация), содержащих элементы сквозных технологий и формирующих цифровую технологическую инфраструктуру [3; 4].

Следует отметить, что в новейшей социологии очень актуален сетевой подход, который можно рассматривать как систему методологических направлений, использующих термин «сеть» в исследованиях социальной жизни и отдельных явлений современного общества. Судя по количеству зарубежных и отечественных публикаций, у сетевого подхода прослеживаются широкие перспективы в социологической науке с точки зрения эмпирических возможностей для решения социально значимых проблем и прикладных задач. Вместе с тем относительная новизна сетевого подхода требует его соотнесения с традиционной иерархией социологической теории и отдельной систематизации.

И. А. Воробьева и Р. А. Костерев, анализируя зарубежную традицию социологического сетевого анализа, констатируют, что можно выделить целый ряд направлений. Среди них — анализ модели межличностных отношений, Манчестерская школа антропологии и метод социометрии. Среди ученых-сетевых аналитиков наиболее заметны исследования Б. Уэллмана, полагающего, что в ходе сетевого анализа вычленяются модели коммуникаций в исследуемой социальной структуре, что позволяет выделить степень их влияния на распределение ресурсов этой структуры. При этом Уэллман рассматривает метод сетевого анализа в качестве универсального парадигмального подхода, характеристиками которого являются наличие структуры в деятельности, включая ее элементы, связи и внутренние отношения между элементами структуры, способность дробиться на отдельные сегменты или дискретные группы [5].

Сторонники теории сетевого общества рассматривают сеть в качестве фундаментального критерия современного социального мироустройства. Так, М. Кастельс в своих исследованиях феномена интернета утверждает, что первоначальным мотивом для создания интернет-среды у его создателей была идея социальной свободы и социального взаимодействия, предполагающая в качестве необходимого элемента наличие культуры виртуального сообщества, культуры предпринимательства, культуры хакеров и техно-меритократической культуры. В таком качестве сетевое сообщество интернета приобретает глобальные черты и новую социальную структуру, которой свойственны свои цели, ценности, смыслы, культурные коды, а также организационно-управленческие механизмы, включая власть и контроль. Как признанный автор актуального в современной социологии и популярного сегодня понятия сетевизации, М. Кастельс пишет, что материальные основы социальной жизни общества преобразует цифровое пространство, над которым не властны время, территориальные и институциональные границы. И в этом аспекте, по его мнению, возникает глобальное сетевое общество со своей

инфраструктурой, обладающее неограниченными возможностями, такими как тотальный цифровой контроль и доступ к конфиденциальной информации личного характера пользователей сетевых коммуникаций. Распространение сетевизации и организационно-управленческие особенности, что М. Кастельс классифицирует «как глобальную бюрократию надзора», делают ее объектом социологического научного анализа [6; 7].

Вместе с тем сетевизация, благодаря новым технологиям, открывает доступ к неограниченным информационным массивам неограниченному числу пользователей. В отечественной социологической науке сетевой анализ представлен в различной степени разработанности на разных уровнях в трудах В. В. Радаева, С. А. Кравченко, Г. В. Градосельской и ряда других. Заслуживают внимания и акторно-сетевая теория, авторами которой выступают В. С. Вахштайн, О. В. Хархордин, О. Е. Столярова, А. Г. Кузнецов, а также реляционная социология И. Ф. Девятко [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Результаты и обсуждение

Цифровизация общества не только генерировала и обогатила научную социологическую проблематику новыми терминами «киберсоциология», «социология интернета», «социология онлайн-сообществ», «социология киберкультуры» и т. п. По мнению В. Ф. Ницевича, предметное поле также расширено ввиду новых междисциплинарных областей: цифровой практики, социологического анализа цифровых данных и цифровых СМИ, критической и публичной цифровой социологии и др. К этой группе можно отнести использование цифровых платформ и социальных сетей для проведения эмпирических исследований и социального мониторинга [15; 16; 17].

В отечественных исследованиях существует мнение о том, что последствия цифровизации генерируют институциональные риски, связанные с побочными эффектами от применения технологических инноваций (речь идет о так называемых гибридных макро-микрорисках) и неизбежно увеличивают разрывы в знаниях. К таким негативным эффектам относится и неравномерность развития, как в глобальном, так и на локальном уровнях, поскольку цифровые технологии не только не уменьшают различного рода неравенство, но даже его усугубляют, создавая новые формы подчинения и зависимости, связанные с борьбой за влияние и ресурсы. По-видимому, говорить о решении существующих социальных проблем преждевременно.

Российский исследователь С. А. Кравченко соотносит современное цифровое общество с парсоновским (системно-функциональным, устойчивым, предсказуемым), противопоставляя его как сетевое, неравновесное и рискогенное. Он рассматривает современное сетевое общество как датацентрализованную, нелинейную, способную к неограниченному расширению, базирующуюся на принципе добровольности структуру узлов открытого типа. Сетевизация трансформирует социальные интеракции, формы и характер человеческой деятельности, включая власть, производство и социокультурный опыт [18].

Деятельность и деятельностный подход прочно вошли в науку и практику еще в XX в., а впоследствии стали привлекать пристальное внимание исследователей цифрового общества и социальных сетей. Во всех общеметодологических концепциях деятельность человека понимается как некий посредник между внутренним миром человека и внешней средой, как залог и источник его творческой активности. В отечественной науке сложились различные подходы к пониманию деятельности человека. В свое время Э. В. Ильенков обосновал положение о том,

что субъективный мир человека и его сознание возникают на основе его включения в коллективную человеческую деятельность, и окружающий мир человек воспринимает только через деятельность и ее формы. Эта основополагающая идея по-разному интерпретирована в трудах отечественных ученых. Так, Г. С. Батищев анализировал творческую составляющую деятельности человека и субъект-объектные отношения [19].

Г. П. Щедровицкий сконструировал общую теорию коллективной деятельности, согласно которой деятельность представляет собой коллективную систему, содержащую цели, средства, нормы и ценности ее участников. С этой позиции практическая задача ученого-исследователя заключается в проектировании и конструировании различных форматов этой деятельности (в обществе, управлении, науке, различных сферах практической жизни). Вклад Щедровицкого тем более ценен с позиций сегодняшнего дня, что он вплотную приблизил область научных исследований к эмпирике, технократизировав деятельностный подход. Важна для настоящего исследования точка зрения В. А. Лекторского, рассматривающего общение как субъект-субъектное межличностное взаимодействие, коммуникацию, как особого рода деятельность. По его мнению, любое отношение человека к миру видится возможным с помощью акта коммуникации, что получило оформление в концепции расширенного познания и расширенного сознания [20].

В современных социологических научных исследованиях деятельностный подход локализован в терминологии динамических характеристик исследуемого объекта, таких как изменение и развитие, становление и трансформация, иными словами, особенностей социальных процессов. Такая социальная динамика в современной интерпретации предполагает пересмотр классических постулатов и алгоритмов, характеризующих стабильные социальные институты и структуры недавнего прошлого. Так, в концепции становления П. Штомпки можно найти объяснение контекста социального бытия индивидов, определенного им в двух категориях — уровне тотальностей и уровне структур. При этом цитируемый автор указывает на преобразующую роль индивидов в социальной динамике в качестве носителей системы знаний, целей, ценностей, обеспечивающих непрерывное преобразование структур, институтов и человека [21; 22].

Своеобразное дополнение этому постулату обнаружено и у Э. Гидденса, объяснявшего сущность традиционных структур их дуализмом (правила, средства производства, ресурсы и одновременно результаты преобразований социальной жизни). Такие классические социальные структуры современного общества, организующие и регламентирующие поведение, деятельность людей, в рамках деятельностного подхода невозможно рассматривать в статике, без учета особенностей общества постмодерна с его нестабильностью, изменчивостью, ситуативностью, неупорядоченностью.

Знаковой особенностью повседневности стали невероятная скорость изменений, ускорение и усложнение социальных коммуникаций, расширяющих как никогда ранее границы сознания и познания человека. Цифровой формат социальных сетей позволяет рассматривать частную и социальную жизнь как результат технологического проектирования и конструирования, моделирования социальных процессов и механизмов, с одной стороны, освобождая человека от рутины и предоставляя ему иллюзию свободы и самовыражения, с другой — фактически отодвигая человека от участия в принятии решений. Как пишет А. Г. Полякова, цифровое моделирование социальных механизмов используется для различных целей и имеет свою историю. Этот метод применяется в социальном прогнозировании и проектировании сценариев разворачивания различных социальных процессов или явлений, имитаций, симуляций, иных социальных технологий [23].

Выводы

Подводя итоги, можно констатировать, что глобальная сетевизация расширяет горизонты научных исследований в цифровой социологии, предоставляя в распоряжение социологов поистине большие данные. Изучение и интерпретация последних позволяет проводить мониторинг социальных коммуникаций: выявлять зачатки новых проблем, устанавливать новые социальные факты, выстраивать закономерности прогнозировать новые социальные риски.

Список источников

1. Баньковская Ю. Л. Социальный капитал как фактор конфликтного взаимодействия сетевых структур // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 111–119. DOI: 10.17223/1998863X/65/11
2. Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192
3. Добринская Д. Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 250–259. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-250-259
4. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129
5. Воробьева И. А., Костерев Р. А. Цифровая коммуникация в структуре цифрового общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6–4 (120). С. 128–134. DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.160
6. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 327 с.
7. Castells M. Power and counter-power in the digital society. 2017. URL: <https://youtu.be/io3xwOBD4f0> (дата обращения: 17.12.2022).
8. Курбатов В. И., Куликов С. В., Пана О. М. Сетевые онлайн-сообщества: факторы самоуправления в формировании цифрового гражданского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 12. С. 24–31. DOI: 10.23672/SAE.2018.12.23532
9. Люблинский В. В., Михайленок О. М., Брега А. В., Зеленко Б. И., Воронкова О. А., Назаренко А. В., Щенина О. Г., Малышева Г. А., Никовская Л. И., Шиманская Э. С., Митрофанова А. В., Яжборовская И. С., Макушина Л. В. Политические отношения в сетях: система или сообщество // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 122–163. DOI: 10.34823/SGZ.2021.1.51522
10. Люблинский В. В. Политико-экономические аспекты цифросетевизации социального государства. Между «славным» прошлым и неопределенным будущим // Россия реформирующаяся. 2020. Вып. 18. С. 357–377. DOI: 10.19181/ezheg.2020.15
11. Михайленок О. М., Макушина Л. В. Сетевизация сферы труда как новая нормальность // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 170–179. DOI: 10.34823/SGZ.2021.3.51624
12. Москвин Л. Б. О новых явлениях в современном сетевом социуме и их влиянии на взаимоотношения власти и общества в России // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 159–169. DOI: 10.34823/SGZ.2021.3.51620
13. Рюмина М. Т. Цифровое общество и проблема человека // Научные исследования. 2020. № 2020. С. 79–89. DOI: 10.31249/scis/2020.00.06
14. Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности: монография / отв. ред. О. М. Михайленок, А. В. Назаренко. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН, 2021. 382 с.
15. Асеева И. А., Белкина В. А. Критерии и показатели антропологической адекватности цифровизации в России // Научные исследования. 2022. № 2022. С. 7–39. DOI: 10.31249/scis/2022.01.01

16. Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1. С. 18–28. DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28
17. Осипов Г. В., Кареева С. Г., Костоломова М. В., Пинчук А. Н., Некрасов С. В. Информационное воздействие на сознание общества в условиях пандемии: теория и методы исследования // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: коллективная монография / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ИТД Перспектива, 2020. С. 485–510.
18. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.
19. Батищев Г. С. Избранные произведения. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (КН МОН РК), 2015. 874 с.
20. Лекторский В. А. Деятельностный подход вчера и сегодня // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / под ред. Т. Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 15–27.
21. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
22. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
23. Полякова А. Г. Цифровая социология и исследование социальных механизмов в интернет-пространстве // Социодинамика. 2021. № 2. С. 51–64. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.2.32163

References

1. Bankouskaya Yu.L. Social capital as a factor of network structures' conflict interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2022;(65): 111-119. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/65/11
2. Dobrinskaya D.E. Digital society: Sociological perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(4):175-192. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-175-192
3. Dobrinskaya D.E. Digital sociology for exploring digital society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2021;(2):250-259. (In Russ.). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-250-259
4. Dobrinskaya D.E. What is the digital society? *Sotsiologiya nauki i tekhnologii = Sociology of Science and Technology*. 2021;12(2):112-129. (In Russ.). DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129
5. Vorobeva I.A., Kosterev R.A. Digital communication in the structure of a digital society. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2022;(6-4):128-134. (In Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.160
6. Castells M. The Internet galaxy: Reflections on the Internet, business and society. Oxford: Oxford University Press; 2001. 304 p. (Russ. ed.: Castells M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 327 p.).
7. Castells M. Power and counter-power in the digital society. 2017. URL: <https://youtu.be/io3xwOBD4f0> (accessed on 17.12.2022).
8. Kurbatov V.I., Kulikov S.V., Papa O.M. Networked online communities: Factors of self-government in the formation of a digital civil society. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2018;(12):24-31. (In Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2018.12.23532
9. Lyublinsky V.V., Mikhaylenok O.M., Brega A.V., Zelenko B.I., Voronkova O.A., Nazarenko A.V., Shchenina O.G., Malysheva G.A., Nikovskaya L.I., Shimanskaya E.S., Mitro-

- fanova A.V., Yazhborovskaya I.S., Makushina L.V. Political relations in networks: System or community. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2021;(1):122-163. (In Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2021.1.51522
10. Lyublinsky V.V. Political and economic aspects of digital network welfare state. Between "glorious" past and uncertain future. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2020;(18):357-377. (In Russ.). DOI: 10.19181/ezheg.2020.15
11. Mikhajlenok O.M., Makushina L.V. Networkization of the labor sphere as a "new normal". *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2021;(3):170-179. (In Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2021.3.51624
12. Moskvina L.B. About new phenomena in the modern network society and their impact on the relationship between government and society in Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2021;(3):159-169. (In Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2021.3.51620
13. Ryumina M.T. Digital society and the human problem. *Naukovedcheskie issledovaniya*. 2020;(2020):79-89. (In Russ.). DOI: 10.31249/scis/2020.00.06
14. Mikhajlenok O.M., Nazarenko A.V. Networkization of political relations in the new reality. Moscow: Federal Research Sociological Center; 2021. 382 p. (In Russ.).
15. Aseeva I.A., Belkina V.A. Criteria and indicators of anthropological adequacy of digitalization in Russia. *Naukovedcheskie issledovaniya*. 2022;(2022):7-39. (In Russ.). DOI: 10.31249/scis/2022.01.01
16. Nitsevich V. Digital sociology: Theoretical and methodological origins and bases. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*. 2018;1(1):18-28. (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28
17. Osipov G.V., Karepova S.G., Kostolomova M.V., Pinchuk A.N., Nekrasov S.V. Information impact on the consciousness of society in a pandemic: Theory and research methods. In: Levashov V.K., ed. Russian society and the state in a pandemic: Socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020. Moscow: Perspektiva; 2020:485-510. (In Russ.).
18. Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. Sociology of the digital society. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ.; 2021. 226 p. (In Russ.).
19. Batishchev G.S. Selected works. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; 2015. 874 p. (In Russ.).
20. Lektorskiy V.A. Activity approach yesterday and today. In: Shchedrina T.G., ed. Style of thinking: The problem of the historical unity of scientific knowledge: To the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko. Moscow: ROSSPEN; 2011:15-27. (In Russ.).
21. Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków: Znak, Społeczny Instytut Wydawniczy Sp.; 2002. 653 p. (Russ. ed.: Sztompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva. Moscow: Logos; 2005. 664 p.).
22. Sztompka P. The sociology of social change. Oxford; Cambridge, MA: Wiley-Blackwell; 1993. 368 p. (Russ. ed.: Sztompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. Moscow: Aspekt Press; 1996. 416 p.).
23. Polyakova A.G. Digital sociology and examination of social mechanisms of the Internet space. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2021;(2):51-64. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2021.2.32163

Информация об авторах

С. О. Снисаренко — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. Г. Абызов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления социально-экономическими системами; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

S. O. Snisarenko — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems of Sociological Sciences; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. G. Abyzov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics and Management of Socio-Economic Systems of Sociological Sciences; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-17-26

Социологическое исследование некоторых ценностных ориентаций студентов спортивно-физкультурного вуза¹

Каджик Мартirosович Оганян¹✉, Карина Каджиковна Оганян²

^{1, 2} Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия,

¹ koganyan53@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-001-7339-7190>

² karina_oganyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9514-7002>

Аннотация. Согласно авторской позиции, в течение многих лет в обществе считали, что молодые люди должны усваивать духовные ценности отцов и следовать им. Однако опыт жизни разных поколений показывает, что данная установка — миф. В статье исследованы некоторые ценностные ориентации студентов спортивно-физкультурного вуза. Выявлены жизненные цели и ориентиры молодых людей, определено отношение молодежи к институту брака. Осмыслена готовность молодых людей к созданию семьи, а также проанализировано отношение студентов к будущей профессии. В результате проведения опроса установлено, что студенты Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья (НГУ) имени П. Ф. Лесгафта ориентированы выбирать профессию, которая одновременно будет приносить удовольствие и материальное благополучие. По мнению авторов, в условиях экономических и политических изменений студенты данного вуза, будучи движущей силой социума, ценностно ориентированы на создание крепкой и дружной семьи, выбор интересной, увлекательной работы, которая будет приносить полное материальное благополучие.

Ключевые слова: ценности, семья, студенты, профессия, жизненная цель, жизненный успех, интересная работа

Для цитирования: Оганян К. М., Оганян К. К. Социологическое исследование некоторых ценностных ориентаций студентов спортивно-физкультурного вуза // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 17–26. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-17-26>

Original article

Sociological study of value orientations of students of a sports and physical education university

Kadzhik M. Oganyan¹✉, Karina K. Oganyan²

^{1, 2} Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg, Russia

¹ koganyan53@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-001-7339-7190>

² karina_oganyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9514-7002>

Abstract. According to the author's position, society has believed for many years that young people should internalize and follow the spiritual values of their fathers. However, the experience of different generations shows that this attitude is a myth. The paper investigated several value orientations of students of a sports and physical education

© Оганян К. М., Оганян К. К., 2023

¹ В исследовании приняли участие И. Новикова и А. Потоцкая, студенты 3 курса НГУ имени П. Ф. Лесгафта.

university. The life goals and orientations of young people were identified, and the attitude to the institution of marriage was determined. In addition, the readiness of young people to create a family was comprehended, and students' attitudes toward the future profession were analyzed. The survey found that students at the Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health are focused on choosing a profession that will simultaneously bring pleasure and financial well-being. In the context of economic and political changes, the students of this university, being the driving force of the society, are value-oriented to create a strong and friendly family and choose an interesting and exciting job that will bring material welfare.

Keywords: values, family, students, profession, life goal, life success, interesting work

For citation: Oganyan K. M., Oganyan K. K. Sociological study of value orientations of students of a sports and physical education university. *Sociology and Law*. 2023;15(1): 17-26. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-17-26>

Введение

Проблемы состояния и развития современной молодежи всегда занимали особое место в научной литературе в контексте социологического и социально-психологического анализа [1; 2; 3; 4; 5]. Молодежь по-прежнему остается главной движущей силой развития общества и обеспечения конкурентоспособности на рынке труда [6; 7; 8; 9].

Существует множество различных факторов, негативно влияющих на эту социальную группу и требующих разработки соответствующих социальных технологий [2; 10; 11]. Глобализация в этом контексте может быть рассмотрена как с положительной стороны [12; 13], показывающей уровень развития молодежи, так и с отрицательной [14; 15].

Все эти аспекты призваны улучшить уровень и качество жизни населения нашего государства [16; 17]. Исследование ценностных ориентаций молодежи способствует данному процессу и позволяет глубже осмыслить их мотивы, смысл жизни, роль здорового образа жизни [7; 8, с. 142–148; 18; 19; 20].

Цель исследования — изучить ценностные ориентации студентов спортивно-физкультурного вуза.

Задачи исследования:

- выявить жизненные цели и ориентиры молодых людей;
- определить отношение молодежи к институту брака;
- оценить готовность молодых людей к созданию семьи;
- проанализировать отношение студентов к будущей профессии.

Выборка и инструменты исследования

Исследование проведено в 2022 г. среди студентов НГУ имени П. Ф. Лесгафта. Выборочная совокупность сформирована по полу (15 % мужского пола, 85 % — женского; возрасту: 19 лет — 3,7 %; 20 лет — 77,8 %; 21 год — 14,8 %; 23 года — 3,7 %). В исследовании участвовали 312 человек.

Гипотеза: исследование ценностных ориентаций студентов НГУ имени П. Ф. Лесгафта позволит выявить динамику изменений во взглядах молодых людей в условиях экономических и политических перемен.

Какие критерии жизненного успеха для Вас наиболее значимы?

В качестве лидирующих критериев жизненного успеха для студентов выступают интересная работа, семья и дети, которые распределились поровну. На вто-

ром месте находятся друзья. Самыми низкими по значимости оказались богатство и власть, как видно на рисунке 1.

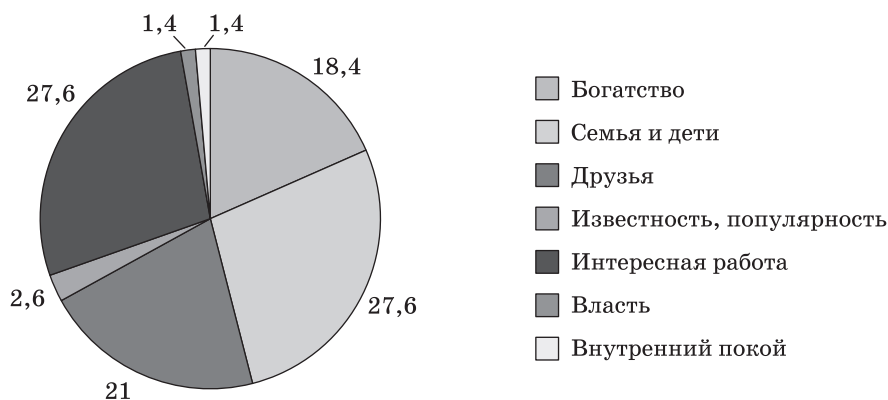

Рис. 1. Критерии жизненного успеха студентов, %

Fig. 1. Criteria of students' life success, %

Есть ли у Вас главная цель в жизни?

Большинство студентов ответили, что у них нет главной цели в жизни. При этом многие указали, что их цель изменилась после поступления в университет, как показано на рисунках 2 и 3.

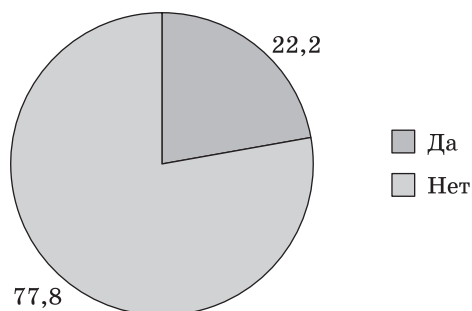

Рис. 2. Главная цель в жизни, %

Fig. 2. Main life goal, %

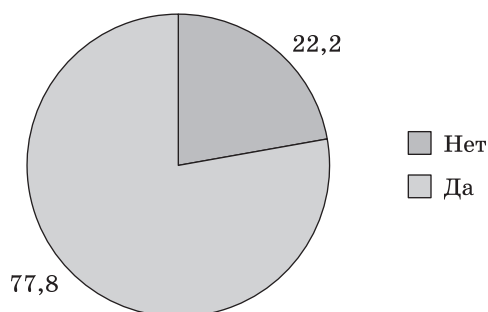

Рис. 3. Изменения в содержании главной цели после поступления в университет, %

Fig. 3. Changes in the main goal after entering the university, %

**Какому из перечисленных направлений наиболее близка
Ваша главная цель в жизни?**

В ответах студентов выбор наиболее близкой цели осуществляется в направлении обретения финансовой самостоятельности и создания крепкой, дружной семьи, как видно на рисунке 4.

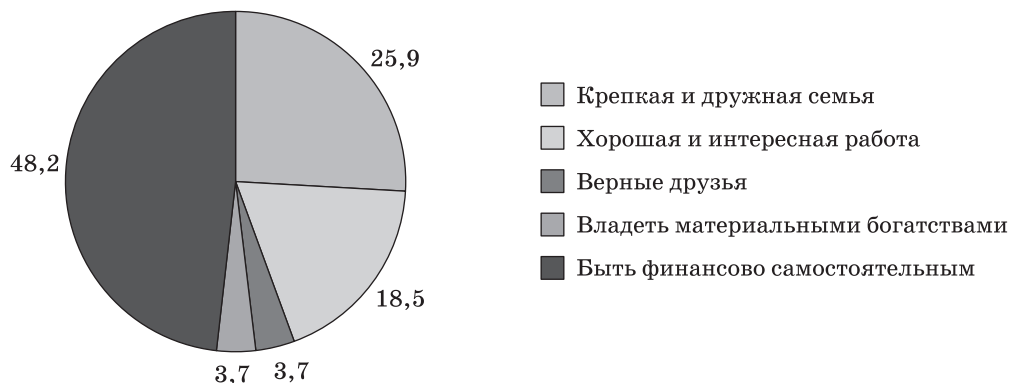

Рис. 4. Направления, наиболее близкие главной цели в жизни, %

Fig. 4. Directions closest to the main life goal, %

**Какие из перечисленных конкретных терминальных ценностей
для Вас наиболее значимы?**

Терминальные ценности, отраженные на рисунке 5, расположены в ответах респондентов в следующем порядке: в приоритете находится материально обеспеченная жизнь, на втором месте — счастливая семейная жизнь и здоровье, а наименее значимым является общественное признание для студентов.

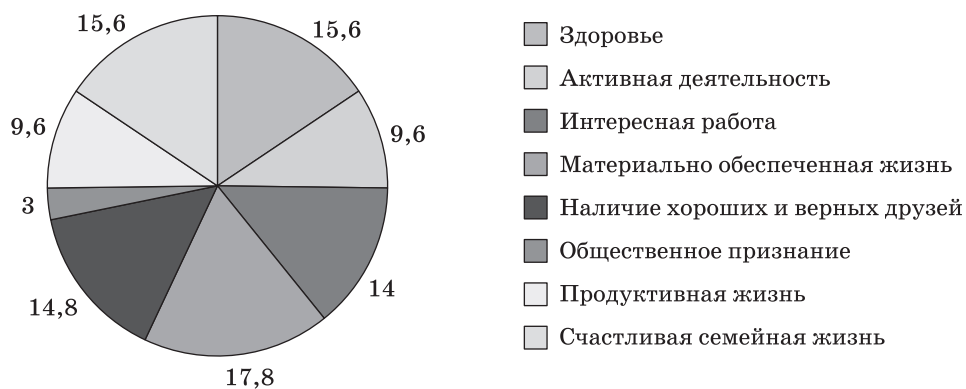

Рис. 5. Терминальные ценности студентов, %

Fig. 5. Students' terminal values, %

**Какие из перечисленных абстрактных терминальных ценностей
для Вас наиболее значимы?**

Такие ценности, как любовь и счастье близких, одинаково значимы для студентов. Духовное развитие также выступает в числе приоритетных ценностей. Вместе с тем красота природы и искусства не представляет значимой ценности для опрашиваемых, что отражено на рисунке 6.

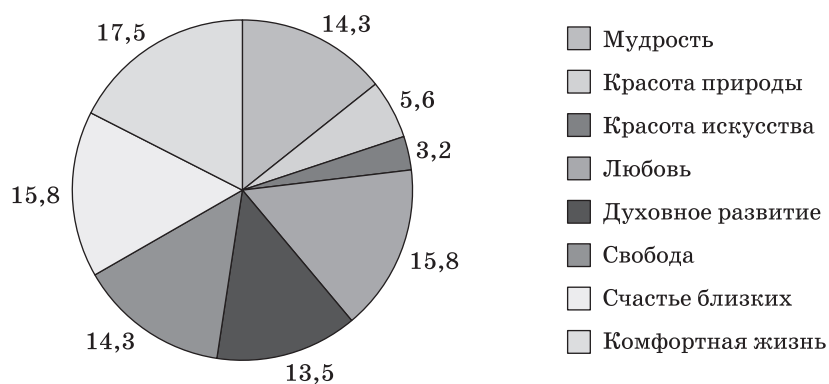

Рис. 6. Наиболее значимые абстрактные терминальные ценности, %

Fig. 6. Most significant abstract terminal values, %

Ваша будущая профессия должна быть

В процессе опроса выявлено, что будущая профессия студентов должна в первую очередь приносить им удовольствие, а после этого — материальный достаток. Вопрос престижа профессии не играет большой роли для студентов, о чем свидетельствует рисунок 7.

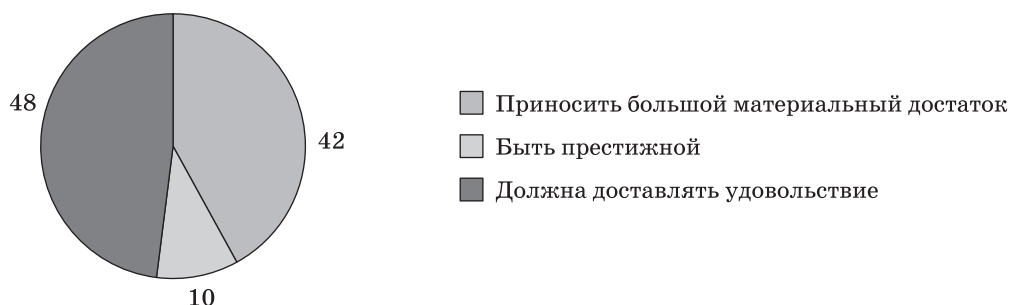

Рис. 7. Распределение критериев ожидания в отношении будущей профессии, %

Fig. 7. Distribution of expectation criteria for the future profession, %

Считаете ли Вы, что брак нужно регистрировать?

На вопрос о значимости и важности регистрации брака большинство студентов ответили в пользу последнего, как видно на рисунке 8.

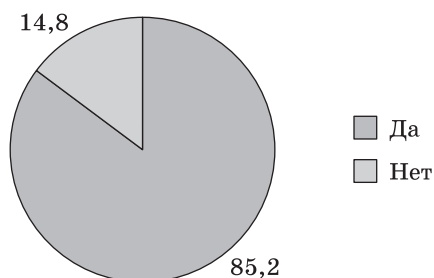

Рис. 8. О значимости регистрации брака, %

Fig. 8. Significance of marriage registration, %

Когда Вы планируете создавать семью?

Вопрос о периоде создания семьи остается для студентов открытым, поскольку они не имеют конкретного представления об этом. Меньшинство считает, что период после окончания вуза наиболее удачен для такого события, что отражено на рисунке 9.

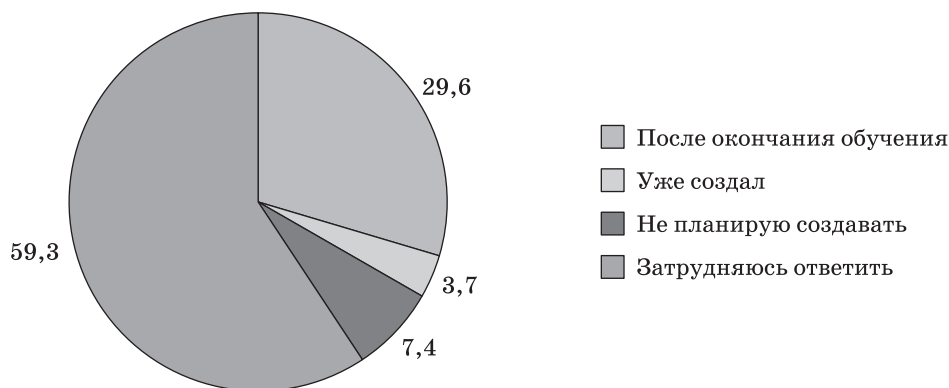

Рис. 9. О планировании семьи, %

Fig. 9. Family planning, %

Сколько детей Вы хотели бы?

В ответах на вопрос о количестве детей большинство студентов единодушны: один ребенок или двое детей. Многодетность поддерживает меньшинство, как видно на рисунке 10.

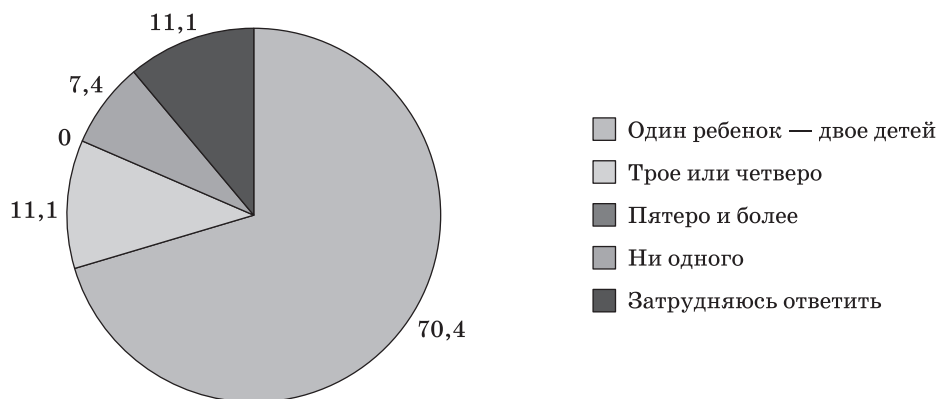

Рис. 10. О количестве детей в семье, %

Fig. 10. Number of children in the family, %

Какие качества Вы больше всего цените в людях?

Ум и надежность являются наиболее важными качествами в людях, по мнению студентов. Красота и храбрость практически не ценятся, как видно на рисунке 11.

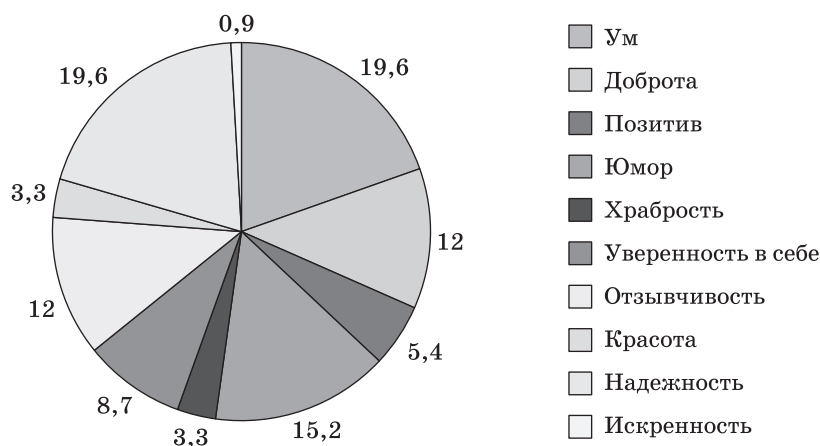

Рис. 11. Оценка студентами приоритетных качеств людей (не более трех вариантов), %

Fig. 11. Students' evaluation of the priority qualities of people (up to three options), %

Заключение

По результатам опросов, проведенных в 2022 г., становится очевидным, что в настоящее время, в условиях экономических и политических изменений, студенты НГУ имени П. Ф. Лесгафта, являясь движущей силой социума, ценностно ориентированы на создание крепкой и дружной семьи, выбор интересной работы в удовольствие, которая будет приносить полное материальное благополучие.

Можно констатировать, что с точки зрения целеполагания у большинства опрошенных нет главной цели в жизни, и поступление в Университет не изменило их взгляды. Однако полученные результаты могут быть обусловлены возрастным сегментом респондентов, которые проходят так называемый кризис самоопределения. По результатам опроса становится понятным, что большинство опрошиваемых ценностно ориентированы на создание семьи. Кроме того, преобладает количество ответов с позицией о необходимости регистрации брака. Но многие затрудняются ответить на вопрос о времени создания семьи, что свидетельствует о возвращении в систему ценностей молодого человека института семьи при условии увеличения среднего возраста ее создания. Итак, студенты НГУ имени П. Ф. Лесгафта ориентированы на выбор профессии, которая одновременно будет приносить удовольствие и материальное благополучие.

Список источников

1. Гришина Е. А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М.: Академия управления МВД РФ, 2003. 133 с.
2. Лисовский В. Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 98–104.
3. Лисовский В. Т. Социология молодежи: учеб. пособие. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 460 с.
4. Чупров В. И., Zubok Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2000. 114 с.

5. Шаронов А. В. Молодежная политика: воспроизводство и баланс преемственности. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2002. 152 с.
6. Бранский В. П., Оганян К. М., Оганян К. К. Глобализация и общечеловеческая ценность // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. С. 78–88.
7. Оганян К. М., Оганян К. К., Львин Ю. М. Адаптация и ценностно-нормативные конфликты в студенческой среде (социологический анализ): монография. СПб.: Сударыня, 2005. 194 с.
8. Социологическое сопровождение обеспечения конкурентоспособности выпускников вуза в условиях современного рынка труда: коллективная монография / под ред. К. М. Оганяна. М.: ИНФРА-М, 2015. 244 с.
9. Чупров В. И. Социальное развитие молодежи. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Социум, 2004. 272 с.
10. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 35–44.
11. Оганян К. М. Социально-антропологический анализ качества жизни // коллективная монография / под ред. К. М. Оганяна, С. В. Бойко. Череповец: ИНЖЭКОН-Череповец, 2007. 220 с.
12. Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105.
13. Оганян К. М., Манько Ю. В. Социология молодежи: учеб. пособие. СПб.: Петрополис, 2008. 316 с.
14. Оганян К. М., Оганян К. К. О проблеме формирования мотивации успеха: социологический и психологический подходы // Социология и право. 2021. № 1 (51). С. 18–25. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-18-25
15. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 229 с.
16. Оганян К. М., Оганян К. К. Здоровье как ценность в современном обществе (по результатам социологического исследования здорового образа жизни студентов) // Общественное здоровье и формирование здорового образа жизни в России и Китае: сборник ст. Российско-китайской социологической конференции (к 20-летию подписания Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве). СПб., 14–15 мая 2021. СПб.: СПбГУ, 2021. С. 82–88.
17. Оганян К. М., Оганян К. К. Социологический анализ здорового образа жизни студентов // Социология и право. 2019. № 1 (43). С. 17–30.
18. Оганян К. М., Оганян К. К. Социологический анализ исследования социально-профессиональной активности студентов // Социология и право. 2017. № 3 (37). С. 23–36.
19. Оганян К. М., Оганян К. К. Социологический анализ ценностных ориентаций и здорового образа жизни студенческой молодежи средствами физической культуры // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 21–23 марта 2019 г. Уфа: Уфимский гос. авиационный технический ун-т, 2019. С. 142–147.
20. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / под общ. ред. С. В. Чуева. М.: Государственный ун-т управления, 2017. 131 с.

References

1. Grishina E.A. Russian youth: Problems of civic identity. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2003. 133 p. (In Russ.).
2. Lisovskii V.T. Dynamics of social changes (experience of comparative sociological studies of Russian youth). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 1998;(5): 98-104. (In Russ.).
3. Lisovskii V.T. Sociology of youth. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.; 1996. 460 p. (In Russ.).

4. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Youth in social reproduction: Problems and prospects. Moscow: Institute for Socio-Political Research RAS; 2000. 114 p. (In Russ.).
5. Sharonov A.V. Youth policy: Reproduction and balance of succession. Moscow: Institute for Socio-Political Research RAS; 2002. 152 p. (In Russ.).
6. Branskij V.P., Oganyan K.M., Oganyan K.K. Globalization and universal values. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*. 2013;(4):78-88. (In Russ.).
7. Oganyan K.M., Oganyan K.K., L'vin Yu.M. Adaptation and value-normative conflicts in the student environment (sociological analysis). St. Petersburg: Sudarynya; 2005. 194 p. (In Russ.).
8. Oganyan K.M., ed. Sociological support for ensuring the competitiveness of university graduates in the conditions of the modern labor market. Moscow: Infra-M; 2015. 244 p. (In Russ.).
9. Chuprov V.I. Social development of youth: Theoretical and applied problems. Moscow: Sotsium; 2004. 272 p. (In Russ.).
10. Zhuravleva N.A. Youth values orientation dynamics in conditions of social and economic changes. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2006;27(1):35-44. (In Russ.).
11. Oganyan K.M., Boiko S.V., eds. Socio-anthropological analysis of the quality of life. Cherepovets: INZhEKON-Cherepovets; 2007. 220 p. (In Russ.).
12. Gavril'yuk V.V., Trikoz N.A. Dynamics of value orientations in the period of social transformation (generational approach). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2002;(1):96-105. (In Russ.).
13. Oganyan K.M., Man'ko Yu.V. Sociology of youth. St. Petersburg: Petropolis; 2008. 316 p. (In Russ.).
14. Oganyan K.M., Oganyan K.K. On the problem of formation of motivation for success: Sociological and psychological approaches. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2021;(1):18-25. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-18-25
15. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Uil'yams K. Youth in a risk society. Moscow: Nauka; 2001. 229 p. (In Russ.).
16. Oganyan K.M., Oganyan K.K. Health as a value in modern society (according to the results of a sociological study of a healthy lifestyle of students). In: Public health and the formation of a healthy lifestyle in Russia and China. Proc. Russian-Chinese sociol. conf. (on the occasion of the 20th anniversary of the signing of the Russian-Chinese Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation). (St. Petersburg, 14-15 May, 2021). St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2021:82-88. (In Russ.).
17. Oganyan K.M., Oganyan K.K. Sociological analyses of a student's healthy lifestyle. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2019;(1):17-30. (In Russ.).
18. Oganyan K.M., Oganyan K.K. Research's sociological analysis of social and professional students' activity. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2017;(3):23-36. (In Russ.).
19. Oganyan K.M., Oganyan K.K. Sociological analysis of value orientations and healthy lifestyle of student youth by means of physical culture. In: Actual problems of physical culture, sports and tourism. Proc. 13th Int. sci.-pract. conf. (Ufa, 21-23 March, 2019). Ufa: Ufa State Aviation Technical University; 2019:142-147. (In Russ.).
20. Chuev S.V., ed. Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: Research results. Moscow: The State University of Management; 2017. 131 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

К. М. Оганян — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин имени В. У. Агеевца; 190121, Санкт-Петербург, Декабристов ул., д. 35.

К. К. Оганян — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин имени В. У. Агеевца; 190121, Санкт-Петербург, Декабристов ул., д. 35.

Information about the authors

К. М. Oganyan — Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V. U. Ageevts; 35 Dekabristov St., St. Petersburg 190121, Russia;

К. К. Oganyan — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V. U. Ageevts; 35 Dekabristov St., St. Petersburg 190121, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 364.07

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-27-40

Социальная защита материнства и детства на территории регионов юга Западной Сибири в 1990-е гг.

Анна Владимировна Радонова^{1, 2}

¹ Алтайский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Барнаул, Россия

² Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия, radonova.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6080-5087>

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов социальной поддержки материнства и детства в Российской Федерации (РФ) в целом и регионах юга Западной Сибири в частности в один из проблемных периодов социальной защиты (90-е гг. XX в.). В условиях кризиса финансирования социальных выплат важнейшей задачей становится разработка эффективной концепции социальной поддержки слабозащищенных слоев народонаселения. Представлен анализ статистических данных, подтверждающий актуальность демографического кризиса в российском обществе. В частности, рассмотрены материалы Государственных архивов субъектов юга Западной Сибири: Республики Алтай, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, Алтайского края. Охарактеризованы базовые нормативные акты, принятые в 1990-е гг., регулирующие механизмы социального обеспечения семей с детьми в нашей стране. Закономерным итогом исследования стал вывод об обязательности систематической индексации материальных выплат, соразмерной росту потребительских цен на товары первой необходимости. Предоставление льготных кредитов на приобретение жилья, бюджетное финансирование летнего отдыха детей из малоимущих и многодетных семей, увеличение объемов бесплатного обслуживания детей и матерей в медицинских учреждениях — эти меры, согласно авторской позиции, не способствуют в полном объеме решению проблем. Преодоление кризисных явлений видится в попытках сбалансировать социальную систему РФ относительно реального социальноэкономического уровня страны.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальные риски, медицинское обслуживание, социальная поддержка, пособие, льгота, финансирование, безвозмездная ссуда, сложная жизненная ситуация

Для цитирования: Радонова А. В. Социальная защита материнства и детства на территории регионов юга Западной Сибири в 1990-е гг. // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-27-40>

Original article

Social protection of motherhood and childhood in the regions of the south of Western Siberia in the 1990s.

Anna Vladimirovna Radonova^{1, 2}

¹ Altay State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Barnaul, Russia

² Altai Institute of Economy — branch of St. Petersburg University of Technologies of Management and Economy, Barnaul, Russia, radonova.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6080-5087>

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of social support for motherhood and childhood in the Russian Federation, in general, and in the regions of South-western Siberia during one of the problematic periods of social protection — in the 90s of the twentieth century. In the context of the crisis of financing social payments, the most important task is to develop an effective concept of social support for vulnerable segments of the population. The analysis of statistical data confirming the relevance of the demographic crisis in Russian society is presented. In particular, the materials of the State Archives of the subjects of the south of Western Siberia are considered: the Altai Republic, Omsk, Novosibirsk and Kemerovo regions, the Altai territory. The basic normative acts adopted in the 1990s regulating the mechanisms of social security for families with children in our country are characterized. The logical result of the study was the conclusion that the systematic indexation of material payments is mandatory in proportion to the increase in consumer prices for essential goods. The provision of preferential loans for the purchase of housing; budget financing of summer holidays for children from poor and large families; an increase in the volume of free services for children and mothers in medical institutions is clearly not enough to overcome the difficulties that have arisen. Overcoming the crisis phenomena is seen in attempts to balance the social system of the Russian Federation relative to the real socio-economic level of the country.

Keywords: social security, social risks, medical care, social support, allowance, benefit, financing, gratuitous loan, difficult life situation

For citation: Radonova A. V. Social protection of motherhood and childhood in the regions of the South of Western Siberia in the 1990 s. *Sociology and Law*. 2023;15(1):27-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-27-40>

Введение

Одной из актуальных проблем социальной поддержки в Российской Федерации (РФ) в конце XX в. стала защита семьи, материнства и детства. Трансформация механизмов социальной помощи женщинам и семьям с детьми в нашей стране осуществлялась параллельно со сменой исторических периодов. На каждом из них повышался социальный статус этих категорий народонаселения: иногда успешно, а иногда не совсем успешно. Такое совершенствование создавало впечатление о наличии вполне эффективной по сравнению с аналогичными механизмами системы социальной защиты семей с детьми. Однако это вполне соответствует действительности [1, с. 34].

Приоритет указанного направления социальной защиты признан в работах большинства отечественных ученых: Н. П. Черноморченко, В. П. Юдина, Е. И. Капустина, А. В. Федорова, Л. А. Батурина, В. Н. Бутова, Л. А. Маслова, К. Лайкам, Е. И. Холостова и др. Хотя, с нашей точки зрения, в них отсутствует анализ особенностей отечественной социальной практики, используемой рядом зарубежных государств. Поэтому перспективы использования советского опыта государственной защиты материнства и детства в современных экономических условиях приобретают особую актуальность в настоящее время [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Полагаем, состояние отечественной экономики 1990-х гг. позволяло оказывать минимальную поддержку только самым нуждающимся семьям, предоставляя им возможность для выживания. С этой целью компетентные государственные органы заблаговременно выявляли остро нуждающиеся семьи, которым была предоставлена скромная, но регулярная выплата: пособия на детей и беременным женщинам, социальные пенсии и др.). Бедствующие семьи систематизированы в нескольких группах с учетом концентрации имеющихся сложностей или вероятности наступления кризиса:

- первая категория — с общедемографическими трудностями (с приемными детьми; многодетные; неполные; с пораженными в дееспособности родителями; имеющие детей с ограничениями жизнедеятельности; малообеспеченные и др.);
- вторая — с психологическими проблемами (претерпевающие сложности во взаимоотношениях; не имеющие способностей к самозащите; в случаях физического и психического насилия) [10, с. 237].

Результаты исследования

Сложности в демографических механизмах РФ — снижение рождаемости, сокращение продолжительности жизни народонаселения — особую актуальность приобрели в 1990-е гг.

Во многих отношениях первопричиной трудностей «акклиматизации» семей в экономических реалиях конца XX в. стало количество детей: в России середины 1990-х гг. их насчитывалось менее 39 млн [11, с. 68]. Негативные признаки демографической ямы проявлялись в начале 90-х гг. XX в. вследствие утраты ранее установленных нормативов, отмены значительного массива правовых актов. Подчеркнутую настороженность внушал значительный прогресс показателей смертности новорожденных: в 1993 г. около 20 % из тысячи младенцев не дожили до года, в 1994 г. этот показатель опустился лишь на 1 % [12, с. 52–53].

Регресс здоровья наблюдался у новорожденных детей и беременных женщин: в первой половине 1990-х гг. общая заболеваемость новорожденных поднялась в два с половиной раза, в том числе за счет расстройств здоровья с высокой летальностью [13, с. 51]. Функционирующие в России оздоровительные учреждения в условиях дефицита бюджетного финансирования не справлялись с потребностями нуждающихся в санаторно-курортных услугах, особенно малолетних детей и будущих матерей. Острый недостаток семейных санаториев удовлетворялся за счет сокращения количества специализированных оздоровительных учреждений для несовершеннолетних [14, с. 74].

В первой половине 1990-х гг. ощущалась острая нехватка детского питания: значительно сократился выпуск молочной и мясной продукции для детей первого года жизни. Замедление подъема доходов народонаселения относительно взлета цен на товары повседневного спроса привело к отрицательной трансформации семейных финансов в связи с повышением расходной части и понижению уровня жизни. Значительно снизилась качественная структура питания несовершеннолетних: его базовые элементы постепенно сдвигались в сторону полисахаридов; из рациона вытеснены ценные белоксодержащие продукты из молока, мяса, рыбы, овощи, фрукты и др.

В южных регионах Западной Сибири в конце XX в. заметно возросли цены на детскую одежду и обувь, тарифы на оплату услуг детских культурных и образовательных учреждений. При существенном повышении цен на детский ассортимент товаров в России наблюдался общий спад их производства. Так, выпуск чулочно-носочных изделий, обуви для несовершеннолетних в целом в стране сократился в 1994 г., по сравнению с 1993 г., на 50 %, трикотажных изделий — почти на 40 %. В результате исчезли из свободной продажи для детей многие товары первой необходимости, доступные импортные детские товары стоили значительно дороже отечественных и были не по средствам большей части потребителей [15, с. 115].

По данным Федеральной службы занятости и трудоустройства, причиной усиления общественной поляризации стало наличие на содержании у большей доли

безработных женщин несовершеннолетних детей и отсутствие у них работы от шести месяцев и более. Так, в 90-е гг. XX в. 75 % получателей пособия по безработице составляли женщины, имеющие на попечении малолетних детей [16, с. 29].

На начало 1990-х гг. в неполных и многодетных семьях сформировались крайне сложные обстоятельства: предельно низкий уровень качества жизни, максимальный регресс семейных доходов из-за последствий безработицы. Официальные показатели положения материнства и детства в субъектах юга Западной Сибири были недалеко от среднестатистических, незначительно различались и общедемографические параметры. В частности, количество жителей Кемеровской области на начало 1998 г. достигло более 1 млн чел., хотя увеличение народонаселения происходило исключительно за счет притока мигрантов. С 1990 г. естественный прирост граждан РФ постоянно снижался [17, с. 51]. По результатам мониторинга, с 1993 г. Республика Алтай характеризовалась естественной убылью жителей, которая к 1998 г. в регионе достигла 3 тыс. чел. По состоянию на 1997 г. число умерших превышало количество родившихся на 31 %, а в сравнении с началом 1990-х гг. процент смертности увеличился до 17, рождаемость упала на 28 %.

Во второй половине 90-х гг. XX в. смертность новорожденных в Республике Алтай превысила общероссийский уровень и к 1998 г. достигла 19 %. В Алтайском крае летальность среди младенцев была еще выше: в 1995 г. находилась на рубеже 25 %, но к 1999 г. снизилась до 18. На основе анализа архивных данных мы располагаем обширными сведениями о состоянии материнства и детства в Омской области, которые могут реферировать характерные для среднестатистического региона обстоятельства.

Общий объем народонаселения субъекта к началу XXI в. достиг 1 720 тыс. чел. Из них только треть составляли горожане, а две третьих — сельчане. Структура не достигших совершеннолетия жителей в 1990-е гг. отражала признаки происходивших в области социальных изменений, начавшихся еще в 80-х гг. XX в. Например, количество несовершеннолетних (лиц 8–15 лет) насчитывало 62 % от общей численности детей (более 338 тыс. чел.), малолетних до 7 лет — 37,5 % (203 тыс. чел.). Представители первой группы родились в 1982–1989 гг. (наивысший с середины XX в. период рождаемости), второй — родившиеся позднее, в годы обостренного демографического кризиса. К началу XXI в. количество малолетних и несовершеннолетних практически уравнено по численности [18].

Наличествующий показатель рождаемости не гарантировал даже элементарного воспроизводства населения; показатель рождаемости одной женщиной в течение жизни установлен на уровне 1,11 относительно 2,15 обязательных для смены поколений. Уровень фертильности в области — ниже общероссийского: к концу 1999 г. на свет появились 21,5 тыс. младенцев, что меньше на 3,5 %, чем в 1998 г. [19].

С учетом родившихся семьи оказывались по большей части малодетными, что стало показательным для всех субъектов РФ. Доля вторых детей, родившихся в начале 1990-х гг., снизилась к 1999 г. с 35 до 27 %, третьих и последующих — с 15 до 8 %. Промежуток в воспроизводстве вторых и последующих детей в этот период увеличился в два с половиной раза, на треть сократилось количество первенцев.

В 1990-е гг. конгломерат народонаселения Новосибирского региона включал в себя около 55 % (1 762 400 чел.) женщин. Из них примерно 49 % (705 879 чел.) пребывали в репродуктивном возрасте. По нашему мнению, фундаментальной причиной снижения рождаемости выступает трансформация возрастного состава женщин: к концу 1999 г. в возрастном сегменте 20–38 лет находились на 6,5 %

женщин меньше, чем на начало 1990 г. К тому же на сокращении деторождаемости в значительной степени отразилось снижение количества законных браков: в 1990 г. насчитывается 26 тыс., а в 1999 г. — только 15 тыс. К 1999 г. с 11 до 8 тыс. уменьшилось количество официальных разводов. Однако по причине развода родителей 6,8 тыс. несовершеннолетних остались в неполных семьях.

С учетом общего регресса бракосочетаний и деторождений увеличивался показатель рождаемости вне брака: в 1999 г. насчитывалось 5,7 тыс. младенцев, рожденных одинокими матерями (25 % от общего количества новорожденных), в 1990 г. при таких обстоятельствах родились лишь 4,3 тыс. (11,7 %) детей. Около 40 % «незаконнорожденных» зарегистрированы в органах ЗАГС по общему заявлению матери и биологического отца, то есть юридически мужчина утверждался отцом добровольно [20].

В условиях демографической ямы особенно актуальным становится решение проблем поддержания жизни и укрепления здоровья грудничков. Наиболее распространенными причинами гибели младенцев выступают следующие:

- сложности внутриутробного развития (46 % от общего количества умерших);
- врожденные аномалии (24,5 %);
- простудные заболевания (11,6 %);
- инфекционные болезни (6,4 %) [21, с. 209].

На первые семь дней жизни младенцев приходилось более половины всех случаев летальности [22]. Мониторинг состояния организма будущих матерей на территории субъектов юга Западной Сибири в 1991 г. подтвердил, что у 83 % беременных были проблемы вне сферы половых органов: в 1997 г. — 81 %, в 1998 г. — 84 %. На 49 % увеличилась статистика заболеваний анемией, частыми стали выявления нарушений в работе щитовидной железы (15 %), наблюдалось повышение интенсивности болезней мочевыделительной системы (12 %). С учетом перечисленных проблем усиливалась интоксикация беременных:

- в 1999 г. она установлена у 27 %;
- в 1997 г. — у 24 %;
- в 1998 г. — у 22 %.

Настораживала статистика сложных родов: в 1998 г. — 72 % от общего количества, в 1999 г. — уже 75 % [23, с. 92]. Более 192 тыс. несовершеннолетних в Кемеровской области беспокоили хронические заболевания, и они нуждались в систематической диспансеризации. Большинство районов области отличались преимущественно невысоким уровнем лечебных мероприятий. К ним отнесены Беловский, Марминский, Промышленовский, Тисульский, Чебулинский, Яйский районы [24].

Ухудшение материальной обеспеченности семей с малолетними детьми, снижение качества жизни обостряли проблемы социального сиротства, безнадзорности и нарушений закона несовершеннолетними [25]. В связи с этим в Центре временной изоляции несовершеннолетних на территории Кемеровской области правонарушителей ежегодно находились сотни подростков: в 1991 г. — 653, в 1999 г. — 730. В основном они разрушили кровные узы, остались без надзора родителей или по собственной воле ушли из семей, где отсутствовали минимальные условия для нормальной жизнедеятельности. Так, в Кемеровском регионе в исследуемый период поставлено на соответствующий учет 7 260 дисфункциональных семей, в составе которых насчитывалось 15 243 ребенка [26].

Неслучайно в Кемеровской области существенно возросло число выпускников школ-интернатов и детских домов: с 5 789 чел. в 1991 г. до 7 589 чел. в 1999 г. Открытым оставался вопрос постинтернатной аккомодации воспитанников детских домов, выбора будущей профессии, максимально подходящей к индивидуальным

качествам и конъюнктуре рынка. Вследствие этого в 1999 г. четыре воспитательных дома провели реабилитацию 396 несовершеннолетних [27].

Удручающей была ситуация, связанная с общей тенденцией побегов несовершеннолетних из интернатных учреждений. Так, в Омской области 73 подростка самовольно покинули социальные приюты в 1999 г., что на четверть больше, чем в 1991 г. Кроме того, Госкомстатом отмечен подъем преступности несовершеннолетних по итогам 1999 г. на 1 %, все больше приобретающей организованный и коллективный характер. Суммарная статистика таких правонарушений от общего объема преступлений достигла 48 %.

В Республике Алтай до конца XX в. уровень преступности несовершеннолетних оставался на очень высоком уровне:

- в Алтайском крае в 1991 г. — 2 896 преступлений;
- в Кемеровской области — 2 879;
- в Омской области — 786.

К началу 1999 г. несколько изменилась ситуация в Алтайском крае, где количество преступлений достигло 2 816. В Омской области насчитывалось 857 преступлений, в Кемеровской — 2 678 [28, с. 86]. Вызывало беспокойство отсутствие присмотра за частью несовершеннолетних в течение зимних и летних каникул: недостаток целенаправленной организованности, потенциальная возможность заработка стали причинами алкоголизма, наркомании и криминала.

Указанные отрицательные проявления подтверждают отсутствие комплексной социальной защиты несовершеннолетних, попавших в особые жизненные обстоятельства со стороны компетентных государственных органов.

К началу XXI в. в России на основании нормативных актов, принятых в 1993–1999 гг., сформировано четыре профильных направления социальной защиты материнства и детства:

1. Дополнительные выплаты на детей ввиду их рождения и компенсация расходов на содержание.
2. Различные преференции (медицинские, налоговые, кредитные, жилищные и др.).
3. Предоставление товаров первой необходимости в натуральном виде: продуктов питания, медикаментов, одежды и др.
4. Социальное обслуживание семей с детьми: предоставление психологических, юридических, педагогических консультаций [29, с. 105].

Резюмируем результаты исследования архивных материалов. Итак, на территории регионов юга Западной Сибири в 90-е гг. XX в. самым популярным способом социальной поддержки государством семей с детьми признаны денежные выплаты (46 %): часть из них зависела от профессиональной деятельности родителей, выделялась в форме ежемесячных пенсий и пособий. Другая разновидность не зависела от сферы занятости: основания ее установления, размеры и сроки предоставления систематически обновлялись.

Поскольку услуги социального обслуживания в исследуемый период не обрели широкого распространения, такая разновидность социальной защиты была нетрадиционной для нашей страны и пользоваться ею ранее большинству россиян еще не приходилось [30, с. 83]. По результатам принятия Правительством РФ акта от 20 февраля 1994 г. «Об утверждении порядка назначения и выплаты единого ежемесячного пособия на каждого ребенка и ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет» введены:

- пособие по беременности и родам;
- пособие по уходу за ребенком;
- возмещение заработка за период болезни ребенка [31].

Иными словами, исполнительная власть регионов, работодатели, исходя из своих финансовых возможностей, получили легальное право предоставлять семьям с детьми любые преференции [32, с. 146]. 5 мая 1992 г. Президент России утвердил Указ № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», предоставляющий родителям трех и более детей:

- тридцатипроцентное снижение утвержденного тарифа за использование коммунальных услуг;
- безвозмездное предоставление медикаментов детям до шести лет;
- право льготного проезда на внутригородском и пригородном транспорте для учащихся средних школ;
- компенсация стоимости питания для обучающихся в образовательных и учреждениях за счет местных бюджетов и др. [33].

Для укрепления финансовых возможностей в налогообложении установлена налоговая ставка для лиц, имеющих детей на попечении: от оплаты ежемесячного налога освобождалась ставка минимального размера оплаты труда (МРОТ) на каждого подопечного младше 18 лет. Освобождение от налоговой обязанности распространялось на пенсии и пособия на детей [34, с. 67].

Сохранялось льготное предоставление жилья семьям военнослужащих, одиноким матерям, многодетным семьям, детям-сиротам и другим категориям граждан, находящимся в сложной жизненной ситуации. Однако при полном отсутствии строительства муниципального жилья воспользоваться этим правом было невозможно.

Огромное значение имели льготы на оплату прейскуранта услуг в детских дошкольных и различных интернатных учреждениях для слабообеспеченных семей. Однако сложные экономические условия 1990-х гг., дефицит бюджета затрудняли сохранение большинства установленных льгот. Местные органы государственной власти субъектов юга Западной Сибири оказались финансово не способными предоставлять новые референции нуждающимся семьям. Вопиющие факты неисполнения мер по социальной защите материнства и детства становились постоянными.

В связи с недостатком бюджетных средств и незначительным размером выплат получила распространение натуральная форма помощи [35, с. 95]. Чтобы закрепить эволюционно сложившуюся структуру государственной помощи семьям с детьми и практически воплотить заявленные в начале 1990-х гг. правила этой защиты, правительство перешло к разработке федеральных программ. Но впоследствии эти программные документы применены лишь на 43 %: не заверив реализацию первоначального проекта, 18 августа 1994 г. Президент РФ утвердил Указ № 1696 «О президентской программе “Дети России”» [36].

В процессе исполнения указанных актов в Республике Алтай, Алтайском крае, Омской, Новосибирской и Кемеровской областях созданы специальные проекты по поддержанию семей с детьми. С целью их реализации в первой половине 90-х гг. XX в. в руководстве субъектов РФ сформированы особые структуры, в компетенцию которых входила организация специальных программных мероприятий. Так, во исполнение предписания Совета Министров РСФСР № 299 «О первоочередных мерах по созданию государственной системы социальной помощи семье в РСФСР» еще в 1991 г. создан Комитет по социальной защите населения, в 1992 г. в составе управления социальной защиты Алтайского региона образован отдел по делам семьи и детей.

С 1992 г. проект социальной защиты семей, матерей и детей создан в Кемеровской области. В 1993–1995 гг. на территории области реализован документ «Дети Кемеровской области», принятый постановлением Областной Думы 19 октября 1999 г. № 3-37 на основании президентских актов «Дети России»

и «Об основных направлениях государственной семейной политики» [37]. Ответственным за исполнение запланированных мероприятий по этим проектам стал отдел по труду и социальному развитию Кемеровской области. В 1993 г. для финансирования указанных программ из регионального бюджета предоставлено 4 550 тыс. руб., из федеральной казны — более 5 млн руб., объем добровольных ассигнований достиг 510 тыс. руб. [38].

Безусловно, осуществление этих программ повысило эффективность осуществления региональной политики в области социальной защиты материнства и детства. Так, в Новосибирской области организованы информационные базы в отношении 2,5 тыс. детей-сирот и детей, утративших поддержку родителей, которые претендовали на усыновление и семейное воспитание.

Специальный центр реабилитации подростков с задержкой умственного развития функционировал в Новосибирской области: в 1992 г. в нем прошли курс лечения около 400 детей (в 1999 г. — уже более 500). Организована служба социальной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья: в 1992 г. ее специалисты поддержали 2 781 подростка (в 1999 г. — 2 437). Созданный в Новосибирске центр восстановления детей-инвалидов в 1992 г. позаботился о 25 детях, а в 1999 г. — о 432 [39].

На территории Омского региона функционировали два медико-социальных учреждения для детей, а также 12 организаций, реабилитирующих граждан с ограниченными возможностями здоровья. Открыты специальные учреждения для образования детей-инвалидов: в дошкольных учреждениях — 316 групп, узкоспециализированные (регуляторные) школы (23), специальный (восстанавливающий) дом-интернат, в профессионально-технических училищах — 27 особых групп. Функционировали особые объединения, группы, сообщества для инвалидов (57), из которых 24 — для детей-инвалидов, в том числе — восемь центров самодеятельного искусства, 17 спортивных кружков, 29 досуговых секций, четыре клуба, содействующих поиску работы. Ежегодными в области стали художественные олимпиады и конкурсы для детей с ограниченными возможностями здоровья: в октябре 1999 г. с успехом прошел уже третий региональный творческий конкурс для детей-инвалидов «Надежда», в финальном концерте которого участвовали более 200 детей [40].

Более 4 000 несовершеннолетних, проживающих в Республике Алтай, ограничены в своих физических возможностях с детства: под особым контролем в лечебных заведениях республики находились свыше 134 тыс. школьников [41].

Период 90-х гг. XX в. в Новосибирской области характеризуется укрупнением сети вспомогательных учреждений для детей с умственными и физическими недугами. В общей сложности функционировали 80 внешкольных учебных заведений: с нарушениями зрения и слуха, костно-мышечной системы, нервной деятельности, речевые, санаторные и др.

Немалое значение в пропаганде детских болезней, особенно в первые годы жизни, имеют правильный режим и качество питания. В Новосибирской области к концу 1999 г. на финансовое обеспечение детского питания выделяли около 10 млн руб., что составляло в целом 1/5 от общих затрат; благодаря сохранившейся системе школьных столовых, расширен объем обедов — от 74 % в 1998 г. до 86 % в 1999 г. В частности, горячую пищу в школьных столовых в 1998/1999 учебном году получали 216 456 учащихся (58 %), из которых 143,826 учеников обеспечены питанием на безвозмездной основе, включая 103 699 школьников из слабообеспеченных семей [42].

На основании региональных программ Новосибирской области, принятых в 1998–1999 гг. («Организация отдыха и оздоровления детей и подростков»,

«Дети Новосибирской области», «Об организации летнего отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков в 1999 г.») свои функции выполняли 1 247 летних восстановительных лагерей (в 1998 г. — 1 214), более 1 000 из них — располагались за пределами городов и смогли принять около 48 тыс. учащихся [43]. В целом летом 1999 г. вне городской зоны Новосибирской области поправили здоровье 240 тыс. школьников (53 % их общего количества) [43].

Учитывая значительный объем заболевших детей в Новосибирской области, Министерство здравоохранения, Фонд социального страхования и Фонд обязательного медицинского страхования предоставляли дополнительные финансовые средства на организацию их санаторно-курортного лечения. Так, в 1999 г. восстановили здоровье на базе профилакториев, оздоровительных и реабилитационных центров 3 226 несовершеннолетних (в 1991 г. — на две третьих меньше) [44].

Таким образом, в основе социальной помощи семьям с детьми в конце XX в. находились формы поддержки, разработанные в советский период. Однако многие наработки в 1990-е гг. утрачены, появились проблемы:

- накопилась задолженность по выплате пособий;
- не соответствовал установленному качеству уровень медицинского обслуживания нуждающихся;
- повсеместно не исполняли трудовые гарантии беременных женщин и школьников.

Поскольку вновь созданная концепция социальной помощи и порядок ее предоставления, к сожалению, не до конца разработаны, они не гарантировали эффективной (а в ряде случаев — даже минимальной) защиты. Не был организован системный мониторинг положения слабообеспеченных семей, оснований, повлекших периодические трудности. Иными словами, действия компетентных государственных органов были направлены в основном на поддержание семей, находившихся в рискованной зоне социума, а функциями профилактики социальных проблем никто не занимался [45].

В первую очередь внимание следовало уделить таким вопросам:

- повышению размера компенсации ухода за несовершеннолетним;
- предоставлению в действительности массива закрепленных в законодательстве льгот семьям с детьми;
- жесткому надзору за целевым использованием полученных сумм.

Полагая, наибольшего эффекта следовало ожидать от таких способов государственной поддержки семей с детьми, как:

- предоставление льготных кредитов для слабообеспеченных граждан на приобретение жилья;
- бюджетное финансирование летнего отдыха детей из малоимущих и многодетных семей;
- увеличение объемов бесплатного обслуживания детей и матерей в медицинских учреждениях;
- повышение размера выплат женщинам, находящимся в декретном отпуске;
- строгий контроль за использованием работодателями труда подростков [46].

Выводы

Таким образом, использование в конце 1990-х гг. отдельных способов предоставления социальной защиты материнства и детства советского периода имело противоречивый характер. На первый взгляд, положительный эффект от их реализации прослеживался на практике. Однако дефицит финансовых возможностей бюджета в экономических реалиях конца XX в. не позволял в полной мере при-

менить совокупность намеченных социальных мероприятий в целом. Исходя из этого, становится очевидным, что иллюзия социальной защищенности нуждающихся россиян компрометировала сущность и значение этой работы.

Сформировавшийся в советский период единый механизм социального обслуживания граждан в 1990-е гг. приобрел большее разнообразие по своим элементам. Этим объясняются особенности социального обслуживания жителей в ряде субъектов РФ. Наряду с тем, что в конце XX в. сохранилась основная конфигурация предоставляемых услуг, увеличился объем их оказания.

На территории юга Западной Сибири сохранялся бюджетный дефицит финансирования реализации действующего законодательства в области социальной защиты: многолетнее недофинансирование выступало основной проблемой жизнедеятельности. Анализ социальной сферы регионов юга Западной Сибири в 1990-е гг. позволяет сделать ряд выводов.

Социальная защита как экономический показатель уровня жизни отражала процессы перераспределения доходов для репродукции человека и пропедевтики социальной стабильности. Следовательно, первостепенными направлениями социальной поддержки на юге Западной Сибири в конце XX в. стали:

- противодействие факторам, ухудшающим уровень качества жизни;
- предоставление россиянам гарантированного минимума для выживания;
- конкретная адресная помощь объективно в ней нуждающимся лицам;
- установление максимально возможной константы общественного бытия.

Для оптимизации социальной политики юга Западной Сибири 1990-х гг. требовалось объединить правозащитную функцию государства с повышением статуса регионов; активизировать самозащиту лиц трудоспособного возраста, которым уполномоченные государственные органы лишь создавали условия для реализации своих способностей и получения вознаграждения за труд; превзойти основу пенсионного обеспечения — трудовой стаж; приравнять ежемесячные выплаты на детей с пособиями неимущим и адресно предоставлять их только реально нуждающимся лицам; внедрить адресный учет нуждающихся и концепцию социального сообщества в организацию деятельности негосударственных фондов.

Список источников

1. *Аверин А. Н.* Государственная система социальной защиты населения: учеб. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2010. 120 с.
2. *Черноморченко Н. П.* Организация работы органов социальной защиты: учеб.-метод. пособие. Саратов: Рассвет, 2020. 255 с.
3. *Юдин В. П.* Социальная защита: понятие, сущность, границы: учеб.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 2018. 123 с.
4. *Капустин Е. И.* Социальная защита и социальная помощь населению. М.: Наука, 2019. 215 с.
5. *Федоров А. В.* Стратегия региональной экономической политики в Сибири. Красноярск: Красноярский государственный ун-т, 2021. 322 с.
6. *Батурин Л. А., Бутов В. Н.* Социальная сфера в рыночной экономике. Ростов н/Д: Феникс, 2018. 274 с.
7. *Маслов Л. А.* Современные приоритеты региональной системы социальной защиты населения. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2019. 292 с.
8. *Лайкам К. Э.* Основные этапы и направления реформирования социальной политики в Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 1999. № 24 (112). С. 31–37.
9. *Холостова Е. И.* Взаимосвязь социальной политики и социальной защиты населения. М.: Дашков и Ко, 2018. 286 с.

10. Морозова Е. А., Добрынина А. Ю. Механизмы социальной защиты населения региона // Экономика региона. 2012. № 1. С. 235–241. DOI: 10.17059/2012-1-23
11. Анбрехт Т. А. Социальная защита отдельных категорий граждан. Тюмень: Тюменский государственный ун-т, 2017. 310 с.
12. Российский статистический ежегодник. 1994 год. М.: Госкомстат, 1995. 780 с.
13. Российский статистический ежегодник. 1993 год. М.: Госкомстат, 1994. 799 с.
14. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения в условиях рыночной экономики: теория и практика правового регулирования. М.: Проспект, 2018. 358 с.
15. Радонова А. В. Генезис и трансформация политики Российской Федерации в области социальной защиты: дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2022. 313 с.
16. Жуков В. И. Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // Социологические исследования. 2005. № 6 (254). С. 25–34.
17. Суринов А. Е. Социально-экономическая ситуация в 1992–2000-х гг. Воздействие на население России. М.: Гардарики, 2019. 272 с.
18. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-2264. Оп. 1. Д. 695.
19. ГАОО. Ф. Р-2264. Оп. 1. Д. 707.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАОО). Ф. 117. Оп. 1. Д. 1499.
21. Николаевский В. В. Система социальной защиты: теория, методология, практика. Мн.: Право и экономика, 2021. 461 с.
22. ГАОО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1503.
23. Котин С. П. Перспективы социального развития сибирских регионов. Новосибирск: Новосибирский государственный ун-т, 2012. 410 с.
24. Государственный архив Кемеровской области (ГАОО). Ф. 842. Оп. 1. Д. 354.
25. ГАОО. Ф. 562. Оп. 2. Д. 28.
26. ГАОО. Ф. Р-1332. Оп. 1. Д. 79.
27. ГАОО. Ф. 842. Оп. 1. Д. 401.
28. Букин С. С. Социальная политика и социальная работа в Сибирском регионе в исторической ретроспективе и на современном этапе. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический ун-т, 2011. 310 с.
29. Черкасская Г. В. Теоретические основы организации и управления системой социальной защиты. СПб.: Нева, 2018. 495 с.
30. Кинчарова А. А. Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: Вариант, 2018. 319 с.
31. Об утверждении Порядка назначения и выплаты единого ежемесячного пособия на каждого ребенка и ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет: постановление Правительства РФ от 20 февраля 1994 г. № 133 // Российская газета. 1994. 2 марта.
32. Григорьева И. А. Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000-х годах // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 145–155.
33. О мерах по социальной поддержке многодетных семей: указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. (в ред. от 25 февраля 2003 г.) № 431 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 19. Ст. 1044.
34. Аكوпова Т. С. Регион как субъект и объект политических отношений в современной России. Ярославль: Ярославский государственный ун-т, 2019. 176 с.
35. Гартман Н. А., Смирнов С. С. Становление современной региональной модели социальной защиты населения. Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2006. 286 с.
36. О президентской программе «Дети России»: указ Президента РФ № 1696 от 18 августа 1994 г. (в ред. от 15 января 1998 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 17. Ст. 1955.
37. ГАОО. Ф. 562. Оп. 2. Д. 44.
38. ГАОО. Ф. 562. Оп. 2. Д. 61.
39. ГАОО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1711.
40. ГАОО. Ф. Р-2264. Оп. 1. Д. 957.
41. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 689. Оп. 1. Д. 289.
42. ГАОО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1749.

43. ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1751.
44. ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1752.
45. Осадчая Г. И. Социальная сфера: методология анализа и управления // Общество и экономика. 2000. № 9–10. С. 8–29.
46. Ткачев Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 78–91.

References

1. Averin A.N. State system of social protection of the population. Moscow: Russian Academy of Public Administration; 2010. 120 p. (In Russ.).
2. Chernomorchenko N.P. Organization of work of social protection bodies. Saratov: Rassvet; 2020. 255 p. (In Russ.).
3. Yudin V.P. Social protection: Concept, essence, boundaries. Kazan: Kazan State University; 2018. 123 p. (In Russ.).
4. Kapustin E.I. Social protection and social assistance to the population. Moscow: Nauka; 2019. 215 p. (In Russ.).
5. Fedorov A.V. Strategy of regional economic policy in Siberia. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University; 2021. 322 p. (In Russ.).
6. Baturin L.A., Butov V.N. Social sphere in a market economy. Rostov-on-Don: Feniks; 2018. 274 p. (In Russ.).
7. Maslov L.A. Modern priorities of the regional system of social protection of the population. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Administration; 2019. 292 p. (In Russ.).
8. Laikam K.E. The main stages and directions of reforming social policy in the Russian Federation. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF*. 1999; (24):31-37. (In Russ.).
9. Kholostova E.I. Interrelation of social policy and social protection of the population. Moscow: Dashkov & Co.; 2018. 286 p. (In Russ.).
10. Morozova E.A., Dobrynina A.Yu. Regional social protection mechanisms. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2012;(1):235-241. (In Russ.). DOI: 10.17059/2012-1-23
11. Anbrekht T.A. Social protection of certain categories of citizens. Tyumen: Tyumen State University; 2017. 310 p. (In Russ.).
12. Russian statistical yearbook. 1994. Moscow: Goskomizdat; 1995. 780 p. (In Russ.).
13. Russian statistical yearbook. 1993. Moscow: Goskomizdat; 1994. 799 p. (In Russ.).
14. Machul'skaya E.E. The right of social security in a market economy: Theory and practice of legal regulation. Moscow: Prospekt; 2018. 358 p. (In Russ.).
15. Radonova A.V. Genesis and transformation of the policy of the Russian Federation in the field of social protection. Doct. polit. sci. diss. Kazan: Kazan Federal University; 2022. 313 p. (In Russ.).
16. Zhukov V.I. Modernization of social relations in Russia: Plans, results, opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2005;(6):25-34. (In Russ.).
17. Surinov A.E. Socio-economic situation in 1992-2000s: Impact on the population of Russia. Moscow: Gardariki; 2019. 272 p. (In Russ.).
18. State Archive of the Omsk Region (GAOO). Fund No. R-2264. Invent. 1. Case 695. (In Russ.).
19. State Archive of the Omsk Region (GAOO). Fund No. R-2264. Invent. 1. Case 707. (In Russ.).
20. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund No. 117. Invent. 1. Case 1499. (In Russ.).
21. Nikolaevskii V.V. Social protection system: Theory, methodology, practice. Minsk: Pravo i ekonomika; 2021. 461 p. (In Russ.).
22. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund No. 117. Invent. 1. Case 1503. (In Russ.).
23. Kotin S.P. Prospects for the social development of the Siberian regions. Novosibirsk: Novosibirsk State University; 2012. 410 p. (In Russ.).

24. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund No. 842. Invent. 1. Case 354. (In Russ.).
25. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund No. 562. Invent. 2. Case 28. (In Russ.).
26. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund No. R-1332. Invent. 1. Case 79. (In Russ.).
27. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund No. 842. Invent. 1. Case 401. (In Russ.).
28. Bukin S.S. Social policy and social work in the Siberian region in historical retrospective and at the present stage. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University; 2011. 310 p. (In Russ.).
29. Cherkasskaya G.V. Theoretical foundations of the organization and management of the social protection system. St. Petersburg: Neva; 2018. 495 p. (In Russ.).
30. Kincharova A.A. Social policy in modern Russia: Reforms and everyday life. Moscow: Variant; 2018. 319 p. (In Russ.).
31. On the approval of the Procedure for the appointment and payment of a single monthly allowance for each child and a monthly allowance for the period of parental leave until the child reaches the age of one and a half years. Decree of the Government of the Russian Federation of February 20, 1994 No. 133. Rossiiskaya gazeta. Mar. 02, 1994. (In Russ.).
32. Grigorieva I.A. Development of theoretical approaches in social policy in 1990-2000s. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2012;(3):145-155. (In Russ.).
33. On measures for social support of large families. Decree of the President of the Russian Federation of May 5, 1992 (as amended on February 25, 2003) No. 431. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*. 1992;(19):1044. (In Russ.).
34. Akopova T.S. Region as a subject and object of political relations in modern Russia. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 2019. 176 p. (In Russ.).
35. Gartman N.A., Smirnov S.S. Formation of a modern regional model of social protection of the population. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2006. 286 p. (In Russ.).
36. On the presidential program "Children of Russia". Decree of the President of the Russian Federation No. 1696 of August 18, 1994 (as amended on January 15, 1998). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1994;(17):1955. (In Russ.).
37. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund No. 562. Invent. 2. Case 44. (In Russ.).
38. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund No. 562. Invent. 2. Case 61. (In Russ.).
39. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund No. 117. Invent. 1. Case 1711. (In Russ.).
40. State Archive of the Omsk Region (GAOO). Fund No. R-2264. Invent. 1. Case 957. (In Russ.).
41. State Archive of the Republic of Altai (GARA). Fund No. 689. Invent. 1. Case 289. (In Russ.).
42. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund No. 117. Invent. 1. Case 1749. (In Russ.).
43. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund No. 117. Invent. 1. Case 1751. (In Russ.).
44. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund No. 117. Invent. 1. Case 1752. (In Russ.).
45. Osadchaya G.I. Social sphere: Methodology of analysis and management. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*. 2000;(9-10):8-29. (In Russ.).
46. Tkachev D.Sh. Particular features of the functioning of institutions and social nets on the post-Soviet expanse. Polis. *Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2006;(1):78-91. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Радонова — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры медицинского права, АГМУ Минздрава России; 656038, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 40; профессор кафедры правовых дисциплин, Алтайский институт экономики — филиал СПбУТУиЭ; 656011, Барнаул, Ленина пр., д. 106е.

Information about the author

A. V. Radonova — Doctor of Political Science, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Medical Law, ASMU MOH Russia; 40 Lenin Ave., Barnaul, Altai Territory, 656038, Russia; Professor at the Department of Legal Disciplines, Altai Institute of Economics — the Branch of UMTE; 106e Lenin Ave, Barnaul 656011, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 316.34

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-41-56

Факторы успешной адаптации сельской молодежи к современной университетской среде: региональный аспект

**Татьяна Ивановна Грабельных¹, Анастасия Александровна Зайковская^{2✉},
Яна Владимировна Петкова³**

^{1, 2, 3} Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ tagr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3158-2878>

² Dmitrieva_aa@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3469-084X>

³ jana_mironova@mail.ru

Аннотация. В статье представлен спектр проблем, рассматриваемых в социологии применительно к социально-демографической группе «молодежь». Определены приоритетные направления в изучении планов и ожиданий сельской молодежи как представителя университетского сообщества. Целью исследования стало выявление факторов успешной адаптации сельской молодежи к современной университетской среде. Авторами использован ряд социологических методов и методик: статистический анализ данных, анализ документальных источников, вторичный анализ материалов социологического исследования, онлайн-опрос населения и др. По результатам исследования выявлено, что адаптация к университетской и городской среде является самым трудным этапом для сельской молодежи. Подтверждено, что среди наиболее распространенных проблем, с которыми сталкиваются «выходцы» из сельской местности в процессе обучения в вузе, — материально-финансовые проблемы и проблемы информационного порядка. Обосновано утверждение о том, что способность адаптироваться, преодолевать трудности и принимать самостоятельно правильные и эффективные решения, реализовывать себя в городском пространстве является важнейшим фактором успешности для молодого человека — уроженца сельской местности. Анализ нормативно-правовых актов регионального уровня позволил заключить, что законодательная база в области поддержки студентов разработана, но она недостаточно применяется. В статье представлен перечень практических рекомендаций органам муниципального управления и руководящему составу вузов по снижению адаптационной нагрузки в период обучения в вузе и «возвращению» молодых специалистов на сельские территории.

Ключевые слова: молодежь, село, сельская молодежь, молодые специалисты, университетская среда, университетское сообщество, планы и ожидания сельской молодежи, профессионально-образовательная сфера, социальная адаптация, регион

Для цитирования: Грабельных Т. И., Зайковская А. А., Петкова Я. В. Факторы успешной адаптации сельской молодежи к современной университетской среде: региональный аспект // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 41–56. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-41-56>

Factors of successful adaptation of rural youth to the modern academic setting: A regional aspect

Tatyana I. Grabelnykh¹, Anastasia A. Zaikovskaya^{2✉}, Yana V. Petkova³

^{1, 2, 3} Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

¹ tagr@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3158-2878>

² Dmitrieva_aa@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3469-084X>

³ jana_mironova@mail.ru

Abstract. The paper presents various problems considered in sociology with reference to the youth as a social and demographic group. Priority areas in the study of the plans and expectations of rural youth as a representative of the university community were identified. The aim of the study was to determine the factors of successful adaptation of rural youth to the modern academic setting. The authors used several sociological methods and techniques such as statistical data analysis, analysis of documents, secondary analysis of sociological research materials, and online survey of the population. The results of the study revealed that adaptation to the academic and urban environment is the most difficult stage for rural youth. The most common problems faced by natives of rural areas in the process of studying at the university are material, financial, and informational problems. The ability to adapt and overcome difficulties, make correct and effective decisions independently, and realize oneself in the urban space is the most important success factor for a young person who is a native of a rural area. Analysis of regulatory legal acts at the regional level allowed to conclude that the legislative framework to support students has been developed, but not sufficiently applied. The paper presents a list of practical recommendations for municipal governments and university administrators to reduce the adaptation burden during the study period and “return” young professionals to rural areas.

Keywords: youth, village, rural youth, young professionals, academic setting, university community, plans and expectations of rural youth, professional and educational sphere, social adaptation, region

For citation: Grabelnykh T. I., Zaikovskaya A. A., Petkova Ya. V. Factors of successful adaptation of rural youth to the modern academic setting: A regional aspect. *Sociology and Law*. 2023;15(1):41-56. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-41-56>

Введение

На рубеже XX–XXI вв. Россия сталкивается с множеством глобальных и локальных вызовов и угроз, усиливших социально-экономические, мировоззренческие, социально-демографические и политические проблемы, которые кардинально изменяют положение молодежи в обществе. В условиях вынужденного перехода в 2020 г. российских вузов на дистанционное обучение, ускорения темпов цифровой трансформации образовательных процессов, особенно острым становится вопрос о развитии адаптивных способностей молодых людей к происходящим изменениям в социуме.

С одной стороны, молодежь является социально-демографической группой, способной быстро приспосабливаться к социальным изменениям, с другой — процесс адаптации молодых людей сопровождается трудностями, связанными с отсутствием жизненного опыта, нестабильностью социальных связей, психологической незрелостью и социальной неустойчивостью. Более сложная ситуация наблюдается у студентов, приехавших учиться в вузы из сельской местности. Ускоренный темп жизни в городской среде и отсутствие возможностей к самореализации в сельской во многом способствовали тому, что сельская молодежь стала активнее переезжать жить в город с целью получения образования и работы. Переезд из села в город, как правило, сопровождается рядом трудностей, из которых главной проблемой становится адаптационный процесс.

По результатам исследований становится очевидным, что в современный период прослеживается негативная тенденция к уменьшению количества постоянных жителей сельских территорий, в том числе и молодежи. Переезд из села в город чаще всего связан с необходимостью улучшения своего социального

положения и повышения качества жизни. Это говорит о том, что село ограничивает данные возможности и не дает полноценно развиваться молодежи как личностно, так и профессионально. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «...чаще всего молодежь в возрасте от 14 лет переезжает в другую местность в связи с поиском работы (246 760 чел.) или в связи с учебой (185 578 чел.)» [1]. Вторичный анализ материалов проведенного исследования показал, что ключевую позицию в адаптации сельской молодежи к городской среде занимает университетская среда, которая обеспечивает полноценную социализацию молодых людей, способствует приобретению новых теоретических и практических знаний. Именно университетская среда в совокупности с политикой муниципалитетов способна стать ведущим мотиватором сельской молодежи к возвращению после обучения в сельскую местность для развития сельских территорий. Так, по данным Минобрнауки, «...в Иркутской области в 2022 г. обучается в вузах 65 930 чел., при этом общее количество студентов высших учебных заведений в России составляет 4 049 333 чел. Иркутская область занимает 4 место в рейтинге городов Сибирского федерального округа по количеству студентов вузов» [2].

Выявлено, что процессу адаптации сельской молодежи к новым городским условиям уделено недостаточно внимания в научной литературе. Современное научное сообщество в большей степени изучает тему миграции из сел в города, не связывая данный процесс с адаптивными способностями молодых людей. Другой причиной можно назвать существующие стереотипы о сельских молодых людях, согласно которым у этой группы молодежи нет стремления к личностному и профессиональному росту. В качестве третьей причины нами выделена актуальность поставленной проблемы, которая в меньшей степени освещена исследователями.

Социологическая концепция успешной адаптации сельской молодежи к университетской среде четко не отражена в социологической литературе. Между тем изучением философско-социологического аспекта адаптивных способностей занимались такие советские и российские ученые, как В. Г. Афанасьев [3], В. П. Фофанов [4], которые особое внимание уделяли проблемам адаптации в условиях информационного общества на стадии его перехода к цифровому. Анализ социальной адаптации и социализации молодежи к условиям трансформирующегося общества проводили И. А. Батанина [5], З. И. Барабашева [6], И. С. Кон [7], П. С. Кузнецов [8], в трудах которых описаны этапы социализации, круг проблем, с которыми сталкивается молодежь в ходе адаптации, а также влияние последней на развитие социальной среды. Культурно-исторический подход к изучению адаптации отражен в работах О. И. Зотовой [9], И. К. Кряжевой [9], С. Л. Рубинштейна [10] и др. Индивидуально-групповой подход предложен в трудах Г. М. Андреева [11], Б. А. Ефимова [12], П. А. Шпак [13] и др., в которых отражены особенности социальной адаптации к динамично изменяющимся условиям индивидов и групп, в зависимости от социальных особенностей их представителей.

Теоретико-методологический анализ трудов зарубежных ученых позволил выделить два основных подхода к изучению указанной проблематики: социально-психологический и социологический. Применение социально-психологического подхода прослеживается в трудах таких ученых, как Х. Айзенк [6] и Х. Хартманн [14], которые объясняют проблемы адаптации в первую очередь психологическими установками и барьерами молодых людей, напрямую зависимыми от социального окружения индивида. Однако наиболее распространен социологический подход, основные положения которого отражены в трудах Р. Мертона [15]

и Т. Парсонса [16], акцентирующих внимание на различных аспектах адаптации личности к изменениям окружающей среды, появлении новых ценностей, а также адаптации к новым социально значимым событиям.

Существенный вклад в изучение села внесли Ю. В. Арутюнян [17], В. И. Староверов [18], А. М. Большаков [19], А. А. Ермакова [20] и др. Значительную роль в исследовании проблем села сыграла новосибирская научная школа, которая сформировалась во второй половине 1960-х гг. на базе отдела социологии, созданного в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР под руководством Т. И. Заславской. Новосибирские социологи занимались изучением насущных проблем села с учетом социально-экономических условий в стране, состояния производства, социально-бытовой инфраструктуры села, миграции сельского населения [17]. В исследовании факторов успешной адаптации сельской молодежи к университетской среде важной задачей также является изучение научных трудов, посвященных особенностям студенческой жизни, в которых студенческая молодежь представлена через социально-демографические и социально-психологические характеристики, отраженные в совокупности на поведении индивидов в студенческой среде и, более того, сопро-вождающие индивида на всех этапах его адаптации и социализации.

В 2020–2021 гг. актуальной темой для исследования адаптационных процессов в молодежной среде стал период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19. Стремительный переход системы высшего образования к дистанционному обучению вызвал ряд организационных и психологических проблем. Проблеме дистанционного обучения в высших учебных заведениях посвящены многочисленные научные исследования таких ученых, как С. А. Бакаева [21], И. Г. Беляева [21], О. Ю. Дигтяр [22], М. М. Мазур [23], Л. Г. Рудых [17]. Изучением адаптации студенческой молодежи к ситуации самоизоляции в период пандемии и возникающих проблем дистанционного обучения занимались К. В. Федосеев [18], М. Ю. Барышникова, Л. В. Заварыкина, В. А. Нагорнов, О. В. Перфильева [24].

Анализ научных работ показал, что одной из основных причин повышенного интереса к проблемам сельской молодежи в современный период стал и тот факт, что село начало преобразовываться в «новое село», увеличился спрос на специалистов разного профиля — фельдшеров и узкоспециализированных медицинских работников, учителей, сельских работников, ветеринаров и др. Выявлено, что для данной группы специалистов необходимы высокий уровень знаний, преимущественно высшее образование и опыт в работе, в совокупности способствующие развитию инфраструктуры на селе и превращению «нового села» в «умное село».

Материалы и методы

В статье нами применен целый ряд методов и методик социологического исследования адаптации сельской молодежи к университетской среде в современных условиях (на примере вузов Иркутской области). Среди использованных методов выделяем статистический анализ данных. Нами рассмотрены статистические данные с 2000 по 2022 г.: проанализирована численность населения в целом и молодого населения в частности в Российской Федерации (РФ), изучен процесс изменения численности постоянного сельского населения в России и Сибирском федеральном округе, исследованы вопросы распределения мигрантов в возрасте 14 лет по уровню образования и причинам смены места жительства в России, а также распределения мигрантов в возрасте 14 лет и более по потокам передвижения, полу и брачному состоянию; проанализирована численность студентов, осуществляющих образовательную деятельность

по образовательным программам высшего образования, охарактеризованы основные направления государственной молодежной политики. Среди других методов нами применен анализ документальных источников (исследовано 11 документов (периода 1948–2022 гг.), в том числе пять — международного уровня, три — федерального, пять — регионального). Кроме того, использован вторичный анализ материалов социологических исследований. Анализ подвергнуты результаты двух опросов: первый — «Ожидания сельской молодежи» — проведен ВЦИОМ в 2018 г. [1]; второй — «Жизнь сельской молодежи в университетской среде» — проведен ВЦИОМ в апреле 2021 г. [25].

В целях дополнительного анализа процессов адаптации сельской молодежи к современной университетской среде на региональном уровне с 11 октября по 23 ноября 2021 г. нами проведено онлайн-исследование (анкетирование) на тему «Адаптация сельской молодежи к университетской среде в современных условиях (на примере вузов Иркутской области)». В пилотажном онлайн-опросе населения Иркутской области приняли участие 206 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка стихийная. Анкета размещена в свободном доступе на сайте *IAnketa*.

Исследование выполнено на базе социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Иркутского государственного университета. При описании результатов исследования представленные вопросы предполагали множественные ответы.

Результаты

Важными представляются результаты исследования, проведенного в апреле 2021 г. ВЦИОМ на тему «Жизнь сельской молодежи в университетской среде» [25], главной целью которого было определение места сельской молодежи в университетской среде. Опрошено 4 000 граждан РФ в возрасте от 17 до 35 лет. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Основным методом сбора данных выступило телефонное интервью.

В первую очередь у респондентов узнали, как они чувствуют себя в университетской среде, что отражено на рисунке 1. Анализ данных показал, что 44,7 % опрошенных чувствуют себя уверенно, однако 40,1 % выразили неуверенность и закрытость в новой среде, что указывает на необходимость в разработке мер для улучшения социального самочувствия студентов из села. Несмотря на то, что 40,1 % опрошенных сельских студентов чувствуют себя неуверенно, большинство опрошенных (89,9 %) ответили, что планируют завершить обучение в вузе, а 75,9 % продолжают обучение в магистратуре. Респондентам также задали вопрос о том, насколько легко им учиться наравне со студентами, которые всегда жили в городе.

Ответы распределились следующим образом: 5,7 % — очень легко, 15,9 % — легко, но бывают трудности, 51,8 % — трудно, 26,6 % — очень трудно, не справляюсь. При этом необходимо было уточнить, с чем это связано. Чаще всего студенты указывали, что уровень образования в селе очень низкий и что большую часть учебного материала сельские студенты не знают; треть студентов ответили, что к ним прослеживается предвзятое отношение других студентов и преподавателей; четверть студентов сообщили, что выбрали сложную специальность, полностью не изучив все профессиональные компетенции.

Выявлено, что студентам из числа сельской молодежи тяжело дается учеба в университетах, что связано с низким уровнем образования в сельском поселении.

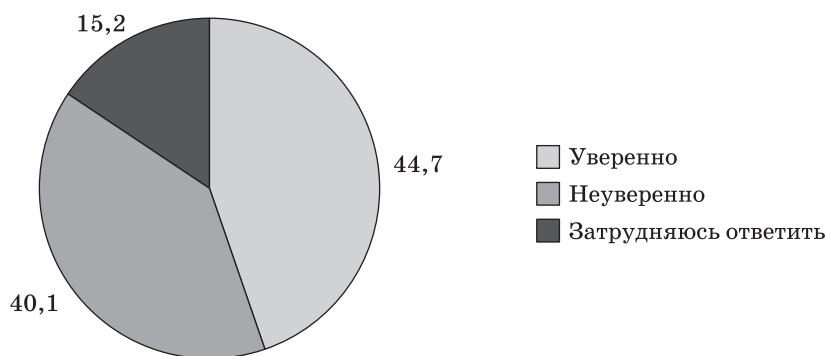

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Как Вы чувствуете себя в университетской среде?», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question
“How do you feel in the academic setting?”, %

Несмотря на это, студенты хотят получить высшее образование, а большая часть желает продолжить обучение в магистратуре и получить второе высшее образование. По результатам исследования обнаружено, что молодые люди больше заинтересованы в разрешении проблем села, в процессе же обучения испытывают трудности.

По итогам проведенного нами исследования сделано предположение о том, что адаптация — самый трудный этап для сельской молодежи, поскольку необходимо адаптироваться не только к университетской среде, но и к городской среде в целом. Кроме того, современное село не является привлекательным для значительной части молодежи. Среди основных причин оттока молодежи из села в современных условиях — проблемы трудоустройства и занятости, слабый уровень развития социальных инфраструктур (образования, здравоохранения, культуры), поступление в вуз, кадровые проблемы, нерешенность жилищных проблем, ограниченная доступность к информационным и цифровым ресурсам, отсутствие должной поддержки молодым семьям. Это закономерно вызывает трудности в процессах адаптации.

Как видно из таблицы 1, адаптационные возможности сельской молодежи, по мнению респондентов, преимущественно проявляются в образовательной сфере (14,3 %), университетской (13,4 %) и городской среде (13,0 %). Таким образом, ответы респондентов распределились примерно одинаково.

Большинство респондентов оценили роль университетского сообщества в профессиональном самоопределении сельской молодежи на хорошем, отличном уровне (59,2 %), наименьшая часть опрошенных оценили роль университетского сообщества на низком уровне (10,7 %). Данное распределение подчеркивает ключевую позицию в адаптации сельской молодежи к университетской среде и университетскому сообществу, которые могут обеспечить полноценную социализацию молодых людей, как видно из таблицы 2.

Уровень планов и ожиданий сельской молодежи в профессионально-образовательной сфере респонденты оценили на среднем уровне (33,0 %), хорошем (28,8 %) и отличном (22,8 %). Из таблицы 3 видно, что значительная часть респондентов оценили уровень планов и ожиданий на среднем уровне (33,0 %). С учетом такого распределения ответов можно заключить, что сегодня сельская молодежь в профессионально-образовательной сфере сталкивается с рядом проблем, но оптимистично смотрит в будущее.

Для респондентов в процессе обучения в вузе актуальны такие проблемы, как материально-финансовые (13,3 %), проблемы дистанционного обучения, в целом проблемы информационного порядка (10,9 %) и др. Можем предположить, что сельские студенты сталкиваются с комплексом проблем, но одна из ключевых — проблема финансового благополучия, как видно из таблицы 4.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в каких сферах преимущественно проявляются адаптационные возможности сельской молодежи?», %

Table 1. Distribution of answers to the question “Which areas, in your opinion, predominantly display the adaptive capacities of rural youth?”, %

№	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Все вышеперечисленное	82	18,6
2	В образовательной сфере	63	14,3
3	В университетской среде	59	13,4
4	В городской сфере	57	13,0
5	В профессиональной сфере	41	9,3
6	В трудовой сфере	38	8,6
7	В культурной сфере	35	8,0
8	В коммуникациях по месту жительства	26	5,9
9	В сфере повседневных коммуникаций	20	4,5
10	В сфере принятия решений	11	2,5
11	Затрудняюсь ответить	8	1,8
	Всего	440	100,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Ваша оценка роли университетского сообщества в профессиональном самоопределении студенческой молодежи — “выходцев” из сельской местности» (1 — не прослеживается существенная роль, низкая степень участия в профессиональном самоопределении; 5 — значительная роль, характерен высокий уровень участия в профессиональном самоопределении), %

Table 2. Distribution of answers to the question “Your assessment of the role of the university community in the professional self-determination of students from rural areas” (1, no significant role, low degree of participation in professional self-determination; 5, significant role, high level of participation in professional self-determination), %

№	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля ответов, %
1	1 — низкая степень участия в профессиональном самоопределении	5	2,4
2	2	17	8,3
3	3	62	30,1
4	4	62	30,1
5	5 — высокий уровень участия в профессиональном самоопределении	60	29,1
	Всего	206	100,0

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень планов и ожиданий сельской молодежи в профессионально-образовательной сфере сегодня? Определите по пятибалльной шкале: 1 — низкий уровень, 5 — высокий уровень», %

Table 3. Distribution of answers to the question «How do you assess the level of plans and expectations of rural youth in the professional and educational sphere today? Please define on a five-point scale, where 1 and 5 are low and high levels, respectively», %

№	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля ответов, %
1	1 — низкий уровень	13	6,3
2	2	20	9,7
3	3	68	33,0
4	4	58	28,2
5	5 — высокий уровень	47	22,8
	Всего	206	100,0

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, с какими проблемами в большей степени сталкиваются “выходцы” из сельской местности в процессе обучения в вузе?», %

Table 4. Distribution of answers to the question “What problems, in your opinion, do natives of rural areas encounter most when studying at a university?”, %

№	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Все вышеперечисленное	83	17,0
2	Материально-финансовые проблемы	65	13,3
3	Проблемы дистанционного обучения и в целом проблемы информационного порядка	53	10,9
4	Жилищно-бытовые проблемы	41	8,4
5	Проблемы трудоустройства	38	7,8
6	Межличностные проблемы	35	7,2
7	Проблемы учебы и занятости	30	6,1
8	Внутриличностные проблемы	26	5,3
9	Проблемы самореализации	25	5,1
10	Проблемы качества питания	25	5,1
11	Хозяйственно-бытовые проблемы	24	4,9
12	Проблемы организации досуга	19	3,9
13	Затрудняюсь ответить	12	2,5
14	Проблемы здоровья	12	2,5
	Всего	488	100,0

По результатам пилотажного опроса на примере Сибирского региона выявлено, что успешное развитие села связано с успешной адаптацией сельской молодежи к современной университетской среде. К ведущим факторам адаптационного порядка для студенческой молодежи сегодня относятся совершенствование сельской инфраструктуры в аспекте развития образования, здравоохранения, культуры; развитие фермерских хозяйств; запуск общественного транспорта;

строительство сельских дорог и мостов, обеспечение их безопасности; информационное обеспечение села, в том числе повышение доступности и скорости интернета; политика по привлечению молодых кадров; развитие сельского туризма; освоение новых земель (программа «Дальневосточный гектар» и др.); переход на импортозамещение.

Нормативно-правовому анализу подвергнуты закон Иркутской области от 8 ноября 2018 г. № 94-ОЗ «Об областной государственной поддержке отдельных категорий студентов в целях привлечения их для дальнейшей работы в государственных образовательных организациях Иркутской области и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Иркутской области» [26] и Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в редакции от 1 мая 2017 г.), в частности п. 2 ч. 1 ст. 36. Согласно последнему государственная социальная стипендия выделяется как один из основных видов стипендий [27].

Анализ норм законодательства в области образования и социальной защиты населения позволяет классифицировать студентов образовательных организаций высшего образования, получающих государственную социальную поддержку, на две группы. Первая группа — студенты, получившие государственную социальную помощь при участии органов социальной защиты населения в виде пособия на ребенка гражданам, имеющих детей до 16 лет (до 18 лет), субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, адресной социальной помощи на условиях заключения социального контракта (многодетным семьям, проживающим в сельских населенных пунктах), признания нуждающимися в предоставлении социальных услуг и принятия на социальное обслуживание. Вторая группа — студенты, получившие государственную социальную помощь при участии Пенсионного фонда РФ в виде федеральной социальной доплаты к пенсии, набора социальных услуг, обеспечения в соответствии со стандартами медицинской помощи лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам, предоставления при наличии медицинских показаний путевки на лечение, осуществляемое в целях профилактики основных заболеваний.

Проблема состоит в том, что категория «сельские студенты» в приведенных выше законах не упоминается, хотя сельский студент может получать социальную помощь, стипендию. Но должны учитываться и дополнительные факторы, такие как затраты на дорогу и проживание. Можно выделить и проблему отсутствия единой базы сведений о предоставлении государственной социальной помощи для назначения государственной социальной стипендии. Данная проблема связана с тем, что абитуриенты поступают в учебные заведения в другие субъекты РФ от своего постоянного места жительства, что связано со значительными временными и финансовыми затратами для студента.

Большинство респондентов затруднились дать ответ на вопрос «Как Вы считаете, каким образом данные проблемы регулируются в условиях вуза?» (32,4 %). Остальные считают, что в условиях вуза данные проблемы регулируются взаимодействием с муниципалитетом (сельской администрацией), из которого прибыл студент (12,7 %), взаимодействием с семьей (12,4 %), вовлеченностью в сферу внеучебной деятельности (11,7 %) и психологической поддержкой (10,7 %), как показано в таблице 5.

По мнению респондентов, преимуществами участия вузов в процессе адаптации сельской молодежи к условиям университетской среды служат накопление знаний, интеллектуального капитала (12,1 %), формирование и развитие универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций (11,9 %), как видно из таблицы 6.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, каким образом данные проблемы регулируются в условиях вуза?», %

Table 5. Distribution of answers to the question “How do you think these problems are regulated in the university?”, %

№	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Затрудняюсь ответить	97	32,4
2	Взаимодействие с муниципалитетом (сельской администрацией), из которого прибыл студент	38	12,7
3	Взаимодействие с семьей	37	12,4
4	Вовлеченность в сферу внеучебной деятельности	35	11,7
5	Расширение культурных контактов, повышение культурного уровня	32	10,7
6	Психологическая поддержка	32	10,7
7	Консультационная поддержка	24	8,0
8	Другое, а именно — никак	4	1,3
	Всего	299	100,0

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Назовите, пожалуйста, преимущества участия вузов в процессе адаптации сельской молодежи к условиям университетской среды», %

Table 6. Distribution of answers to the question “Please name the advantages of universities’ participation in the adaptation of rural youth to the academic setting”, %

№	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Все вышеперечисленное	112	24,7
2	Накопление знаний, интеллектуального капитала	55	12,1
3	Формирование и развитие универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций	54	11,9
4	Формирование навыков самостоятельности в принятии решений	41	9,1
5	Расширение коммуникаций на разных уровнях	40	8,8
6	Расширение кругозора и повышение культурного уровня	36	7,9
7	Приобретение нового статуса, реализация новых ролей и функций	32	7,1
8	Вовлечение в различные виды деятельности	29	6,4
9	Приобретение разностороннего социального опыта	25	5,5
10	Система обучения и воспитания	22	4,9
11	Затрудняюсь ответить	7	1,5
	Всего	453	100,0

Таким образом, по результатам пилотажного опроса населения Иркутской области выявлено, что одна из задач муниципалитетов и вузовского сообщества — определение, типологизация проблем адаптации сельской молодежи и повышение роли университетского сообщества, университетской среды на территориях отдельного региона. В аспекте успешной социальной адаптации современной молодежи к университетской среде целесообразно учитывать ряд значимых факторов. Среди них — заинтересованность села в молодых специалистах; социальная адаптация студенческой молодежи, происходящая на решающем для любого человека этапе жизни; студенчество, являющееся интеллектуальным и культурным авангардом молодого поколения; социальная адаптация к происходящим в стране переменам. К преимуществам участия вузов в процессе адаптации сельской молодежи к условиям университетской среды относятся накопление знаний и интеллектуального капитала, формирование и развитие универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Оценка уровня планов и ожиданий сельской молодежи в профессионально-образовательной деятельности говорит о том, что сегодня эта часть населения сталкивается с рядом проблем. Среди наиболее распространенных проблем, с которыми в большей степени сталкиваются «выходцы» из сельской местности в процессе обучения в вузе, — материально-финансовые (в аспекте дистанционного обучения) и в целом проблемы информационного порядка. Анализ нормативно-правовых актов регионального уровня показал, что законодательная база в области поддержки студентов разработана, однако она недостаточно применяется. Несмотря на важность и актуальность проблемы, в документах не упоминается категория «сельский студент» и, соответственно, не регулируется в полной мере. Важно было выявить, каким образом проблемы адаптации сельских студентов регулируются в условиях вуза. По мнению респондентов, разрешение указанных проблем будет возможным во взаимодействии с муниципалитетом (сельской администрацией), из которого прибыл студент, и семьей.

В процессе проведенного исследования респондентам задан ряд открытых вопросов, ответы на которые стали основой рекомендаций органам муниципального управления и руководящему составу вузов по развитию механизмов заинтересованности сельской молодежи и снижению адаптационной нагрузки в период обучения.

Обсуждение

По результатам исследования разработан перечень практических рекомендаций органам муниципального управления и руководящему составу вузов по развитию механизмов заинтересованности сельской молодежи и снижению адаптационной нагрузки в период обучения в вузе.

Рекомендации органам муниципального управления:

1. Разработать и утвердить муниципальные программы по поддержке студентов и молодых специалистов, направленные на улучшение условий для возвращения в родное село после обучения.
2. Разработать программы сотрудничества с вузами, которые будут включать в себя экскурсии, конференции, предметные консультации при подготовке к ЕГЭ.
3. Разработать программы сотрудничества со школами, которые будут включать в себя мероприятия профориентационной направленности (например, создание агробизнес-классов).

Рекомендации руководящему составу вузов:

1. Разработать и реализовать программы по адаптации сельской молодежи с четким регламентированием деятельности в этом направлении.
2. Создать консультативный отдел, который будет осуществлять кураторство сельских студентов на первых курсах.
3. Создать консультативный отдел, который будет осуществлять психологическую поддержку сельских студентов на первых курсах.
4. Улучшить работу кураторов на первых курсах (в том числе по закреплению наставников-преподавателей), тем самым создать благоприятный психологический климат в учебных группах, формировать мотивацию к обучению.
5. Разработать программы сотрудничества с вузами, которые будут включать в себя экскурсии, конференции, предметные консультации при подготовке к ЕГЭ.

Выводы

В заключение дополним, что отсутствие возможностей к самореализации в сельской среде во многом способствовало тому, что сельская молодежь стала активнее переезжать жить в город с целью получения образования и работы. Выявлено, что одной из главных причин повышенного интереса к проблемам сельской молодежи в современный период стал тот факт, что село начало преобразовываться в «новое умное село». Как следствие, увеличился спрос на специалистов разного профиля, имеющих преимущественно высшее образование. Сформулировано предположение относительно того, что адаптация является самым трудным этапом для сельской молодежи, так как необходимо адаптироваться не только к университетской среде, но и к городской среде в целом. По результатам исследования сделан вывод о том, что в современных условиях сельская молодежь в профессионально-образовательной сфере сталкивается с рядом проблем, но оптимистично смотрит в будущее. Ведущими факторами адаптационного порядка для студенческой молодежи сегодня выступают совершенствование сельской инфраструктуры в аспекте развития образования, здравоохранения, культуры; развитие фермерских хозяйств; запуск общественного транспорта; строительство сельских дорог и мостов, обеспечение их безопасности; информационное обеспечение села, в том числе повышение доступности и скорости интернета; политика по привлечению молодых кадров; развитие сельского туризма и др. В аспекте успешной социальной адаптации современной молодежи к университетской среде необходим учет в первую очередь такого фактора, как заинтересованность села в молодых специалистах. Представленный перечень практических рекомендаций органам муниципального управления и руководящему составу вузов по развитию механизмов заинтересованности сельской молодежи и снижению адаптационной нагрузки в период обучения в вузе служит одним из условий, способствующих полноценной социализации молодых людей из сельской местности в университетской среде.

Список источников

1. Ожидания сельской молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования РФ: офиц. сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnykh> (дата обращения: 17.12.2022).

3. Афанасьев В. Г. Об интенсификации развития социалистического общества. М.: Мысль, 1969. 147 с.
4. Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 234 с.
5. Батанина И. А., Щербакова В. П. Социальная адаптация учащейся молодежи в условиях преобразований в современной России / под общ. ред. И. А. Батаниной. Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. 116 с.
6. Адаптация человека: сборник ст. / отв. ред. З. И. Барабашева, И. И. Лихницкая. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972. 267 с.
7. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Наука, 1989. 210 с.
8. Кузнецов П. С. Адаптация как функция развития личности. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 75 с.
9. Зотова О. И., Кряжева И. К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения: сборник ст. / отв. ред. М. И. Бобиева, В. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 219–233.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989. 488 с.
11. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1980. 416 с.
12. Ефимов Б. А. Образование как фактор социальной адаптации личности: дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1980. 184 с.
13. Шпак Л. Л. Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации: дис. ... д-ра социол. наук. Кемерово, 1992. 353 с.
14. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации личности / пер. с англ. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2002. 147 с.
15. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сборник ст. / пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
16. Парсонс Т. Функциональная теория изменений / пер. с англ. Г. Беляевой // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464–479.
17. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
18. Зайцев В. А. Труд и быт рабочих подростков. М.: Вопросы труда, 1926. 419 с.
19. Имангулов Р. Ш., Мугаттарова Э. Р., Хуснетдинова К. И. Национальные виды спорта как средство адаптации в вузе студенческой молодежи из сельской местности // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт, 2019. № 11. С. 23–28.
20. Ермакова А. А. Адаптация выпускников сельских школ к условиям городского социума как современная социально-педагогическая проблема // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 9 (77). С. 319–324.
21. Бакаева С. А., Самородова Е. А., Беляева И. Г. Дистанционное обучение иностранным языкам в неязыковом вузе: о результатах, трудностях и перспективах (на примере французского и немецкого языков) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 8-2. С. 22–25. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.08-2.03
22. Развитие сельских территорий. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2021. № 3 // Счетная палата РФ: офиц. сайт. URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-3-280-2021-g> (дата обращения: 17.12.2022).
23. Мазур М. М. Проблемы дистанционного обучения в вузе // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 5 (44). С. 813–815.
24. Кансиярова Е. А. Социальная адаптация молодежи: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2011. 190 с.
25. Жизнь сельской молодежи в университетской среде (по данным исследования ВЦИОМ за 2021 год) // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://old.wciom.ru/#gsc.tab=0&gsc.q=университет%20сельская%20молодежь&gsc.page=3> (дата обращения: 30.09.2021).
26. Об областной государственной поддержке отдельных категорий студентов в целях привлечения их для дальнейшей работы в государственных образовательных организациях Иркутской области и муниципальных образовательных организациях, расположенных

- на территории Иркутской области: закон Иркутской области от 8 ноября 2018 г. № 94-ОЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550238344> (дата обращения: 17.12.2022).
27. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=lf8265piv3554534799 (дата обращения: 17.12.2022).

References

1. Expectations of rural youth. All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). URL: <http://wciom.ru/> (accessed on 29.09.2021). (In Russ.).
2. Information on the number of students of educational organizations carrying out educational activities in educational programs of higher education. Official website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnykh> (accessed on 17.12.2022). (In Russ.).
3. Afanas'ev V.G. On the intensification of the development of socialist society. Moscow: Mysl'; 1969. 147 p. (In Russ.).
4. Fofanov V.P. Social activity and theoretical reflection. Novosibirsk: Nauka; 1986. 234 p. (In Russ.).
5. Batanina I.A., Shcherbakova V.P. Social adaptation of students in the context of transformations in modern Russia. Tula: Tula State University Publ.; 2004. 116 p. (In Russ.).
6. Barabasheva Z.I., Likhnikskaya I.I., eds. Human adaptation: Coll. pap. Leningrad: Nauka; 1972. 267 p. (In Russ.).
7. Kon I.S. Psychology of early youth. Moscow: Nauka; 1989. 210 p. (In Russ.).
8. Kuznetsov P.S. Adaptation as a function of personality development. Saratov: Saratov University Publ.; 1991. 75 p. (In Russ.).
9. Zotova O.I., Kryazheva I.K. Some aspects of socio-psychological adaptation of the personality. In: Bobieva M.I., Shorokhova V.V., eds. Psychological mechanisms of regulation of social behavior: Coll. pap. Moscow: Nauka; 1979:219-233. (In Russ.).
10. Rubinshtein S.L. Fundamentals of general psychology (in 2 vols). Vol. 1. Moscow: Pedagogika; 1989. 488 p. (In Russ.).
11. Andreeva G.M. Social psychology. Moscow: MSU Publ.; 1980. 416 p. (In Russ.).
12. Efimov B.A. Education as a factor of social adaptation of the individual. Cand. philos. sci. diss. Sverdlovsk. 1980. 184 p. (In Russ.).
13. Shpak L.L. Sociocultural adaptation: Essence, direction, implementation mechanisms. Doct. sociol. sci. diss. Kemerovo. 1992. 353 p. (In Russ.).
14. Hartmann H. Ego-psychology and the problem of adaptation. Oxford: International Universities Press; 1958. 121 p. (Russ. ed.: Hartmann H. Ego-psikhologiya i problemy adaptatsii lichnosti. Moscow: Institute for General Humanitarian Studies; 2002. 147 p.).
15. Merton R.K. Social structure and anomie. *American Sociological Review*. 1938;3(5):672-682. DOI: 10.2307/2084686 (Russ. ed.: Merton R.K. Sotsial'naya struktura i anomiya. In: Sotsiologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuznye teorii: Sb. st. Moscow: Progress; 1966:299-313.).
16. Parsons T. Functional theory of change. Transl. from Eng. In: American sociological thought. Moscow: MSU Publ.; 1994:464-479. (In Russ.).
17. Zaslavskaya T.I. Societal transformation of Russian society: Activity-structural concept. Moscow: Delo; 2002. 568 p. (In Russ.).
18. Zaitsev V.A. Work and life of working teenagers. Moscow: Voprosy truda; 1926. 419 p. (In Russ.).
19. Imangulov R.Sh., Mugattarova E.R., Khusnetdinova K.I. National sport as a means of adaptation in university students from rural areas. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kultura. Sport = News of the Tula State University. Physical Culture. Sport*. 2019;(11):23-28. (In Russ.).

20. Ermakova A.A. Adaptation of undergraduates of rural schools to the terms of the city society as modern socially-pedagogical problem. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Bulletin of Tambov University. Series: The Humanities*. 2009;(9):319-324. (In Russ.).
21. Bakaeva S.A., Samorodova E.A., Belyaeva I.G. Foreign languages distance learning in a non-linguistic school: speaking about results, difficulties and prospects (teaching French and German experience). *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2020;(8-2):22-25. (In Russ.). DOI: 10.37882/2223-2982.2020.08-2.03
22. Rural development. *Byulleten' Schetnoi palaty Rossiiskoi Federatsii*. 2021;(3). URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-3-280-2021-g> (accessed on 17.12.2022). (In Russ.).
23. Mazur M.M. Problems of distance learning at the university. *Alleya nauki*. 2020;2(5):813-815. (In Russ.).
24. Kansiyarova E.A. Social adaptation of youth: Philosophical analysis. Cand. philos. sci. diss. Novosibirsk. 2011. 190 p. (In Russ.).
25. The life of rural youth in the university environment (according to the VTsIOM research for 2021). All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). URL: <https://old.wciom.ru/#gsc.tab=0&gsc.q=университет%20сельская%20молодежь&gsc.page=3> (accessed on 30.09.2021). (In Russ.).
26. On regional state support for certain categories of students in order to attract them for further work in state educational organizations of the Irkutsk region and municipal educational organizations located on the territory of the Irkutsk region. Law of the Irkutsk region dated November 8, 2018 No. 94-OZ. Electronic Fund of Legal, Regulatory and Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550238344> (accessed on 17.12.2022). (In Russ.).
27. On education in the Russian Federation. Federal law of December 29, 2012 No. 273-FZ (latest edition). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=lf8265piv3554534799 (accessed on 17.12.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

Т. И. Грабельных — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций; 664025, Иркутск, Ленина ул., д. 3;

А. А. Зайковская — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и социологии; 664025, Иркутск, Ленина ул., д. 3;

Я. В. Петкова — выпускница направления подготовки 39.03.01 Социология кафедры социальной философии и социологии; 664025, Иркутск, Ленина ул., д. 3.

Information about the authors

T. I. Grabelnykh — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Head of the Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations; 3 Lenin St., Irkutsk 664025, Russia;

A. A. Zaikovskaya — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Sociology; 3 Lenin St., Irkutsk 664025, Russia;

Y. V. Petkova — graduate of the direction of training 39.03.01 Sociology of the Department of Social Philosophy and Sociology; 3 Lenin St., Irkutsk 664025, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-57-69

Сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов в исследовании взглядов молодежи на вопросы межнациональных отношений

Ольга Владимировна Васильева^{1✉}, Дмитрий Олегович Труфанов²

^{1, 2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ yyoollyyaa@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-6898-390X>

² dtrufanov@sfu-kras.ru

Аннотация. В статье представлен опыт сопоставления результатов онлайн- и офлайн-опросов, проведенных авторами в рамках исследования отношения молодежи Красноярского края к национальным вопросам по единой методике в 2021 г. Выборочные совокупности онлайн- и офлайн-опросов приведены к полностью идентичной структуре с помощью процедуры взвешивания по социально-демографическим признакам: полу, возрасту, населенному пункту. В результате сравнительного анализа авторы приходят к выводу о том, что на наличие или отсутствие различий ответов онлайн- и офлайн-выборок существенное влияние оказывает формулировка вопросов, в частности наличие или отсутствие в вопросе обращения к персональной эмоциональной оценке респондента. Вопросы, предполагающие выявление личного эмоционального отношения респондента к какому-либо явлению или процессу, дают статистически значимые смещения в сторону более социально желательных оценок. В вопросах, ориентированных на измерение внешней оценки респондентом какого-либо явления или процесса, статистически значимых различий в ответах в основном не наблюдается.

Ключевые слова: методический эксперимент, онлайн-опрос, офлайн-опрос, эффект интервьюера, молодежь, национальные вопросы

Для цитирования: Васильева О. В., Труфанов Д. О. Сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов в исследовании взглядов молодежи на вопросы межнациональных отношений // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 57–69. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-57-69>

Original article

Comparison of the results of online and offline surveys in the study of the attitudes of youth to interethnic relations

Ol'ga V. Vasil'eva^{1✉}, Dmitriy O. Trufanov²

^{1, 2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹ yyoollyyaa@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-6898-390X>

² dtrufanov@sfu-kras.ru

Abstract. The paper presents the experience of comparing the results of online and offline surveys conducted by the authors within the study of the Krasnoyarsk Krai youth attitudes to national issues using a single methodology in 2021. The samples of online and offline surveys are reduced to a fully identical structure using a weighting procedure based on socio-demographic characteristics, such as gender, age, and locality. Consequently, the authors conclude that the presence or absence of differences in the responses of online and offline

samples is significantly influenced by the wording of the questions, in particular, the presence or absence in the question of reference to the personal emotional evaluation of the respondent. Questions that involve revealing the respondent's personal emotional attitude to a phenomenon or process give statistically significant shifts toward more socially desirable evaluations. On the contrary, the questions aimed at measuring the respondent's external evaluation of a phenomenon or process do not show statistically significant differences in the answers.

Keywords: methodological experiment, online survey, offline survey, interviewer effect, youth, national issues

For citation: Vasil'eva O. V., Trufanov D. O. Comparison of the results of online and offline surveys in the study of the attitudes of youth to interethnic relations. *Sociology and Law*. 2023; 15(1):57-69. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-57-69>

Введение

Сопоставление результатов онлайн- и офлайн-опросов — актуальная проблема современной социологии. В исследовательской практике существуют как примеры эквивалентности результатов онлайн- и офлайн-опросов, так и примеры значимых различий между ними. Важно отметить, что при сопоставлении результатов следует учитывать и тематику исследований, и специфику формулировок вопросов, и характеристики респондентов, составляющих онлайн- и офлайн-выборку.

На наличие определенных особенностей интернет-выборки, отличающих ее от респондентов, опрошенных в режиме офлайн, обращают внимание Т. Фаас, Д. В. Шкурин, В. И. Корсунова, Б. О. Соколов и др. [1; 2; 3; 4]. Так, Т. Фаас в исследовании политических ориентаций населения Германии приходит к заключению о том, что онлайн- и офлайн-опросы дают разные распределения и социально-демографических, и основных переменных анкеты. В открытом онлайн-опросе, основанном на стихийном отборе респондентов, происходит смещение выборки в сторону молодежи, имеющей высокий уровень образования и интересующейся вопросами политики. Исследователь указывает, что после взвешивания выборок по социально-демографическим признакам все различия ответов на вопросы анкеты сохраняются или усиливаются [1]. Д. В. Шкурин обнаружил ряд различий при сравнении онлайн- и офлайн-опросов, проведенных по теме «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» [2]. Ключевой вывод автора состоит в том, что качество данных, полученных в результате онлайн-опроса, при условии использования качественного инструментария дает только случайные искажения, а для офлайн-опроса характерны систематические искажения, связанные прежде всего с некорректной работой интервьюеров. О влиянии на результат различий онлайн- и офлайн-выборок по иным социально-демографическим характеристикам, отличным от пола и возраста, сообщают В. И. Корсунова и Б. О. Соколов [3]. В осуществленном авторами сопоставлении онлайн- и офлайн-опросов показано, что выборки репрезентативны по полу и возрасту, но в онлайн-опросе представлено меньше респондентов с низким уровнем образования и жителей сельской местности. Сопоставление данных онлайн-опросов («Ценности в кризисе» и «Онлайн-2018») с результатами седьмой волны Всемирного исследования ценностей позволило авторам обнаружить сходства и различия результатов, полученных в режимах онлайн и офлайн: при идентичности факторной модели ценностных установок в обеих выборках наблюдаются более высокие средние значения ценностных индексов в онлайн-выборке.

На обязательном учете специфики задач исследования при проведении онлайн- и офлайн-опросов настаивает А. В. Быков. Он рассматривает решение

двух экспериментальных задач, первая из которых — ретроспективная самооценка респондентом собственного альтруистического поведения, вторая — оценка респондентом альтруистических действий третьих лиц [4]. В результате проведения методического квазиэксперимента с целью оценки влияния способа проведения исследования (в режимах онлайн и офлайн) А. В. Быков приходит к выводу об отсутствии различий между результатами, полученными в режимах онлайн и офлайн при использовании техники факторных виньеток. Однако он находит такие различия при применении Шкалы самооценки альтруизма Раштона. О возможном влиянии темы опроса на результат косвенно свидетельствуют и эксперименты С. И. Некрасова, С. П. Моисеева, Н. А. Насоновой [5; 6; 7]. Так, С. И. Некрасов в ходе сравнительного анализа онлайн- и офлайн-опросов приходит к выводу об отсутствии различий результатов. Но важно обратить внимание на нейтральный характер темы опроса и отсутствие сенситивных вопросов (именно с такими вопросами ученые в наибольшей степени связывают эффект интервьюера) [5; 6; 7; 8]. В частности, вопросы анкет нацелены на такие темы, как предсказание продолжительности жизни, распределения зарплат и т. п. На наш взгляд, именно это позволило автору исключить эффект интервьюера в офлайн-опросе.

Таким образом, проблема сопоставления результатов онлайн- и офлайн-опросов сложна, имеет множество аспектов, в том числе теоретических, методических, организационных. Основной вопрос, который возникает при таком сравнении, состоит в том, чем обусловлены различия результатов. На наш взгляд, следует выделить две группы факторов, которые могут оказывать влияние на результаты. Суть первой группы факторов заключается в том, что определенные особенности присущи *общностям* респондентов, доступных для онлайн- и офлайн-опросов. Вторая — свидетельствует о том, что *поведение* респондентов и их ответы находятся под влиянием контекста, зависят от формата опроса. Полагаем, нельзя исключить оба фактора. Задачей исследователя для достижения наиболее точного результата является снижение вероятности искажающего влияния данных факторов — как в ситуации онлайн-опроса, так и в ситуации офлайн-опроса. С учетом этой позиции, на наш взгляд, ошибочно принимать результаты офлайн-опроса как некий эталон, лучше справляющийся с задачей измерения общественного мнения.

Проведенный нами анализ позволил выявить различия и сходства результатов онлайн- и офлайн-анкетирования на примере исследования отношения молодежи Красноярского края к национальным и религиозным вопросам. Ключевая идея настоящего сравнительного исследования состоит в выявлении возможных различий в ответах респондентов, опрошенных в режимах онлайн и офлайн по идентичной тематике на идентичной выборке (пол, возраст, тип населенного пункта), а также в поиске причин этих различий.

Методика исследования. В мае — июне 2021 г. авторами проведено социологическое исследование об отношении молодежи Красноярского края к национальным и религиозным вопросам. Генеральная совокупность — городская молодежь Красноярского края (18–35 лет). Объем выборки составил 1 000 респондентов, тип выборки — квотная, репрезентативная по полу, возрастным группам (18–23, 24–29, 30–35 лет) и городам проживания молодежи. Сбор данных осуществлен в семи городах Красноярского края (Красноярске, Железногорске, Норильске, Ачинске, Канске, Лесосибирске, Минусинске).

Для сбора данных применен метод анкетирования в форматах онлайн и офлайн. Онлайн-формат опроса предполагал самостоятельное заполнение анкеты по ссылке: респондент проходил опрос без интервьюера, с использованием лич-

ного электронного устройства (компьютера, смартфона или планшета). Офлайн-формат предусматривал прохождение респондентом опроса в формате интервью: респондента опрашивал интервьюер (с использованием электронного устройства — смартфона или планшета). Теоретически респонденты, опрошенные онлайн, имели потенциальную возможность попасть в офлайн-выборку, а респонденты, опрошенные офлайн, имели потенциальную возможность попасть в онлайн-выборку, поскольку также пользовались устройством с доступом в интернет и устройством для заполнения опросника.

Для анализа данных применены следующие методы: 1) взвешивание наблюдений по полу, возрасту, типу населенного пункта с целью получения однородных по структуре (по обозначенным в п. 1 признакам) онлайн- и офлайн-выборок; 2) анализ линейного распределения ответов; 3) проверка статистической значимости различий с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона.

Нами проверены гипотезы о наличии статистически значимых различий между ответами респондентов, проходивших опрос в форматах онлайн и офлайн.

H0: связь отсутствует между показателями отношения молодежи Красноярского края к национальным вопросам и форматом прохождения опроса, эти признаки независимы. *H1* (альтернативная гипотеза): связь существует, признаки зависимы.

При описании результатов будем называть онлайн-выборкой респондентов, опрошенных в онлайн-формате, офлайн-выборкой — респондентов, опрошенных в офлайн-формате.

Обсуждение результатов. Среди опрошенных в формате офлайн больше респондентов, положительно оценивающих фактор многонациональности среды региона (47 %), чем среди опрошенных онлайн (36 %), как видно на рисунке 1. Распространенность негативной оценки приблизительно равна в обеих выборках (7–8 %). В онлайн-выборке более распространена нейтральная оценка многонациональности среды (57 %). Прежде чем сформулировать окончательные выводы о неслучайности выявленной закономерности, обратимся к статистическим показателям значимости различий. Расчет критерия Хи-квадрат показывает, что различия в ответах на данный вопрос являются статистически значимыми. Об этом свидетельствует значение $\chi^2 = 8,49$ и величина асимптотической значимости $p = 0,014$, как показано в таблице 1. Число степеней свободы равно 2. Критическое значение критерия Хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p = 0,05$ и числе степеней свободы 2 составляет 5,99. Сравним полученное значение критерия χ^2 с критическим: $8,49 > 5,99$. Следовательно, связь между оценкой респондентом фактора многонациональности среды региона и форматом прохождения опроса статистически значима. Подтвердилась гипотеза *H1*: существует связь между отношением респондента к фактору многонациональности среды региона и форматом прохождения опроса данным респондентом. Онлайн-выборка более нейтральна в оценках многонациональности среды Красноярского края, в то время как офлайн-выборка более склонна оценивать эту характеристику среды как позитивную.

Сопоставление ответов участников онлайн- и офлайн-опросов на вопрос «Как Вы оцениваете современное состояние межнациональных отношений в России / Красноярском крае / Вашем городе?» показывает, что респонденты офлайн-выборки чаще дают положительные оценки, что отражено на рисунке 2. Но значимость различий не подтверждается, это видно из таблицы 1.

Респонденты онлайн-выборки значительно чаще сообщают о национальности как о факторе влияния на доверие людям (40 %), если сравнить показатели с офлайн-выборкой (28 %), что отражено на рисунке 3, в таблице 1.

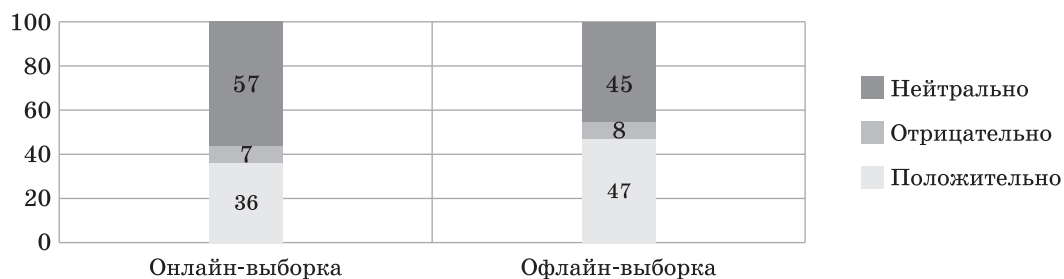

Рис. 1. Сопоставление ответов на вопрос «В Красноярском крае проживают представители многих национальностей. Как Вы относитесь к тому, что живете в многонациональной среде?», %

Fig. 1. Comparison of answers to the question “Many nationalities live in Krasnoyarsk Krai. How do you feel about living in a multinational environment?”, %

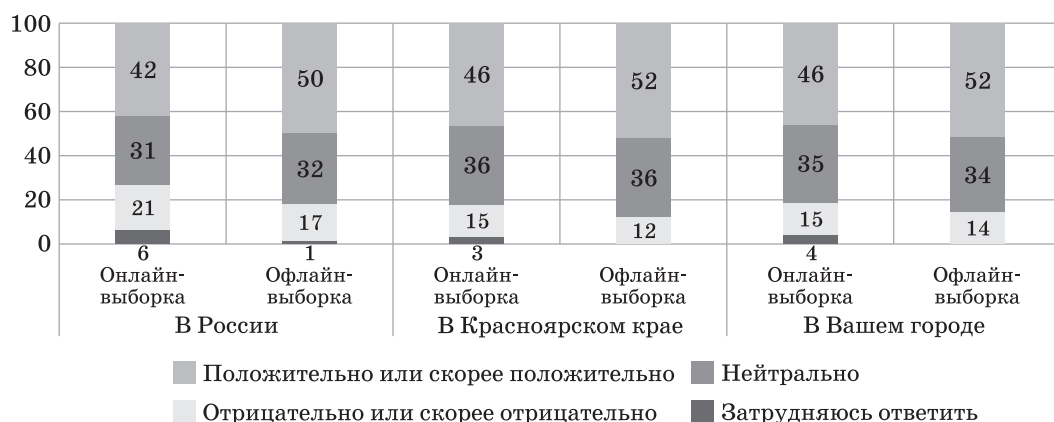

Рис. 2. Сопоставление ответов на вопрос «Как Вы оцениваете современное состояние межнациональных отношений в России / Красноярском крае / Вашем городе?», %

Fig. 2. Comparison of answers to the question “How do you assess the current state of interethnic relations in Russia/Krasnoyarsk Krai/your city?”, %

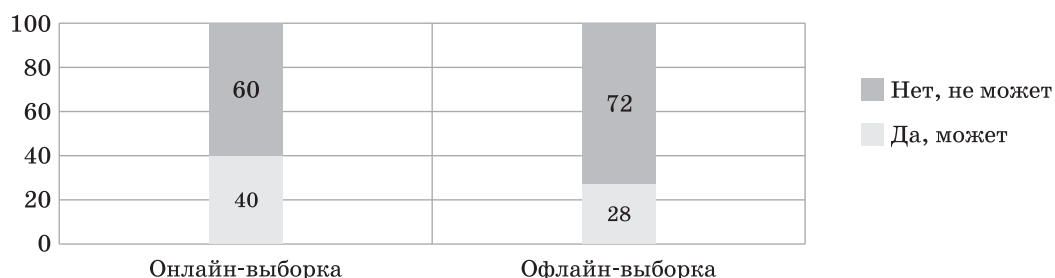

Рис. 3. Сопоставление ответов на вопрос «Может ли национальность человека повлиять на Ваше доверие ему?», %

Fig. 3. Comparison of answers to the question “Can a person’s nationality influence your trust in him/her?”, %

Опрошенные в режиме онлайн несколько чаще сообщают об известных им конфликтах на межнациональной почве, как видно на рисунке 4. При этом различия в ответах онлайн- и офлайн-выборки не являются статистически значимыми, о чем говорят данные, представленные в таблице 1.

Рис. 4. Сопоставление ответов на вопрос «Известны ли Вам какие-либо конфликты на межнациональной почве, которые происходили в течение последних трех лет?», %

Fig. 4. Comparison of answers to the question “Do you know of any interethnic conflicts that have taken place over the past three years?”, %

Уровень интереса онлайн- и офлайн-выборки к национальным и межнациональным мероприятиям приблизительно одинаков, о чем свидетельствует рисунок 5.

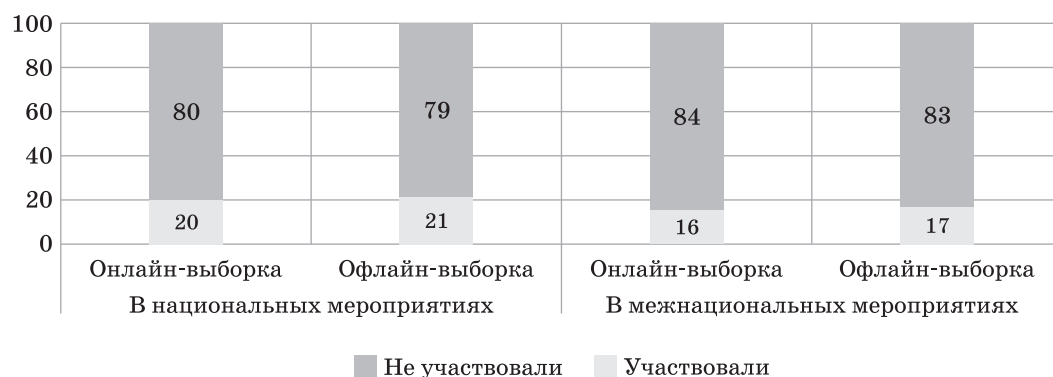

Рис. 5. Сопоставление ответов на вопрос «За последние три года принимали ли Вы участие в каких-либо религиозных, национальных и межнациональных мероприятиях и праздниках в Красноярском крае?», %

Fig. 5. Comparison of answers to the question “Have you participated in any religious, national, and interethnic events and festivals in Krasnoyarsk Krai over the last three years?”, %

Между опрошенными онлайн и офлайн не выявлено различий по уровню значимости национальной идентичности, как видно на рисунке 6 и в таблице 1.

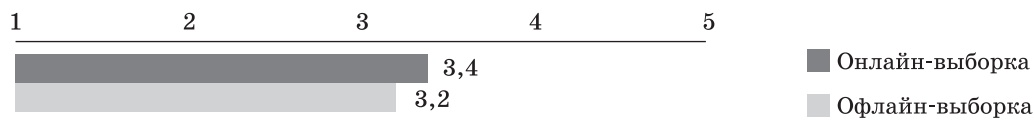

Рис. 6. Сопоставление ответов на вопрос «Насколько важно для Вас чувствовать себя представителем своего народа (национальности)?» (средний балл оценки по пятибалльной шкале, где 5 — очень важно; 1 — совершенно не важно)

Fig. 6. Comparison of answers to the question “How important is it for you to feel as a representative of your nation (nationality)?” (average score on a five-point scale, where 5 is very important, and 1 is not important at all)

В офлайн-выборке зафиксирован значимо больший процент респондентов, одобряющих идею ужесточения наказаний за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь, как показано на рисунке 7 и в таблице 1.

Рис. 7. Сопоставление ответов на вопрос «Как Вы относитесь к следующей деятельности, связанной с межнациональными отношениями в Вашем населенном пункте?», %

Fig. 7. Comparison of answers to the question “What is your attitude to the following activities associated with interethnic relations in your locality?”, %

Прослеживается латентная взаимосвязь формата прохождения опроса с восприятием многонациональности как фактора возникновения конфликтов: такое восприятие более характерно для офлайн-выборки, как видно на рисунке 8 и в таблице 1.

Рис. 8. Сопоставление ответов на вопрос «Согласны ли Вы или не согласны со следующими утверждениями?», %

Fig. 8. Comparison of answers to the question “Do you agree or disagree with the following statements?”, %

Респонденты онлайн-выборки несколько чаще (56 %) отмечают, что обсуждали в течение последних трех лет какие-либо новости или события о теме межнациональных отношений, как показано на рисунке 9. Однако различие не подтверждается с точки зрения статистической значимости, как видно из таблицы 1.

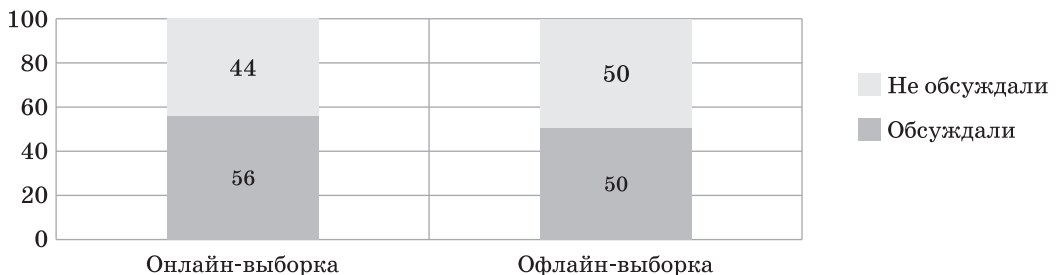

Рис. 9. Сопоставление ответов на вопрос «Пожалуйста, вспомните, обсуждали ли Вы за последние три года какие-либо новости, события, связанные с темой межнациональных отношений?», %

Fig. 9. Comparison of answers to the question “Please remember, have you discussed any news or events associated with interethnic relations over the past three years?”, %

Таблица 1

Оценка статистической значимости различий онлайн- и офлайн-выборок

Table 1. Estimation of statistical significance of differences between online and offline samples

		Chi-Square (Хи-квадрат)		
		Value (значение)	Df (кол-во степеней свободы)	Sig. (значимость)
В Красноярском крае проживают представители многих национальностей. Как Вы относитесь к тому, что живете в многонациональной среде?		8,490	2	0,014
Как Вы оцениваете современное состояние межнациональных отношений	... в России?	9,376	4	0,052
	... в Красноярском крае?	8,852	4	0,065
	... в Вашем городе?	4,348	4	0,361
Может ли национальность человека повлиять на Ваше доверие ему?		12,522	3	0,006
Известны ли Вам или не известны какие-либо конфликты на межнациональной почве, которые происходили в течение последних трех лет?	В Красноярском крае	7,224	3	0,065
	В России	0,600	1	0,439
	В мире	0,830	1	0,362
За последние три года принимали ли Вы участие в каких-либо национальных и межнациональных мероприятиях и праздниках в Красноярском крае?	В национальных мероприятиях	0,568	2	0,753
	В межнациональных мероприятиях	0,239	2	0,887
Насколько важно для Вас чувствовать себя представителем своего народа (национальности)? (оцените по пятибалльной шкале, где 5 — очень важно, 1 — совершенно не важно)		7,123	4	0,130
Как Вы относитесь к следующей деятельности, связанной с межнациональными и межрелигиозными отношениями в Вашем населенном пункте?	Проведение национальных праздников	4,130	2	0,127
	Проведение мероприятий, направленных на национальное сплочение, встреч между представителями разных национальностей	0,112	2	0,945
	Ужесточение наказаний за пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь	10,720	2	0,005

		<i>Chi-Square</i> (Хи-квадрат)		
		<i>Value</i> (значение)	<i>Df</i> (кол-во степеней свободы)	<i>Sig.</i> (значимость)
	Освещение телевидением, газетами, радио национальных и религиозных вопросов	3,065	2	0,216
Согласны ли Вы или не согласны со следующими утверждениями?	Проживание на территории Красноярского края представителей разных национальностей обогащает культуру нашего региона	4,417	3	0,220
	Проживание на территории Красноярского края представителей разных национальностей способствует росту конфликтов	11,159	3	0,011
	Все народы — и большие, и малые — должны иметь в России равные возможности для сохранения своего языка, религии и традиций	1,157	3	0,763
	Нужно разрешить проживание в России только тем, кто знает русский язык и уважает российскую культуру	6,475	3	0,091
Пожалуйста, вспомните, обсуждали ли Вы за последние три года какие-либо новости, события, связанные с темой межнациональных отношений?		2,126	2	0,345

Выводы

Проведенный сравнительный анализ показывает, что ответы респондентов, участвовавших в опросе в форматах онлайн и офлайн, в целом схожи, но имеют статистически значимые различия в ряде вопросов. Так, для онлайн- и офлайн-выборок характерен сходный уровень национальной идентичности, сходный уровень интереса к национальным и межнациональным мероприятиям; респонденты, опрошенные в форматах онлайн и офлайн, дают практически идентичные оценки современного состояния межнациональных отношений; с одинаковой частотой обсуждают тему межнациональных отношений и встречают информацию о конфликтах на межнациональной почве. Различия состоят в следующем: респонденты онлайн-выборки значительно чаще сообщают о национальности как о факторе влияния на свое доверие людям, а респонденты офлайн-выборки чаще

одобряют идею ужесточения наказаний за пропаганду интолерантных идей. Одно из самых интересных наблюдений заключается в том, что респонденты офлайн-выборки дают более позитивные прямые оценки признаку многонациональности среды региона (вопрос «...Как Вы относитесь к тому, что живете в многонациональной среде?»), но при этом чаще соглашались с суждением о многонациональности как о факторе возникновения конфликтов.

Итак, ответы респондентов на вопросы, ориентированные на выявление личных эмоциональных оценок, носят более выраженный эмоциональный характер в ситуации онлайн. При этом ответы на вопросы, не требующие личных оценок, различаются в меньшей степени.

Согласно нашему предположению, ключевым фактором различий результатов онлайн- и офлайн-анкетирования в данном случае выступает тема исследования: с одной стороны, вопросы о межнациональных отношениях затрагивают персональную реальность респондентов, с другой — являются острыми и актуальными для социума. Эти обстоятельства способствуют более сильному проявлению эффекта интервьюера в офлайн-опросе и стимулируют более свободное выражение мнений респондентов, проходивших опрос в формате онлайн. Обнаруженная закономерность может выступать в качестве аргумента в пользу онлайн-опроса как метода, позволяющего снизить влияние эффекта интервьюера. Полагаем, данный эффект оказывает негативное влияние на качество результатов исследования, в особенности относительно вопросов, формулировки которых относятся к личности респондента.

Таким образом, различия в ответах опрошенных онлайн и офлайн прослеживаются прежде всего в отношении вопросов, обращенных к эмоциональным оценкам и личному опыту респондентов. В ситуации онлайн респонденты более критичны при ответе на такие вопросы, а в ситуации офлайн чаще наблюдается смещение ответов в сторону мнений, более комплементарных предполагаемой социально желательной точке зрения.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с проверкой гипотезы о влиянии формулировок вопросов на результаты онлайн- и офлайн-исследований по другим тематикам. Иными словами, предполагается проверка характера влияния темы исследования на ответы респондентов в ситуации онлайн- и офлайн-опроса на вопросы идентичного содержания с различными формулировками.

Список источников

1. *Faas T.* Online or not online? A comparison of offline and online surveys conducted in the context of the 2002 German federal election // *Bulletin of Sociological Methodology/ Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 2004. Vol. 82. No. 1. P. 42–57. DOI: 10.1177/075910630408200105
2. *Шкурин Д. В.* Сравнение эффективности онлайн- и офлайн-опросов на примере Всероссийского опроса «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» // *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана*, 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. С. 771–786. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32524/1/klo_2015_92.pdf (дата обращения: 01.12.2022).
3. *Корсунова В. И., Соколов Б. О.* Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2083
4. *Быков А. В.* Метод факторных виньеток и шкала самооценки альтруизма: Сравнение онлайн- и офлайн-опросов // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2014. № 39. С. 62–98.

5. Некрасов С. И. Сравнение результатов онлайн- и оффлайн-опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 53–74.
6. Моисеев С. П., Савинкова Ю. К. Выборка, направляемая респондентом, в онлайн-опросе: к вопросу о динамике и качестве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 43–50. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.04
7. Насонова Н. А., Кожевникова Т. В. Пример создания репрезентативного интернет-опроса при социологических исследованиях // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2013. Т. 2. С. 311–319.
8. Осипова А. А., Абдулкадир Ю. Р., Марголис О. В. Особенности использования онлайн-опросов в психолого-педагогических исследованиях // Национальное здоровье. 2021. № 1. С. 71–75.

References

1. Faas T. Online or not online? A comparison of offline and online surveys conducted in the context of the 2002 German federal election. *Bulletin of Sociological Methodology/Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 2004;82(1):42-57. DOI: 10.1177/075910630408200105
2. Shkurin D.V. Comparison of efficiency of on-line and off- questionnaires on the base of Russian questionnaire “Contemporary Russian students’ view on Great Patriotic War”. In: Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research. Proc. 18th Int. conf. in memory of prof. L.N. Kogan (Ekaterinburg, 19-20 March, 2015). Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; 2015:771-786. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32524/1/klo_2015_92.pdf (accessed on 01.12.2022). (In Russ.).
3. Korsunova V.I., Sokolov B.O. Value orientations in Russia: Comparing evidence from online and face-to-face surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(3):4-27. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2083
4. Bykov A.V. Factorial vignettes method and self-report altruism scale: Comparison of online and offline surveys. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M) = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. 2014;(39):62-98. (In Russ.).
5. Nekrasov S.I. Comparison of the results of online and offline surveys (on the example of questionnaires of varying complexity). *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M) = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. 2011;(32):53-74. (In Russ.).
6. Moiseev S.P., Savinkova Yu.K. Respondent-driven sampling in online survey: Dynamics and quality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2014;(6):43-50. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.04
7. Nasonova N.A., Kozhevnikova T.V. An example of creating a representative Internet survey for sociological research. *Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke*. 2013;2:311-319. (In Russ.).
8. Osipova A.A., Abdulkadir Yo.R., Margolis O.V. Features of using online surveys in psychological and pedagogical research. *Natsional’noe zdorov’e = National Health*. 2021;(1):71-75. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Васильева — ассистент кафедры социологии; 660041, Красноярск, Свободный пр., д. 79;

Д. О. Труфанов — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии; 660041, Красноярск, Свободный пр., д. 79.

Information about the authors

O. V. Vasil'eva — assistant at the Department of Sociology; 79 Svobodnyy Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia;

D. O. Trufanov — PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology; 79 Svobodnyy Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 23.12.2022; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-70-78

Тренды и мотивационные факторы медиапотребления студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики в 2022–2023 гг.: результаты пилотного социологического исследования

Евгения Петровна Шеболкина¹, Наталья Владимировна Красикова²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ e.p.shebolkina@mail.ru

² december12@list.ru ✉

Аннотация. В статье представлены итоги социологического исследования медиапотребления студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, целью которого стала оценка влияния внешних факторов (санкций, отчетливой поляризации информационной повестки) на отношение «цифровой» молодежи к привычным медиаканалам и изменение характера медиапотребления. Результаты исследования показали, что, по мнению большинства респондентов, внешние факторы не повлияли на выбор ими источников информации. При этом глубинные интервью говорят о том, что опрошенные обращают внимание на существенные изменения мотивации выбора информационных каналов и отношения к информации, публикуемой в сети. В перспективе представляется интересным сфокусировать дальнейшие исследования медиаповедения «цифровой» молодежи с точки зрения формирования регулятивных механизмов в интернет-пространстве.

Ключевые слова: медиакоммуникация, медиапотребление, медиаканалы, медиаконтент, мотивационные факторы, регуляция медиаповедения

Для цитирования: Шеболкина Е. П., Красикова Н. В. Тренды и мотивационные факторы медиапотребления студентов Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики в 2022–2023 гг.: результаты пилотного социологического исследования // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 70–78. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-70-78>

Original article

Trends and motivational factors of media consumption of students of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies in 2022-2023: Results of a pilot sociological study

Evgenia P. Shebolkina¹, Natalia V. Krasikova²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ e.p.shebolkina@mail.ru

² december12@list.ru ✉

Abstract. The article presents the results of a media consumption sociological study among the students of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies. The purpose of the study was to assess the impact of external factors (sanctions, a distinct polarization of the information agenda) on the attitude of “digital youth” to the common media channels, on change of the nature of media consumption. The results of the study revealed that, according to the overwhelming majority of respondents, external factors had not affected their information sources selection process. At the same time, according to in-depth interviews, respondents note significant changes in the motivation for choosing information channels and attitudes to information published on the web. It seems interesting to focus further research on the digital youth media behavior in terms of forming Internet regulatory mechanisms.

Keywords: media communication, media consumption, media channels, media content, motivation factors, regulation of media behavior

For citation: Shebolkina E. P., Krasikova N. V. Trends and motivational factors of media consumption of students of the St. Petersburg University of Management and Economics Technologies in 2022–2023: Results of a pilot sociological study. *Sociology and Law*. 2023;15(1):70-78. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-70-78>

Введение

Тренды медиапотребления, изменение характера и роли медиакommunikаций в процессе становления социокультурных норм, иных аспектов процесса социализации отчетливее всего «считываются» в молодежной среде, наиболее пластичной, гибкой и быстро реагирующей на изменения «страте» любого общества.

Биологическая эволюция привела к тому, что наиболее информированные члены социального сообщества (людей и животных) получают наивысший социальный статус и доступ к максимальным объемам ресурсов наивысшего качества, что, в частности, формирует мотивацию к обучению [1]. В результате в период формирования биологического вида человек приобрел стремление к получению информации, но до XX в. не находился в ситуации воздействия избыточного количества опосредованной (не воспринимаемой лично, передаваемой через разнообразные средства) информации.

Сегодня физиология человека не имеет «встроенной» системы оценки ложности информации, которую ему передают члены его сообщества и представители его биологического вида в целом. В природе выработаны механизмы проверки информации, полученной от других биологических видов: животные легко распознают попытки обмануть их в ходе охоты (охотник обманывает добычу, добыча пытается притвориться несъедобной для охотника). Во взаимодействии с сородичами человек, во-первых, использует абстрактные образы для передачи информации (воспринимаемые на досознательном уровне); во-вторых, не имеет внутренних (внесознательных) механизмов сомнения и проверки, то есть вынужден регулировать этот процесс осознанно [2]: в условиях цифровых медиа этот аспект играет особую роль при обучении нейросетей [3].

Противоречие возникает в процессе восприятия: смысл и содержание абстрактных понятий (например, слов) воспринимаются до обработки их сознанием (на основе опыта, усвоенного в детстве, пока человек научился говорить), а проверка информации на ложность или на скрытую мотивацию [4] должна происходить осознанно, что требует значительных ресурсов.

В результате вопрос медиапотребления в эпоху информационных войн и расцвета маркетинговой коммуникации по рыночному продвижению продуктов и персон (экспертов, политических и общественных деятелей, творческих лиц и т. п.) становится особенно актуальным: с одной стороны, для поверхностного взгляда анализ медиапотребления представляется простым, аналогично потре-

лению любого товара или услуги, с другой — необходимость постоянной проверки на «фейк», ложность и полноту информации или скрытую мотивацию (манипулятивный характер) делает целесообразным проведение гораздо более глубокого анализа, чем простое количественное исследование.

По мнению авторов научно-исследовательского проекта Российского научно-го фонда (РНФ) «Медиапотребление “цифровой молодежи” в России: особенности и факторы мотивации», процесс медиапотребления молодежи стал одним из ключевых драйверов, определяющих динамику развития медиасистем и медиаиндустрий стран мира. Именно анализ практики, активности, структуры, паттернов и объемов медиапотребления молодых россиян сегодня может дать ответы на актуальные вопросы динамики развития современного общества и предвидеть очертания будущих социокультурных трансформаций России. Осмысление сложной и многоуровневой природы медиазапросов в условиях широкого распространения цифровых медиатехнологий и трансформации социокультурных практик может быть положено в основу прогнозирования возможных вариантов развития медиакommunikационных практик молодых россиян в контексте информационной безопасности и в интересах российского государства [5].

Тренды медиапотребления молодежи быстро изменяются, особенно в периоды значительных социальных перемен, таких, к примеру, как пандемия. В минувшем году ситуация также значительно изменилась ввиду начала специальной военной операции на границах России и Украины, включения в этой связи дополнительных мер внешнего и внутреннего регулирования медиасреды, связанных в первую очередь с ограничением доступа россиян к ряду информационных каналов. Это ставит вопрос о необходимости измерения актуального состояния молодежного медиаландшафта.

Методы и материалы

В качестве гипотезы исследования выдвинута идея о том, что существенное изменение условий медиапотребления должно вызвать изменение его характера и повлиять на мотивацию молодых людей как в аспекте выбора источников, так и в аспекте отношения к контенту.

Исследование состояло из двух взаимосвязанных блоков, методологически обоснованных группой исследователей [5; 6; 7], и включало в себя анкетирование (анонимный закрытый онлайн-опрос студентов дневного обучения университета), дополненное глубинными интервью. Вопросы анкеты составлены таким образом, что предоставляли возможность респондентам определить предпочтения в выборе актуальных информационных каналов, отразить характер изменения своих медиапредпочтений в минувшем году, назвать авторитетные для них медиаперсоны.

Вопросы глубинного интервью призваны установить в большей степени мотивационные факторы, влияющие на выбор того или иного канала и причины «доверия» той или иной медийной персоне. В исследовании (февраль 2023 г.) приняли участие 211 респондентов. В их числе — студенты 18–23 лет Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, из которых 83 % — девушки, 17 % — юноши. Проведено 12 глубинных интервью с некоторыми из участников этого онлайн-опроса.

Обсуждение

Результаты анкетирования подтвердили установленный ранее исследователями тренд на получение информации в сети Интернет. Так, телевидение не смотрят

72,5 % опрошенных, а 27,5 % респондентов, которые обращаются к нему, выбирают развлекательные программы и художественные фильмы. Новостные программы смотрят лишь 8 % опрошенных. При этом, отвечая на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к телевидению в последний год?», свыше 31 % опрошенных ответили, что «стали смотреть меньше», чуть более 3 % указали, что «стали смотреть больше».

В процессе влияния на формирование мнения / картины мира опрошенных доминируют социальные сети и мессенджеры. Этот источник информации, коммуникации и влияния выбрали 93 % респондентов. Но высокий результат показали и интернет-СМИ (41,4 % отдали предпочтение этому каналу информации).

Среди социальных сетей и мессенджеров превалирует «Telegram». Его, как главный источник информации, в том числе новостной, указали 92 % опрошенных. Но параллельно с «Telegramом» важным ресурсом медиапотребления остается «Ютуб» (75 % респондентов) и социальные сети «ВКонтакте» (70 %), «Инстаграм»* (57 %). Далее располагаются *WhatsApp* (45 %), сервисы *TikTok* (43 %), «Майл.ру» (8 %), «Яндекс (Дзен)-новости» (7 %), «Гугл-новости» (6 %).

Ответы на вопрос «Какими из этих ресурсов Вы стали пользоваться меньше?» распределились следующим образом: «Инстаграм»* — 49 %, «ВКонтакте» — 38 %, *TikTok* — 34 %, *WhatsApp* — 27 %, «Фейсбук»* — 13 %, «Майл.ру» — 10 %, «Ютуб» — 10 %, «Гугл-новости» — 9 %. Потери влияния «Инстаграма»* и *TikTok* связаны, конечно, с их выводом за пределы российского правового коммуникативно-информационного поля. «Фейсбук»*, видимо, не оказался в ряду главных «агентов влияния» среди «цифровой» молодежи. Причины уменьшения интереса к «ВКонтакте», скорее всего, связаны с тем, что для некоторой части молодежи это — «немодная», морально устаревшая сеть. Об этом и других причинах респонденты высказали мнение в глубинных интервью. Кроме того, некоторые из них выразили общее недоверие «алгоритмике» данной социальной сети, сделав акцент на неудобстве ряда ее технических нововведений.

Эти сведения подтверждаются данными *Brand Analytics* о том, что западные социальные сети в ушедшем году потеряли 70 % («Инстаграм»*) и 56 % («Фейсбук»*) российского контента. «Telegram» вырвался в лидеры по объему публикуемого контента (обнаружено увеличение числа авторов на 144 % и контента — на 159 % относительно октября предыдущего года) [8].

Относительно выбора авторитетных медийных персон выявлены следующие тренды: среди блогеров и медийных персон нет единого авторитета, палитра интересов опрошенных разнообразна. С большим отрывом доминирует ответ «Авторитетных мнений нет» (39,4 % — с уточнением «в вопросах мировых, региональных, городских проблем», почти 80 % — при уточнении «в познавательной сфере, выборе досуговых мероприятий»). Тем не менее из персоналий чаще указывали Ксению Собчак (10,6 %), Юрия Дудя** (9,6 %), Илью Варламова** (8,5 %) и Екатерину Шульман** (7,4 %).

Ответы о целях использования тех или иных каналов коммуникации в аспекте выбора характера контента распределились следующим образом:

- для поиска новостей и иной информации большинство опрошенных использует интернет-СМИ, новостные агрегаторы «Яндекс (Дзен)-новости», «Гугл-новости» и телевидение. У значительной части опрошенных роль поставщика новостей выполняет мессенджер «Telegram»;
- «Telegram», как и мессенджер *WhatsApp*, и социальная сеть «ВКонтакте», используется в основном для общения;
- в основном в развлекательных целях используются сервисы «Ютуб», *TikTok*, «Инстаграм»*, телевидение.

Между тем все эти каналы коммуникации служат одновременно разным целям среди разных пользователей. Нами выделены лишь доминирующие тренды.

Отвечая на вопрос «Существенно ли изменились форматы Ваших медиапредпочтений в связи с блокировкой ряда социальных сетей и мессенджеров?», 79 % опрошенных выбрали ответ «несущественно». Иными словами, внешние ограничения на выбор ими ресурса повлияли, по мнению респондентов, в незначительной степени.

Это подтверждают начатые нами глубинные интервью, в которых опрошенные сообщили, что технические ограничения (санкции, запреты трансляции) почти не повлияли на их информационные предпочтения, поскольку их (запреты трансляции) можно легко обойти. Причиной изменения информационного ландшафта стали иные мотивационные факторы. Среди них, например, следующие.

Респондент 1: «Утратила интерес к информационным агентствам и официальным государственным СМИ (“Парламентская газета”, “Российская газета” и т. д.), так как стал резко заметен недостаток информации и отсутствие оценок/мнений/аналитики. Читаю их только в целях выяснения декларируемой позиции властей — чаще всего в формате интервью/колонки/мнения... Есть снижение интереса к второстепенным для меня каналам (например, “Скажи Гордеевой”**) из-за нарратива о коллективной вине всех российских граждан за происходящее. Отмечаю у себя снижение интереса к материалам российских оппозиционеров, уехавших за рубеж (параллельно с ростом доверия к тем, кто остался)».

Респондент 2: «Медиапотребление изменилось значительно, во многом сместившись в сторону материалов, прямо или косвенно посвященных анализу причин, хода и последствий собственно войны».

Респондент 3: «После первых месяцев, когда в шоке старался читать все, что могу, теперь переключился только на образовательный и развлекательный контент, не хочу пропаганды».

Респондент 4: «Относительно доверия изменений не произошло, просто было принято решение отчистить информационное поле для сохранения ментального здоровья. Новых СМИ открыто не было».

Респондент 5: «Предпочтения однозначно изменились, до 24 февраля вообще не читала новостные каналы, потом читала разные информационные каналы. Потом стала сознательно фильтровать контент, выбирая единомышленников».

Респондент 6: «За этот год мое отношение к медиа несколько раз менялось. С февраля по май я очень активно отслеживала контент, вернулась к просмотру новостных телепередач на ТВ, специально искала дополнительные материалы в онлайн-издательствах, СМИ, смотрела материалы на “Ютуб”. Приходилось постоянно перепроверять информацию, так как было много фейков. Потом на меня стало давить это обилие фейков, и я приняла сознательное решение ограничить медиапотребление».

Респондент 7: «Сначала я, как все вокруг, читала только “Медузу”**, и мне стало казаться, что я схожу с ума. Потом я нашла другие мнения, и мне стало намного легче».

Тренды на использование каналов информации респонденты объясняют, например, следующим образом.

Респондент 1: «Использую “Телеграм” в первую очередь как альтернативу новостным агрегаторам. Его достоинства: 1) наличие множества каналов разных тематик, в том числе закрытых в РФ СМИ; 2) наличие десктоп-версии (удобство использования на работе/учебе); 3) возможность мгновенной пересылки новости своим контактам; 4) удобный глобальный поиск; 5) возможность упорядочивать переписки и каналы по папкам; 6) отсутствие необходимости подключать VPN

для использования; 7) быстрая загрузка сообщений даже при слабом интернете; 8) отсутствие ленты (и, как следствие, снижение зависимости от алгоритмов)».

Респондент 2: «Активно продолжаю пользоваться “ВКонтакте”. Тем не менее в силу информационной политики этой социальной сети и методов фильтрации ленты пользуюсь “ВКонтакте” исключительно для получения мемов и неполитического контента».

Респондент 3: «В “Телеграме” сидят все — там легче найти людей. Кроме того, есть мнение, что он более защищен, и это вызывает доверие. Еще мне нравится его современный дизайн и удобство. Также мне нравится отсутствие рекламы и возможность выбирать свое информационное облако. “ВКонтакте” не пользуюсь, раздражает лента, навязывание. “Инстаграмом”^{*} перестал пользоваться, тем более что и раньше не понимал, зачем он».

Респондент 4: «В “Телеграм” мне нравится возможность переслать новость внутри экосистемы или обсудить ее в комментариях (если они открыты) под публикациями в новостных каналах. Также привлекает высокий уровень защиты персональных данных и возможности кастомизации (от фона до стикерпаков, которые каждый может создать через бот). “Телеграм” не навязывает, как пользоваться своей платформой, а просто дает инструменты для улучшения получаемого опыта. В “ВКонтакте” захожу только ради пары групп. Там очень много лишнего добавили, стало неудобно».

Респондент 5: «В основном пользуюсь “Телеграм”. Мне удобен формат самого мессенджера и формат ведения блога. Удобно читать, так как тут ты можешь сам выбирать блоги, а не получаешь отфильтрованный и проплаченный кем-то поток информации».

Респондент 6: «“Телеграм” — неплохой канал коммуникации, но в качестве основного источника я его не рассматриваю. Это дискуссионная площадка, мессенджер, для остальных целей мне удобнее “Ютуб” и “ВКонтакте”».

Респондент 7: «“Телеграм” — ловушка та еще. На самом деле тут гораздо легче формируются информационные союзы по интересам. Стараюсь диверсифицировать каналы, чтобы видеть разные аудитории».

Результаты

По результатам исследования можно сделать ряд выводов.

1. Гипотеза о том, что существенное изменение условий медиапотребления вызвало изменение его характера и повлияло на мотивацию молодых людей, как в аспекте выбора источников, так и в аспекте отношения к контенту, подтвердилась частично. Характер медиапотребления и так называемый информационный ландшафт опрошенных, по их собственным оценкам, изменился несущественно.

При этом значительно изменились мотивационные факторы медиапотребления: перемены мало связаны с внешними ограничениями, а вызваны, скорее, желанием адаптироваться к новой реальности путем выработки критического отношения к резко возросшему многообразию, прежде всего политических позиций и оценок ситуации, перепроверки информации и защиты своих ментальных границ.

2. Продолжают сохраняться тренды, отмеченные исследователями ранее: среди информационных каналов отчетливо лидирует мессенджер «Телеграм». Однако социальная сеть «ВКонтакте» остается релевантной для значительного числа опрошенных.

3. Телевидение и канал «Ютуб» опрошенные выбирают преимущественно для развлечения, мессенджеры — для общения.

4. Основными источниками актуальных новостей и информации являются «Телеграм», а также каналы «Яндекса» и «Гугла» как глобальные поисковики.

5. Среди блогеров и медийных персон нет единого авторитета, палитра интересов опрошенных разнообразна. Тем не менее из персоналий чаще всего указаны Ксения Собчак, Илья Варламов**, Юрий Дудь** и Екатерина Шульман**.

6. Среди мотивационных факторов выбора информационных источников опрошенные в основном назвали выявленную проблему доверия к информации и необходимость самозащиты от внешнего влияния. Опрашиваемые в глубинных интервью отмечали, что сознают себя в поле недобросовестной агитации и стараются найти способы от этого защититься.

Выводы

Пилотное социологическое исследование показало необходимость расширить и дополнить анкеты вопросами относительно мотивационных факторов выбора не только медиаканалов, но и медиаконтента.

В перспективе представляется интересным сфокусировать дальнейшие социологические исследования медиаповедения «цифровой» молодежи с точки зрения формирования регулятивных механизмов в цифровой среде, поскольку полученные результаты исследования адаптации молодежи к новой медиа- и социальной реальности, связанной с осмыслением политических и социокультурных трансформаций, подтверждают необходимость и целесообразность самостоятельной регулятивной деятельности как особого вида регуляции поведения в цифровой среде, что противоречит «гугл-доктрине», предполагающей естественную саморегуляцию и самоорганизацию в сети Интернет [9].

Кроме того, обозначенные респондентами в глубинных интервью причины выбора тех или иных медийных источников продемонстрировали, что смысловое наполнение каналов и необходимость определения и идентификации своей позиции становятся все более значимыми факторами при выборе источника. В этой связи представляется целесообразным сосредоточиться также на выявлении и изучении базовых смыслов, вокруг которых молодые люди выстраивают свою идентичность в медийном поле в условиях неопределенности.

Список источников

1. *Pokrovskaja N. N., Leontyeva V. L., Ababkova M. Yu., Cappelli L., d'Ascenzo F.* Digital communication tools and knowledge creation processes for enriched intellectual outcome-experience of short-term E-learning courses during pandemic // *Future Internet*. 2021. Vol. 13. No. 2. Article 43. DOI: 10.3390/fi13020043
2. *Pokrovskaja N. N.* Digital regulation of online communication: Privacy and oblivion versus publicity and trust // *Proc. 2022 Communication strategies in digital society seminar — ComSDS 2022*. (St. Petersburg, 13 April, 2022). Piscataway, NJ: IEEE, 2022. P. 74–78. DOI: 10.1109/ComSDS55328.2022.9769131
3. *Haj Bara B. A., Pokrovskaja N. N., Ababkova M. Yu., Brusakova I. A., Korban A. A.* Artificial intelligence for advertising and media: Machine learning and neural networks // *Proc. 2022 Conf. of Russian young researchers in electrical and electronic engineering — ElConRus*. (St. Petersburg, 25–28 January, 2022). Piscataway, NJ: IEEE, 2022. P. 8–11. DOI: 10.1109/ElConRus54750.2022.9755590
4. *Гарин А. К., Покровская Н. Н., Шангут О. А.* Роль информационной безопасности в формировании социокультурной регуляции профессиональной и учебной деятельности // *Безопасность в профессиональной деятельности: сб. науч. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГЭУ, 2022. С. 251–263.*

5. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д. В. Дунаса. М.: Факультет журналистики МГУ: Изд-во Московского университета, 2021. 406 с.
6. Дунас Д. В., Вартанов С. А., Кульчицкая Д. Ю., Салихова Е. А., Толоконникова А. В. Мотивационные факторы медиапотребления «цифровой молодежи» в России: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 2. С. 3–27. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327
7. Кульчицкая Д. Ю., Вартанов С. А., Дунас Д. В., Салихова Е. А. и др. Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп: электр. науч. журнал. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Токарева М. Meta*** с вoзy — «телеге» легче: как государство приходило в Telegram // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023. 22 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/meta-s-vozu-telege-legche-kak-gosudarstvo-prihodilo-v-telegram/> (дата обращения: 23.03.2023).
9. Покровская Н. Н., Тюлин А. В. Психологические вопросы формирования регулятивных механизмов в цифровой среде // Технологии в инфосфере. 2021. Т. 2. № 2 (3). С. 106–125. DOI: 10.48417/technolang.2021.02.11

References

1. Pokrovskaja N.N., Leontyeva V.L., Ababkova M.Yu., Cappelli L., d'Ascenzo F. Digital communication tools and knowledge creation processes for enriched intellectual outcome-experience of short-term E-learning courses during pandemic. *Future Internet*. 2021;13(2): 43. DOI: 10.3390/fi13020043
2. Pokrovskaja N.N. Digital regulation of online communication: Privacy and oblivion versus publicity and trust. In: *Proc. 2022 Communication strategies in digital society seminar — ComSDS 2022*. (St. Petersburg, 13 April, 2022). Piscataway, NJ: IEEE; 2022:74-78. DOI: 10.1109/ComSDS55328.2022.9769131
3. Haj Bara B.A., Pokrovskaja N.N., Ababkova M.Yu., Brusakova I.A., Korban A.A. Artificial intelligence for advertising and media: Machine learning and neural networks. In: *Proc. 2022 Conf. of Russian young researchers in electrical and electronic engineering — ElConRus*. (St. Petersburg, 25-28 January, 2022). Piscataway, NJ: IEEE; 2022:8-11. DOI: 10.1109/ElConRus54750.2022.9755590
4. Garin A.K., Pokrovskaja N.N., Shangutov O.A. The role of information security in the formation of socio-cultural regulation of professional and educational activities. In: *Security in professional activities. Proc. 4th All-Russ. sci.-pract. conf.* St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2022:251-263. (In Russ.).
5. Dunas D.V., ed. Media consumption of “digital youth” in Russia. Moscow: MSU Publ.; 2021. 406 p. (In Russ.).
6. Dunas D.V., Vartanov S.A., Kulchitskaya D.Yu. et al. Motivation factors in media consumption of “digital youth” in Russia: Results of a pilot study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2020;(2):3-27. (In Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327
7. Kulchitskaya D.Yu., Vartanov S.A., Dunas D.V., Salikhova E.A. et al. Youth media consumption: Specific features of research methodology. *Mediascope = Mediascope*. 2019;(1):9. (In Russ.). DOI: 10.30547/mediascope.1.2019.9
8. Tokareva M. Meta*** is gone — good riddance! How the state came to Telegram. *Russian International Affairs Council*. Mar. 22, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics->

* Социальная сеть, продукт компании *Meta Platforms Inc.*, признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации (*Social media service, part of Meta Platforms Inc., added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation*).

** Иноагент в Российской Федерации (*foreign agent in the Russian Federation*).

*** Компания Meta признана экстремистской организацией в Российской Федерации (*Meta is recognized as an extremist organization in Russia*).

and-comments/analytics/meta-s-vozu-telege-legche-kak-gosudarstvo-prihodilo-v-telegram/ (accessed on 23.03.2023). (In Russ.).

9. Pokrovskaya N.N., Tyulin A.V. Psychological features of the regulative mechanisms emerging in digital space. *Tekhnologii v infosfere = Technology and Language*. 2021;2(2): 106-125. (In Russ.). DOI: 10.48417/technolang.2021.02.11

Информация об авторах

Е. П. Шеболкина — кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. В. Красикова — аспирант 1-го курса направления «Социология управления», начальник управления рекламы и информационного продвижения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. P. Shebolkina — PhD in Philology, Associate Professor of PR and Advertising Department; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. V. Krasikova — postgraduate student in Management Sociology, Head of PR and Advertising; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 07.04.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 364:004.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-79-87

Инновационный менеджмент социальной сферы в условиях цифровизации

Галина Владимировна Колосова

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, kolosova@ksp.gov.spb.ru

Аннотация. В статье исследованы проблемы внедрения цифровых решений и технологий в сфере социального обслуживания граждан старшего поколения в условиях реализации национального проекта «Демография». Текущие изменения, согласно авторской позиции, формируют новое проблемное поле по управлению социальными процессами на этапах планирования, прогнозирования, контроля и обмена информацией. Утверждается, что развитие информационных систем и электронных сервисов — только одна из граней многофакторности современной ситуации. Основным аспектом остается решение проблемы межведомственной разобщенности участников системы долговременного ухода за гражданами старших возрастных групп и регламентирующих нормативных правовых актов. В целях ее решения проанализированы современные тенденции изучения и внедрения положительного опыта регионов, поиска и систематизации информации об эффективных практиках работы с населением, приведены примеры успешных практик инновационного менеджмента. Проведен также анализ информационных продуктов по разным типам организаций, дана оценка современной системы межведомственного взаимодействия организаций здравоохранения и социального обслуживания при оказании социальных услуг и медицинской помощи гражданам пожилого возраста. Выявлены ключевые проблемные вопросы межведомственного взаимодействия организаций здравоохранения и социального обслуживания при оказании социальных услуг и медицинской помощи гражданам пожилого возраста, перспективы эффективного развития ресурсов поставщиков социальных услуг в рамках реализации стратегического отраслевого развития. Предложены рекомендации по повышению эффективности организации межведомственного взаимодействия в системе социального обслуживания и способы обмена информацией. Особое внимание уделено факторам сдерживания инновационных процессов при внедрении цифровых решений и технологий в деятельность социальных служб. В заключение указаны направления по формированию и развитию инновационного потенциала в системе социального обслуживания населения.

Ключевые слова: социальное управление, инновационный менеджмент, цифровизация, инновационный потенциал, социальная сфера, старшее поколение

Для цитирования: Колосова Г. В. Инновационный менеджмент социальной сферы в условиях цифровизации // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 79–87. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-79-87>

Original article

Innovative management of the social sphere in the context of digitalization

Galina V. Kolosova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia,
kolosova@ksp.gov.spb.ru

© Колосова Г. В., 2023

Abstract. The paper investigates the implementation of digital solutions and technologies in the social services for senior citizens in terms of the national project “Demography”. Current changes, according to the author’s position, form a new and problematic area for the management of social processes at the stages of planning, forecasting, control, and exchange of information. The development of information systems and electronic services is only one aspect of the multifactorial nature of the current situation. The main task is to solve the problem of interdepartmental fragmentation of participants in the system of long-term care for senior citizens and regulatory legal acts. Therefore, modern tendencies of studying and introduction of the positive experience of regions, search and systematization of information on effective methods of working with the population were analyzed, and examples of successful practices of innovative management were given. In addition, information products for different types of organizations were analyzed, and the modern system of interdepartmental interaction between healthcare and social service organizations in the provision of social services and medical care for senior citizens was assessed. Moreover, major problematic issues of interdepartmental interaction between healthcare and social service organizations in the provision of social services and medical care for senior citizens and the prospects for the effective development of resources of social service providers in the implementation of strategic sectoral development were identified. Consequently, recommendations on improving the efficiency of interdepartmental interaction in the system of social services and ways of exchanging information were offered. Particular attention was focused on the factors that inhibit innovation processes in the implementation of digital solutions and technologies in the activities of social services. In conclusion, the guidelines for the formation and development of innovative potential in the system of social services were specified.

Keywords: social management, innovative management, digitalization, innovative potential, social sphere, senior citizens

For citation: Kolosova G. V. Innovative management of the social sphere in the context of digitalization. *Sociology and Law*. 2023;15(1):79-87. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-79-87>

Введение

Изменения в системе социального обслуживания происходят с учетом тенденций научно-технического прогресса в современном обществе. Цифровая трансформация государственного управления сложными социальными процессами позволяет решать непрерывно усложняющиеся задачи на новом уровне за счет автоматизации функций управления, сокращения рутинных действий и концентрации на стратегических направлениях развития. По мнению ряда авторов, интерес к социальным технологиям в управленческой деятельности дает возможность перейти на новую ступень повышения эффективности на этапах планирования, прогнозирования, контроля и выстраивания межведомственных связей, что особенно важно в сферах деятельности, в которые вовлечено множество субъектов со стороны спроса (общество) и предложения (государство).

В настоящее время происходит цифровизация социальной сферы, в том числе автоматизация процессов предоставления социальных услуг гражданам старшего поколения, направленная на улучшение их качества жизни за счет адресности подхода, быстроты реагирования и увеличения охвата получателей социальных услуг. Инновации становятся ключевым стратегическим параметром развития любой отрасли экономики с учетом постоянных изменений в условиях цифровой трансформации общества.

В этой связи целесообразно рассматривать применение инновационных технологий с позиций социологии управления на примере конструктивного соци-

ального регулирования [1]. Внедрение информационных технологий предполагает цели не только автоматизации рутинных процессов, но и принятия управленческих решений на качественно новом уровне за счет обеспечения эффективных информационных потоков данных, в том числе их накопления, обработки и обмена.

С учетом изложенного стратегическим барьером остается проблема межведомственной разобщенности, в том числе информационного обмена о получателях социальных услуг посредством ведомственных информационных систем в сфере социального обслуживания и здравоохранения, в частности обмена информацией о гражданах, нуждающихся в посторонней помощи, рекомендациями по их медико-социальному сопровождению. В перспективе маршрутизация граждан старшего поколения в организации для получения необходимой помощи (социальной, медицинской, психологической, юридической, иной) должна быть выстроена по принципу так называемой бесшовности. Например, в случае выявления граждан старшего поколения, нуждающихся в уходе, при посещении медицинских организаций соответствующие уведомления должны поступить в адрес социальных служб в целях дальнейшего признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании и его включения в единую систему мониторинга.

В Санкт-Петербурге в качестве основного координатора действий участников системы межведомственного взаимодействия при предоставлении услуг выступает Служба социальных участков, выполняющая функцию по признанию граждан нуждающимися в социальном обслуживании [2]. Сегодня информационный обмен между Службой социальных участков Санкт-Петербурга и медицинскими организациями осуществляется с использованием электронной почты в рамках заключенных 120 соглашений о межведомственном сотрудничестве и взаимодействии, как видно на рисунке 1.

Рис. 1. Межведомственное взаимодействие Службы социальных участков с медицинскими организациями

Fig. 1. Interdepartmental interaction of Social Precinct Service with medical organizations

Новым шагом на пути к созданию единого цифрового пространства станет применение ведомственных информационных систем в сферах социального обслуживания и здравоохранения. Это будет способствовать успешному достижению целей инновационного развития за счет обеспечения согласованности действий всех субъектов социальной сферы и расширения сетевого взаимодействия с применением современных информационных технологий.

Материалы и методы

Учитывая тот факт, что активное внедрение информационных технологий требует принятия управленческих решений на ином уровне за счет обеспечения эффективных информационных потоков данных, в том числе их накопления, обработки и обмена, в 2022 г. по итогам проведения форсайт-сессии «Старшее поколение: новые цифровые решения» проведено социологическое исследование методом анкетирования (опрошено 96 респондентов), направленное на изучение оценки уровня информированности руководителей и специалистов организаций, работающих с гражданами пожилого возраста, в условиях цифровизации социальной сферы, специфики использования респондентами интернет-сервисов, электронных порталов и платформ, сайтов государственных организаций, как показано на рисунке 2 [3].

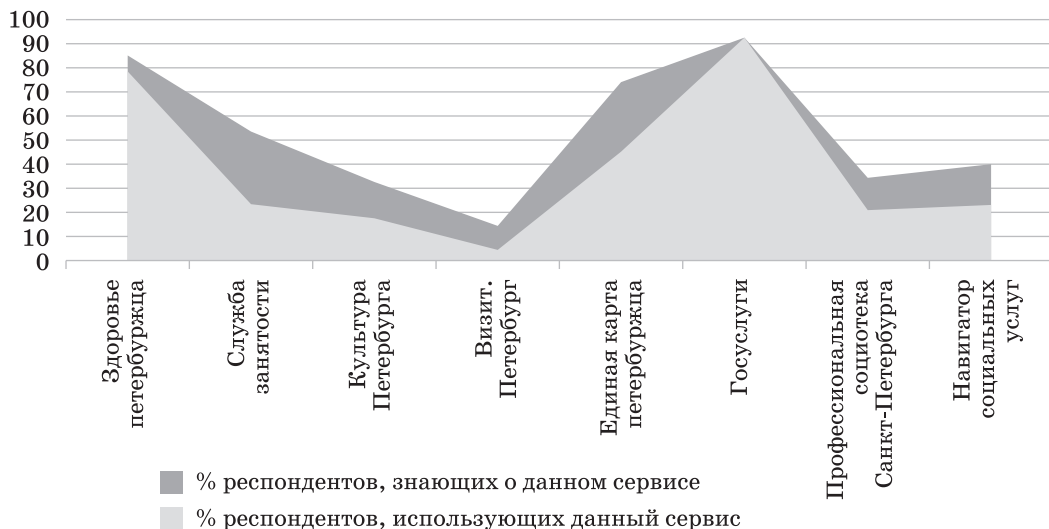

Рис. 2. Сведения о знании и использовании респондентами электронных порталов/платформ, %

Fig. 2. Respondents' knowledge and use of electronic portals/platforms, %

Результаты исследования показали, что большинство специалистов, работающих с гражданами пожилого возраста, обладают высоким уровнем информированности относительно современных интернет-сервисов (в том числе *qr*-кодов и хештегов), электронных порталов и платформ. Среди государственных электронных порталов наибольшей распространенностью в использовании среди респондентов обладают порталы «Госуслуги» и «Здоровье петербуржца». Знаниями о платформе «Профессиональная социотека Санкт-Петербурга» обладает только определенная часть респондентов (чуть более трети). В то же время прослеживается значимость наличия свободного доступа к информации о практиках органи-

заций социального обслуживания населения. Относительно интернет-сайтов государственных организаций следует отметить, что ввиду значительного преобладания специалистов сферы социального обслуживания среди респондентов наиболее распространенным в использовании является интернет-сайт Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга.

Опрошенные специалисты высоко оценили мероприятия форсайт-сессии, а полученную информацию охарактеризовали как полезную и для личного использования, и для профессиональной деятельности.

Результаты и обсуждение

Еще одной значимой функцией управления инновационными процессами является планирование, которое определяет главные задачи, эффективные методы и средства их реализации, сроки выполнения и ответственных лиц. Благодаря грамотному планированию количественных и качественных показателей, характеризующих предоставление социального обслуживания, в том числе их размещение на официальных ресурсах для обеспечения доступности информации, можно улучшить результаты проводимой государственной политики в социальной сфере в целях прогнозирования потребностей социальных групп в социальных услугах, планирования бюджетных средств, формирования отчетов и принятия своевременных управленческих решений по обеспечению граждан необходимым объемом услуг и предоставлению возможности их получения.

Так, достижение показателей федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» зависит от предоставляемых данных поставщиками социальных услуг Санкт-Петербурга, которые вносят их в ведомственную информационную систему, к сожалению, до настоящего времени не синхронизированную с Единой государственной информационной системой социального обеспечения (далее — ЕГИССО). Это значительно затрудняет верификацию сведений статистической отчетности на федеральном уровне.

Несовершенство ведомственных информационных систем укрепляет пассивную позицию персонала, предоставляющих социальные услуги. Это проявляется в отсутствии механизмов синхронизации информационных систем в социальной сфере на региональном и федеральном уровнях, а также интеграции данных о получателях социальных услуг из различных ведомственных информационных систем. Это препятствует инновационному развитию отрасли, создавая ограничения для выполнения основных функций управления, в том числе контроля исполнения принятых решений, соблюдения норм и правил, обеспечивающих достижение цели.

В связи с отсутствием системы мониторинга результатов функционирования организаций социального обслуживания населения возникают трудности при автоматизации контроля непосредственной работы линейного персонала по предоставлению социальных услуг, в том числе учету информации об объеме оказанных услуг и о затраченном на эти цели времени; сведений о передвижении и выполнении назначенного маршрута, а также о результатах оказанной помощи со стороны получателя. Сложности по внедрению автоматизированных систем контроля, несмотря на создание ЕГИССО, возникают в связи с отсутствием федеральных рекомендаций по их применению. Неоднозначные решения, принимаемые на федеральном уровне, в том числе исключение проекта по созданию Цифровой платформы системы долговременного ухода из стратегических документов по цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, затрудняют принятие инициативных решений на региональном уровне ввиду отсутствия четких директив [4].

Это обусловлено тем, что принятие решений на административном уровне ограничено законодательными рамками, которые не должны противоречить действующим нормативным правовым актам федерального значения и не могут нарушать принятые решения на высших уровнях управленческой иерархии.

Существенные проблемы, которые отрицательно отражаются на системе социальной защиты Российской Федерации (РФ) на региональном уровне, обусловлены ограниченным финансированием механизмов внедрения инноваций в сфере социальной защиты, несовершенством федерального и регионального законодательства по применению инновационных технологий, а также распределением полномочий между субъектами управления. Это, в свою очередь, выступает значимым фактором, препятствующим повышению эффективности управления инновационными процессами [5].

Однако, несмотря на то, что вопрос не урегулирован на законодательном уровне, передовым примером может послужить опыт Кировской области по обеспечению межведомственного информационного обмена через Комплексную медицинскую информационную систему о гражданах, которым требуется одновременное оказание социальных и медицинских услуг. В одной из районных больниц региона внедрен комплексный план наблюдения за пожилыми пациентами, который включает в себя синхронизацию сведений от медицинской организации (оценку функциональной активности по шкале Бартел, мониторинг результатов прохождения диспансеризации, посещения профильных врачей и госпитализации) и от организации социального обслуживания (результаты выполнения индивидуального плана ухода). Еще одним успешным примером является опыт Кемеровской области по внедрению автоматизированной системы контроля предоставления социальных услуг и определения уровня нуждаемости в уходе граждан путем проведения типизации с использованием планшетных устройств.

В Санкт-Петербурге также планомерно внедряются цифровые инновации в социальной сфере. В настоящее время на управленческом уровне достигнуты договоренности по разработке сервиса обмена данными на этапе признания граждан нуждающимися в предоставлении социальных услуг с использованием имеющихся ведомственных информационных систем в сферах здравоохранения и социального обслуживания населения. Кроме того, в Санкт-Петербурге с 2021 г. на базе одного из комплексных центров социального обслуживания населения определена экспериментальная площадка по применению автоматизированной системы контроля предоставления социальных услуг с использованием мобильных смартфонов, оснащенных *GPS*-навигатором.

С декабря 2021 г. проводится апробация единой информационной системы долговременного ухода на базе государственного учреждения, предоставляющего услуги в форме социального обслуживания на дому. Подготовка линейного персонала к внедрению цифровых решений по электронному учету оказанных социальных услуг происходила поэтапно. Основным преимуществом цифровой практики является минимизация бумажного документооборота. Так, социальные работники, медицинские сестры и сиделки, оказав получателю социальные услуги, фиксируют их в установленной на мобильном устройстве программе в реальном времени. Зафиксированные услуги отражены на персональном компьютере заведующих отделениями, которые могут дистанционно управлять рабочим процессом линейного персонала, включая составление служебных заданий (планов работы), ведение рабочей документации (подготовку договоров, актов с расчетом суммы оплаты), составление отчетной документации для анализа трудозатрат.

Таким образом, в современных реалиях развития отрасли социальной защиты населения к специалистам предъявляются повышенные требования (например, к таким профессиональным компетенциям, как проявление гибкости при решении разных вопросов в условиях цифровой трансформации сложившихся рабочих процессов). Однако в этой связи возникает вопрос о создании системы дистанционного взаимодействия участников различных сфер с применением открытых и доступных информационных систем, электронных сервисов.

Механизм организации межведомственного взаимодействия участников системы долговременного ухода нами проработан в исследованиях на базе анализа результатов экспертного интервью, в котором приняли участие 20 руководителей исполнительной власти различных субъектов РФ, представители научного профессионального сообщества и социально ориентированных некоммерческих организаций (далее — эксперты). Эксперты сходятся во мнении о выделении ряда ключевых проблем. В их числе — разобщенность нормативных правовых актов по реализации межведомственного взаимодействия учреждений здравоохранения и социального обслуживания населения на федеральном и региональном уровнях, отсутствие четких регламентов и инструкций для специалистов всех уровней в рамках формирования системы долговременного ухода. Очевидна необходимость совершенствования механизма информационного взаимодействия участников, задействованных в оказании социальных и медицинских услуг гражданам старших возрастных групп, а также четкой системы контроля и оценки эффективности межведомственного взаимодействия.

При проведении интервью с экспертами нами выявлены следующие проблемы в системе межведомственного информационного взаимодействия, препятствующие внедрению цифровых технологий:

- межведомственная разобщенность, в том числе проблема туннельности функционирования ведомственных систем, невысокий уровень автоматизации процессов социального обслуживания;
- отсутствие отечественного программного обеспечения для использования государственными органами, то есть наблюдается необходимость создания и продвижения отечественных разработок в сфере таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные, блокчейн.

Выводы

Повышение эффективности и доступности информационных ресурсов в области организации межведомственного взаимодействия предлагается достигать за счет предложенных экспертами рекомендаций по оптимизации процессов социального обслуживания граждан пожилого возраста в условиях реализации национальных проектов. К ним отнесены:

- заключение соглашения между Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга, Комитетом по здравоохранению Санкт-Петербурга и Комитетом по информатизации и связи Санкт-Петербурга об информационном взаимодействии, поставщиках и получателях социальных услуг;
- внедрение ЕГИССО для формирования отчетности по предоставлению социальных услуг старшему поколению, рассмотрение возможности загрузки оказанных услуг в ЕГИССО;
- создание единой информационной базы между сферами здравоохранения и социального обслуживания населения с предоставлением каждому гражданину информации в его личный кабинет на портале «Госуслуги»;

- развитие «умных» голосовых помощников для упрощения взаимодействия граждан старшего поколения с разными ведомствами;
- автоматическое формирование единых протоколов на основании данных цифровых платформ системы здравоохранения и социального обслуживания;
- информационное взаимодействие различных субъектов посредством круглых столов, семинаров, в том числе с привлечением СМИ;
- развитие базы успешных практик на платформе «Профессиональная социотека» Городского информационно-методического центра «Семья» (Санкт-Петербург);
- совершенствование системы обучения граждан пожилого возраста навыкам использования различных информационных ресурсов.

Предварительные результаты показали эффективность привлечения альтернативных ресурсов, в том числе информационных, для устранения коренных причин межведомственной разобщенности с использованием методов цифрового менеджмента. В дальнейшем планируем провести социологическое исследование социально-экономической эффективности апробации единой информационной системы долговременного ухода на базе государственного учреждения, предоставляющего услуги в форме социального обслуживания на дому.

Список источников

1. Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиа-коммуникациями: монография / Н. Л. Захаров, Н. Н. Покровская, Т. В. Сметанина [и др.]. СПб.: Изд-во ВВМ, 2022. 198 с.
2. Колосова Г. В., Гущина М. Р. Оценка эффективности деятельности службы социальных участков в Санкт-Петербурге в организации социального сопровождения граждан пожилого возраста // Старшее поколение современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский государственный ун-т имени Н. И. Лобачевского, 2021. С. 42–46.
3. Зубрилина С. Б. Профессиональная мобилизация на цифровизацию социальных отраслей // Повышение уровня социального благополучия. Профессиональная мобилизация социальных отраслей в условиях цифровизации: материалы деловой программы XV Междунар. форума «Старшее поколение». 28 сентября — 1 октября 2022 г., Санкт-Петербург / под ред. Г. В. Колосовой. СПб.: Городской информационно-методический центр «Семья», 2022. С. 32–34.
4. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029> (дата обращения: 01.12.2022).
5. Домашова Е. В., Борисов А. Ф. Эффективность управления системой социальной защитой на региональном уровне // Миссия конфессий. 2019. Т. 8. № 5 (40). С. 565–570.

References

1. Zakharov N.L., Pokrovskaya N.N., Smetanina T.V. et al. Socio-economic analysis of innovative management of digital media communications. St. Petersburg: VVM Publ.; 2022. 198 p. (In Russ.).
2. Kolosova G.V., Gushchina M.R. Evaluation of the effectiveness of the social precinct service in St. Petersburg in the organization of social support for elderly citizens. In: The older generation of modern Russia. Proc. Int. sci.-pract. conf. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky; 2021:42-46. (In Russ.).
3. Zubrilina S.B. Professional mobilization for the digitalization of social sectors. In: Increasing the level of social well-being. Professional mobilization of social sectors in the context

- of digitalization. Proc. 15th Int. forum "Older generation" (St. Petersburg, 28 September — 01 October, 2022). St. Petersburg: City Information and Methodological Center "Family"; 2022:32-34. (In Russ.).
4. On approval of the Concept of digital and functional transformation of the social sphere related to the field of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the Government of the Russian Federation of February 20, 2021 No. 431-r. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029> (accessed on 01.12.2022). (In Russ.).
 5. Domashova E.V., Borisov A.F. Effectiveness of social protection system management at the regional level. *Missiya konfessii = Mission Confessions*. 2019;8(5):565-570. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Колосова — аспирант кафедры социологии; 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48.

Information about the author

G. V. Kolosova — postgraduate student at the Department of Sociology; 48 Moika River Emb., St. Petersburg 191186, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 316.334

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-88-94

Проблема социального обеспечения пожилых людей в сельских районах Китая в контексте старения населения

Чуньсяо Чэнь

Санкт-Петербургский государственный университет, 1107313071@qq.com

Аннотация. В статье автор анализирует проблему старения населения Китая в сельских районах. Описаны основные характеристики и причины старения, проведен анализ трех характерных черт этого явления. К ним отнесены «политика одного ребенка», «старение» и «синдром пустого гнезда». Автор размышляет о том, как справиться со старением в Китае и помочь поддержать надлежащий уровень качества жизни граждан пожилого возраста в сельской местности.

Ключевые слова: старение населения, «политика одного ребенка», «синдром пустого гнезда», семейный метод обеспечения пожилого населения

Для цитирования: Чуньсяо Чэнь. Проблема социального обеспечения пожилых людей в сельских районах Китая в контексте старения населения // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 88–94. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-88-94>

Original article

Social welfare of the older people in rural China in the context of an aging population

Chunxiao Chen

St. Petersburg State University, 1107313071@qq.com

Abstract. The author analyzed the problem of China's aging population in rural areas. The main characteristics and causes of aging were described, and three typical features of this phenomenon were analyzed. These include the “one-child policy”, “aging”, and “empty nest syndrome”. The author reflected on how to address aging in China and help maintain an appropriate quality of life for senior citizens in rural areas.

Keywords: aging population, “one-child policy”, “empty nest syndrome”, family method of providing care to the older population

For citation: Chunxiao Chen. Social welfare of the older people in rural China in the context of an aging population. *Sociology and Law*. 2023;15(1):88-94. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-88-94>

Введение

Пожилое население Китая — часть населения, являющаяся одной из самых больших в мире, как по численности, так и по темпам роста. С точки зрения общей ситуации, связанной со старением населения, способностью экономического и социального развития выдержать его, Китай находится в числе стран,

© Чуньсяо Чэнь, 2023

для которых эта проблема вызывает тревогу. Старение в сельских районах страны происходит более быстрыми темпами. Согласно данным седьмой переписи населения Китая, 63,89 % населения страны проживает в городах и 36,11 % — в сельской местности. При этом доля городского населения увеличилась на 14,21 % по сравнению с 2020 г. Пожилое население огромно: 260 млн человек в возрасте 60 лет и старше, из них 190 млн — в возрасте 65 лет и старше [1]. В последние десятилетия процесс старения населения значительно ускорился, и разница в уровне старения между городскими и сельскими районами очевидна.

Текущая ситуация, обусловленная старением сельского населения, безусловно, вызовет определенные проблемы для развития сельских районов и общества в целом. В частности, вопрос о том, как гарантировать уход за пожилыми людьми в сельской местности, является крайне значимым и нуждается в срочном решении. Как правило, большинство малоимущих проживают в сельской местности. Чем отдаленнее район от столичного региона, тем хуже социально-экономическая ситуация в нем. Чаще забота об обеспечении пожилых людей, проживающих в сельской местности, ложится на плечи членов семьи и родственников, для которых это бремя становится практически непосильной ношей.

В связи с этой ситуацией исследователи считают, что с ускорением процесса старения населения традиционная система обеспечения старости в селах подвергается настоящему испытанию. Его первоначальная гарантийная функция ослабевает день ото дня, и способность сельских жителей самостоятельно обеспечить жизнь пожилых людей больше не предоставляется возможной. Давление на пожилых людей в сельской местности усилилось, что проявляется острее, чем в городских районах [2, с. 14].

Особенности и причины старения населения в сельских районах Китая

С третьей национальной переписи населения (1982) наблюдается дисбаланс распределения по уровню стареющего населения между городскими и сельскими районами. Самый высокий уровень старения неизменно прослеживается в сельской местности, причем и в городах в ходе седьмой переписи населения (2020) он был ниже среднего по стране. Только в сельской местности — выше среднего. Это отражает тот факт, что в большей степени именно за счет старения населения в сельской местности сегодня повышается в целом уровень старения в Китае [3, с. 11].

Данная проблема имеет следующие характеристики. Во-первых, неравномерное распределение районов проживания пожилого населения на территории страны. Уровни старения сельских жителей в Китае существенно различаются между регионами из-за различий в экономическом росте, уровне социальной защиты, состоянии рождаемости и характеризуются ступенчатым распределением с запада на восток. Сельское население восточных прибрежных провинций стареет раньше и быстрее, чем в центральных и приморских провинциях. Согласно переписи населения 2020 г., на восточный регион приходится 39,93 % населения, на центральный — 25,83 %, на западный — 27,12 %, на северо-восточный — 6,98 % [1]. Эта тенденция объясняется тремя причинами. В их числе — климатические особенности, экономический спад на соответствующих территориях и связанная с этим миграция населения (особенно молодежи). В настоящее время население сосредоточено в экономически развитых регионах и городских агломерациях. Наибольший среднегодовой прирост за счет внутренней миграции зафиксирован в провинциях Гуандун и Чжэцзян: 19,6 % и 20,8 % соответственно.

Во-вторых, темпы старения населения опережают темпы экономического развития. С точки зрения старения населения, уровня экономического и социаль-

ного развития страны характерной особенностью стареющего населения Китая является то, что оно «стареет раньше, чем успевает разбогатеть». Многие пожилые люди в Китае достигают пенсионного возраста, не успев накопить необходимый капитал для поддержания достойного образа жизни и услуг здравоохранения по окончании трудовой деятельности. Это особенно заметно в сельских районах государства, в которых отсталый уровень экономического развития не позволяет противостоять вызовам быстрого старения населения. По сравнению с городскими районами социальное обеспечение в селах значительно отстает, а современная система пенсионной и медицинской защиты сельских жителей несовершенна. Уровень защиты низок, а институциональные механизмы предоставления услуг по старению и выходу на пенсию в основном находятся в нерабочем состоянии.

Происходит наложение трех субъективных признаков, характерных для явления старения в Китае. К ним относятся «политика одного ребенка», «продление жизни» и «синдром пустого гнезда».

Во-первых, снижение рождаемости в сельской местности. Приблизительно в 1979 г. китайское правительство начало проводить общенациональную политику планирования семьи («политику одного ребенка»), чтобы контролировать численность населения страны. За некоторыми исключениями, семьям разрешалось иметь не более одного ребенка, за нарушение родителям грозили крупные штрафы. Эта демографическая политика привела к резкому снижению рождаемости в Китае. В январе 2020 г. Национальное бюро статистики Китая сообщило, что коэффициент рождаемости в стране опустился до рекордно низкого уровня с 1949 г. (года основания Китайской Народной Республики). Этот показатель составил в среднем 10,48 ребенка на 1 тыс. человек. В России, если сравнить ситуацию с КНР, в указанном году он был немного ниже (10,2).

Во-вторых, увеличение продолжительности жизни сельского населения. Ожидаемая продолжительность жизни на душу населения увеличивается благодаря постоянному развитию медицинских условий и технологий. Увеличение средней продолжительности жизни сельского населения Китая стало одним из основных факторов, ускоряющих процесс старения сельского населения.

В-третьих, массовое перемещение сельского трудоспособного населения. Вызванное резкой урбанизацией перемещение молодого трудоспособного населения из деревень в большие города привело к опустошению сельской местности. В результате в деревнях остались только старики, больные и инвалиды. Данное явление стали называть «синдромом пустого гнезда» [4, с. 211]. Рост производительности труда в сельской местности, сокращение площади пахотных земель на душу населения и ослабление системы регистрации по месту жительства привели к большому оттоку трудоспособного населения из сельской местности. Движение населения углубило процесс старения селян и усложнило решение этой проблемы.

Основные проблемы сельского обеспечения по старости в Китае

Существующие формы ухода за пожилыми людьми в сельских районах Китая можно разделить на две категории: семейный и социализированный. Семейный уход является основной формой обеспечения по старости в сельских районах Китая, в то время как социализированные пенсии еще не получили широкого распространения и всеобщего характера. С развитием социальной и рыночной экономики, стремительным старением населения эта модель обеспечения по старости будет подвержена риску.

Большинство сельских районов Китая по-прежнему вынуждены полагаться на традиционные (немеханизированные) методы труда при производстве

и использовании сельскохозяйственной продукции. Три четверти пожилых людей в Китае проживают в сельской местности вследствие относительной отсталости экономического развития, низких доходов фермеров и их слабой способности полагаться на собственную пенсионную защиту в сочетании с низким уровнем социального обеспечения в сельской местности. Финансовые ресурсы для пожилых сельских жителей Китая поступают в основном от их детей [5, с. 12].

По сравнению с городскими сверстниками пожилые люди в сельской местности в большей степени зависят от собственных трудовых доходов и поддержки со стороны семьи. В данном случае поддержка семьи в сельской местности имеет две формы. Первая форма состоит в том, что пожилые люди проживают с детьми, вторая — в том, что проживание по схеме «отдельно, но не раздельно». Пожилые люди живут отдельно от своих детей, но последние предоставляют им все необходимое для жизни. Например, в случае, если пожилой человек трудоспособен и может содержать себя самостоятельно, а дети обеспечивают дополнительный уход; или в случае, если собственность принадлежит пожилому человеку, он делит свою землю с детьми, а дети оплачивают жилищные расходы и питание. Несмотря на то, что они могут жить отдельно, находясь в одной деревне им удается по-прежнему быть близкими друг к другу, а их дети могут хорошо заботиться о них. Развитие семейного обеспечения положительно влияет на экономическое развитие села и укрепляет социальную гармонию [6, с. 15].

Можно выделить следующие основные проблемы обеспечения старости в сельской местности в Китае.

1. Трансформация структуры семьи и существенный отток населения.

Ввиду реализации политики рождаемости коэффициент рождаемости сельского населения Китая снижается и уже находится на низком уровне. Ослабление системы семейного содержания за пожилыми связано с этими структурными изменениями. Отток населения затруднил возможность выхода на пенсию сельских пожилых людей, а традиционный семейный уход за пенсионерами стал особенно затруднительным ввиду объективно сложной задачи для единственного ребенка осуществлять финансовое обеспечение родителей и двух пар прародителей (дедушек и бабушек).

2. Растущий акцент на молодых в ущерб старым.

В современных сельских семьях также наблюдается концептуальное отклонение — «отсутствие уважения к старшему поколению и избыток любви к детям», что приводит к ослаблению функции семьи по уходу за пожилыми. С одной стороны, дети не уделяют много внимания пожилым родителям и вместе с тем просят взять на себя ответственность за присмотр за внуками и выполнение домашних обязанностей. С другой стороны, дети чрезмерно беспокоятся о следующем поколении, вкладывая в него много энергии и финансовых ресурсов, и этот феномен «ценить молодых больше старых» характеризуется смещением внимания между поколениями в сторону младших.

**Предложения по контрмерам для обеспечения старости
в сельской местности в связи со старением населения**

Концепция социального обеспечения в Китае впервые представлена на четвертой сессии шестого Всекитайского собрания народных представителей, состоявшейся в 1986 г. Чжэн Гунчэн указал, что социальное обеспечение — это собирательный термин для различных социализированных систем защиты национальной жизни с экономическими выгодами, который охватывает три основные

области: выплату материальной поддержки, предоставление социальных услуг, обеспечение культурного, этического и психологического комфорта [7, с. 12].

Учитывая вышеизложенное, становится очевидным, что часть обеспечения по старости, функцию защиты которой берет на себя общество, является важным элементом того, что представляет собой социальное обеспечение. Однако в условиях, при которых число пожилых людей в Китае стремительно растет, возникает колоссальная нагрузка на пенсионные фонды, дотируемые из центрального бюджета. Ежегодно Пекин трансфертами перечисляет деньги в провинциальные пенсионные фонды сотнями миллиардов юаней. Общая задолженность провинциальных пенсионных фондов перед федеральным бюджетом перевалила за триллион юаней.

Проблема старения населения актуальна для многих стран. Так, с начала 2000-х гг. в странах Европы люди вынуждены приспосабливаться к новым демографическим изменениям, которые вызывают сильную обеспокоенность и опасения в обществе. Системы пенсионного обеспечения и здравоохранения подвергаются давлению, поскольку все большее число пожилых людей зависит от взносов меньшего числа работающих [8]. С недавних пор процесс старения населения КНР идет более стремительными темпами, чем в других государствах. Необходимо, опираясь на опыт западных стран в осуществлении борьбы с настоящей проблемой и обходя недостатки, возникшие в западных странах, использовать потенциал традиционного семейного метода обеспечения пожилого населения, предоставить время для развития социального ухода за пожилыми людьми и снизить финансовое давление, вызванное в связи с необходимостью ухода за пожилыми, чтобы общество могло продолжать стабильно развиваться [1].

В связи с этим предлагаем улучшить положение общественных учреждений по уходу за пожилыми людьми в сельской местности и создать среду для ухода за пожилыми людьми, а именно:

- 1) увеличить инвестиции в обновление жилищного фонда и вспомогательного оборудования сельских домов для престарелых;
- 2) улучшить качество социальной среды для ухода за пожилыми людьми;
- 3) расширить различные учреждения по уходу за пожилыми людьми в районах, в которых проживает большое количество сельских жителей;
- 4) осуществить строительство культурных и спортивных объектов, а также мест времяпрепровождения для пожилых в сельской местности.

Более того, забота правительства о пожилых людях в сельской местности заключается в поддержке не только материальной, но и духовной жизни. Поэтому, чтобы повысить удовлетворенность жизнью у пожилых людей в сельской местности, необходимо расширить сферу деятельности для них и построить объекты социального обслуживания, чтобы обеспечить их местами для различного рода интересных занятий и общения [9, с. 17].

Укрепление правовой системы сельского обеспечения по старости

Создание и функционирование системы, связанной с сельским обеспечением по старости, неотделимо от защиты закона. Использование закона в качестве поддержки видится необходимым условием для поэтапного развития сельской работы по обеспечению по старости, а также важным средством для облегчения государственного управления, повышения информированности фермеров и роста эффективности. Это будет способствовать укреплению правовой системы строительства сельской долины только для обеспечения по старости.

Создание и функционирование соответствующих систем обеспечения безопасности пожилых людей в сельской местности невозможно без правовой основы. Использование закона в качестве гарантии — необходимое условие для стабильного развития системы обеспечения безопасности пожилых людей в сельской местности, а также важное средство облегчения государственного управления, повышения информированности сельского населения о различных формах страхования, вкладов, повышения уровня эффективности работы. Поэтому следует усилить правовую конструкцию обеспечения старости в сельской местности.

Выводы

Таким образом, в последние годы число пожилых людей в сельской местности растет в основном вследствие сочетания трех факторов: резко снижающейся рождаемости, увеличения продолжительности жизни и перемещения молодых трудоспособных жителей в города. При этом растет как коэффициент старения сельского населения, так и общий коэффициент финансовой зависимости сельского населения от государства. Раннее начало старения оказало огромное влияние на фермеров и усложнило решение проблемы старости в сельской местности, с учетом того, что финансовое обеспечение по старости, особенно в сельской местности, все еще не проработано до конца.

Следовательно, целесообразно создать новый тип системы обеспечения по старости, который объединит преимущества традиционных и современных способов пенсионной системы силами правительства и общества. Первое — внедрить схему поддержки семьи для укрепления функций сельских семей в старости; второе — улучшить новую систему сельского пенсионного страхования путем повышения осведомленности фермеров о необходимости участия в схеме, укрепления финансовых поступлений и улучшения способности определять политику взаимодействия между системами защиты; третье — энергично развивать функцию социализированных сельских пенсионных услуг; четвертое — ускорить темпы принятия законодательства о сельской пенсионной защите и укрепить правовую систему сельской пенсионной защиты. Полагаем, благодаря принятым выше позитивным мерам, можно будет создать надежный и безопасный способ удовлетворения необходимых запросов пожилого населения.

Список источников

1. Основные данные Седьмой Национальной переписи населения // Национальное бюро статистики КНР. 2021. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 10.02.2023). (На кит.).
2. Чэнь Шуцзюнь. Исследование социального обеспечения // Китайский пресс для материалов. 2010. № 25 (1). С. 14–32. (На кит.).
3. Ли Хуэй, Ван Инцзе. Исследование явления и контрмер в связи со старением населения в городских и сельских районах Китая // Журнал общественных наук Цзилиньского университета. 2012. № 42 (03). С. 11–23. (На кит.).
4. Ли Сыжуй. Семья в состоянии «пустого гнезда» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 211–222.
5. Дэн Чживан, Ли Данься. Краткое обсуждение недостатков и проблем в нынешней системе обеспечения старости в сельской местности // Журнал о народонаселении. 2000. № 14 (05). С. 12–18. (На кит.).
6. Чжао Сяньцзюнь. Обзор исследований по сельским пенсиям в Китае за последние годы // Китайский рынок. 2011. № 18 (07). С. 24–36. (На кит.).

7. *Бу Минг*. Политика великой нации – стратегия развития социального обеспечения Китая на пути к величию // *Хуавэнь*. 2009. № 24 (06). С. 12–34. (На кит.).
8. Доклад о старении Европы // Организация Объединенных Наций (ООН). 2020. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing> (дата обращения: 10.02.2023).
9. *Чжао Дэюй, Лян Хун*. Вызовы и новые идеи для развития социального пенсионного обеспечения в сельских районах Китая // *Журнал Шанхайского университета Цзяотун*. 2006. № 34 (05). С. 15–32. (На кит.).

References

1. Key data from the Seventh National Census. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. 2021. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (accessed on 10.02.2023). (In Chinese).
2. Shujun Chen. Social welfare research. *Zhongguo cailiaobaoshe*. 2010;25(1):14-32. (In Chinese).
3. Li Hui, Yingjie Wang. Research on the phenomenon and countermeasures of population aging in urban and rural areas in China. *Jilin Daxue Shehui Kexue Xuebao*. 2012;42(3): 11-23. (In Chinese).
4. Sirui Li. A family in the “empty nest” state. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of PNU*. 2017;(1):211-222. (In Russ.).
5. Zhiwang Deng, Danxia Li. Brief discussion of shortcomings and problems in the current old age provision system in rural areas. *Renkouzazhibaoshe*. 2000;14(5):12-18. (In Chinese).
6. Xianjun Zhao. Overview of research on rural pensions in China in recent years. *Zhongguo shi chang*. 2011;18(7):24-36. (In Chinese).
7. Wu Ming. Great nation policy – China's welfare development strategy on the path to greatness. *Huawen Chubanshe*. 2009;24(06):12-34. (In Chinese).
8. European ageing report. United Nations. 2020. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/ageing> (accessed on 10.02.2023).
9. Deyu Zhao, Liang Hong. Challenges and new ideas for the development of social pension provision in rural China. *Shanghai Jiaotong Daxue Xuebao*. 2006;34(5):15-32. (In Chinese).

Информация об авторе

Чуньсяо Чэнь — аспирант кафедры экономической социологии; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Information about the author

Chunxiao Chen — postgraduate student at the Department of Economic Sociology; 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 347.254

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-95-101

Проблемные аспекты теории и практики перевода нежилого помещения в жилое и жилого помещения в нежилое: частноправовое исследование

**Степан Мхитарович Оганесян¹, Андрей Владимирович Кузьмин^{2✉},
Егор Михайлович Поречный³**

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

³ Прокуратура Выборгского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия

¹ stepan-62.11.11@mail.ru

² ak78rus@gmail.ru✉

³ egorikpor@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме правового регулирования перевода нежилого помещения в жилое и жилого помещения в нежилое. Авторами рассмотрены основные нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу правоотношений. Отдельное внимание уделено классификации группы субъектов. Проанализирована судебная практика по делам о переводе нежилого помещения в жилое и жилого помещения в нежилое. Раскрыт ряд проблем, с которыми чаще всего сталкиваются субъекты рассматриваемых правоотношений. Подробно изучены и охарактеризованы основания перевода нежилого помещения в жилое. На основе проведенного анализа судебной практики сделан вывод о том, что при осуществлении присвоения объекту недвижимости нового правового статуса необходимо учитывать прежде всего его особенности, заключающиеся в определенных условиях.

Ключевые слова: нежилые помещения, жилые помещения, помещения, субъекты, правоотношения

Для цитирования: Оганесян С. М., Кузьмин А. В., Поречный Е. М. Проблемные аспекты теории и практики перевода нежилого помещения в жилое и жилого помещения в нежилое: частноправовое исследование // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 95–101. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-95-101>

Original article

Problematic aspects of the theory and practice of transferring premises from non-residential to residential

Stepan M. Oganessian¹, Andrey V. Kuz'min^{2✉}, Egor M. Porechnyy³

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

³ Prosecutor's Office of Vyborgsky St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

¹ stepan-62.11.11@mail.ru

² ak78rus@gmail.ru✉

³ egorikpor@mail.ru

Abstract. This paper is focused on the problem of legal regulation of the transfer of non-residential premises to residential and vice versa. The authors reviewed the main normative legal acts regulating this sphere of legal relations. Special emphasis is given to the classification of a group of subjects. The judicial practice on the transfer of non-residential premises to residential and residential premises to non-residential was analyzed. Several problems, which are most frequently faced by the subjects of the legal relations, are disclosed. The grounds for the transfer of non-residential premises to residential are studied and characterized. The analysis of judicial practice showed that in assigning a new legal status to an object of real estate, its features consisting of certain conditions must be primarily considered.

Keywords: non-residential premises, residential premises, premises, subjects, legal relations

For citation: Oganessian S. M., Kuz'min A. V., Porechnyy E. M. Problematic aspects of the theory and practice of transferring premises from non-residential to residential. *Sociology and Law*. 2023;15(1):95-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-95-101>

Введение

Несмотря на то, что сегодня существует разработанная нормативная база, регулирующая многие процедурные и технические аспекты, осуществление перевода нежилого помещения в жилое является трудоемкой процедурой. Положения ст. 22 Жилищного кодекса Российской Федерации (ЖК РФ) от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в редакции от 21 ноября 2022 г.), дополняемые постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 (в редакции от 28 сентября 2022 г.) (далее — Постановление № 47), не только характеризуют рассматриваемый институт, но и закрепляют перечень процедур, необходимых для перевода. Процедура усложняется прежде всего многообразием видов нежилых помещений, формой собственности, а также несовершенством ряда институтов жилищного права. К указанному перечню нормативных правовых актов следует отнести и постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 (в редакции от 1 апреля 2021 г.) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации», устанавливающее, что «не допускается размещение в жилых помещениях промышленных производств, гостиниц; жилое помещение в многоквартирном доме не может использоваться для предоставления гостиничных услуг».

Представляется возможным определить виды перевода нежилого помещения в жилое по нескольким основаниям. Первое классификационное основание — субъект, осуществляющий такой перевод. Анализ материалов судебной практики позволил нам выделить группы субъектов. К ним отнесены:

1. Юридические лица, переводящие помещения, находящиеся в жилых домах.
2. Физические лица, переводящие помещения, расположенные в зданиях и сооружениях.
3. Физические лица, переводящие садовый дом в жилой.

Приведенная классификация не является исчерпывающей. Законодательство динамично, а значит, она может быть дополнена и иными группами. Однако

логичным будет выделить и классификацию по объекту перевода (речь идет о здании, сооружении, дачных домах и иных постройках), с возможностью перепланировки в соответствии с Постановлением № 47.

Материалы

Переходя к рассмотрению примеров судебной практики, в контексте приведенной нами классификации отметим, что наиболее сложным процессом является признание здания жилым домом с нежилыми и жилыми помещениями. При этом у здания может быть несколько собственников, что также становится проблемной ситуацией. В качестве наиболее подходящего примера обратим внимание на решение Чухломского районного суда Костромской области № 2-135/2021 2-135/2021~М-65/2021 М-65/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 2-135/2021 [1]. Истцы, владеющие неравными долями общей долевой собственности на здание, обратились к администрации Солигаличского муниципального района Костромской области о признании здания жилым домом с нежилыми и жилыми помещениями. В момент заключения договора купли-продажи стороны не знали о том, что постройка является объектом культурного наследия. Однако в соответствии с постановлением главы администрации Костромской области от 3 декабря 1993 г. № 598 «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» здание признано памятником истории и культуры регионального значения. Приблизительно к 2002 г. стороны построили пристройку к зданию взамен разрушенной. О том, что здание является объектом культурного наследия, узнали ориентировочно в 2017–2018 гг. Истцы при проведении работ по переустройству (перепланировке) здания, расположенного по адресу <адрес>, ни в Департамент культуры Костромской области, ни в Инспекцию по охране объектов культурного наследия Костромской области за разрешением на производство работ по перепланировке не обращались.

Судом сделана ссылка и на ранее действовавшее (до 1 января 2021 г.) «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденное постановлением Совмина СССР от 16 сентября 1982 г. № 865. В соответствии с ним «предприятия, учреждения, организации и граждане обязаны обеспечивать сохранность памятников истории и культуры, находящихся в их собственности, пользовании или на землях, предоставленных им в пользование». В обоснование своей позиции судом сделана ссылка и на ст. 71 указанного Постановления, которая гласит о том, что «реставрация, консервация и ремонт памятников истории и культуры осуществляются только с разрешения государственных органов охраны памятников и под их контролем».

Таким образом, суд вынес решение об отказе в удовлетворении требования о признании жилым домом здания, а также об отказе присвоения помещениям внутри данного объекта статуса жилых. На данном примере отчетливо прослеживается взаимосвязь между правовым статусом объекта недвижимости и процедуры перевода. Несомненно, приведенный нами казус является, скорее, исключением из правил, нежели повсеместной практикой. Однако именно на этом примере можно показать важность согласованного переустройства и перепланировки в здании. Для удовлетворения интересов истцам необходимо было поэтапно согласовывать проектную документацию на проведение работ по переустройству и перепланировке с органом охраны объектов культурного наследия.

Принцип свободы осуществления предпринимательской деятельности, несомненно, можно признать одним из основных принципов современного граждан-

ского законодательства. Однако некоторые субъекты гражданского права ввиду незнания или умышленно толкуют его за рамками правил расширительного толкования. С учетом ст. 22 ЖК РФ и ГОСТ Р 51185-2011, утвержденного приказом Ростехрегулирования от 11 ноября 2014 г. № 1542-ст, деятельность по оказанию гостиничных услуг может осуществляться лишь после перевода жилого помещения (или совокупности жилых помещений) в нежилое и оснащения указанного помещения оборудованием, необходимым для оказания потребителям услуг надлежащего качества. Но, как показывает анализ материалов судебной практики, хозяйствующим субъектам «проще» осуществлять деятельность без смены правового статуса объекта недвижимости. Так, в решении Красносельского районного суда города Санкт-Петербурга № 2-254/2020 2-4813/2019 от 28 мая 2020 г. по делу № 2-254/2020 [2] истец — прокурор Кировского района Санкт-Петербурга — обратился в суд с иском в интересах неопределенного круга лиц к ИП ООО «Стачек 67/6» о признании недействительным договора аренды жилого помещения и обязанности прекратить осуществление деятельности.

По результатам проведения проверочных мероприятий прокуратурой установлено, что помещение является жилым, расположено на первом этаже многоквартирного жилого дома и принадлежит на праве собственности ООО «Стачек 67/6», что подтверждается приложенной выпиской из ЕГРН. Помещение сдается в аренду по договору, заключенному ООО «Стачек 67/6» в лице А. Н. Скворцовой, с ИП Е. А. Явным. Квартира предоставлена для оказания услуг по временному пребыванию — проживанию. Еще к одному из прямых доказательств, подтверждающих факт использования помещения не по назначению, следует относить и то, что собственник квартиры в ней не проживает.

В результате проведенных мероприятий выявлены следующие факты. Во-первых, в квартире, расположенной по указанному адресу, размещено 28 койко-мест в четырех комнатах. Хостел «Экономъ» зарегистрирован в Федеральном перечне туристских объектов под номером 550013291. Во-вторых, хостел имеет четыре номера, способных разместить 20 человек. Стоит отметить, что, помимо Гражданского кодекса (ГК) РФ, прямо закрепляющего в ч. 3 ст. 288 положение о том, что «размещение собственником, в принадлежащем ему жилом помещении, предприятий, учреждений, организаций допускается только после перевода такого помещения в нежилое...», могут существовать и региональные нормативные правовые акты. В рассматриваемом примере это — письмо Государственной жилищной инспекции Санкт-Петербурга от 11 июля 2007 г. № 2197/07-1, которое полностью дублирует положение ч. 3 ст. 288 ГК РФ в вопросе правил размещения в жилом помещении собственником учреждений и организаций. По результатам рассмотрения материалов дела суд вынес решение об обязанности индивидуального предпринимателя прекратить осуществление деятельности по оказанию услуг мини-гостиницы (хостела), а также об обязанности ООО «Стачек 67/6» прекратить осуществление предпринимательской деятельности, заключающейся в оказании гостиничных услуг и предоставлении помещения для кратковременного проживания за плату.

Похожую практику можно наблюдать и в других регионах нашей страны. Стоит обратить внимание на решение Челябинского областного суда от 20 июля 2020 г. по делу № 7-498/2020, решение Сокольского районного суда Вологодской области от 19 марта 2020 г. по делу № 12-75/2020. Интерес, на наш взгляд, представляет и тот факт, что суды в перечисленных выше решениях делают ссылку на Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а именно на ч. 3.1 ст. 5.

Действительно, проблема размещения хостелов, мини-гостиниц в многоквартирных домах — это актуальная проблема не только для жильцов дома, но и в контексте противодействия антитеррористической безопасности, цели которой закреплены в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации. До 2019 г. такая практика была распространена в связи с тем, что не был установлен прямой запрет на использование квартиры без осуществления необходимого переустройства и перевода в нежилой фонд в качестве гостиницы-хостела (мини-отеля). Однако с принятием необходимых поправок жителям многоквартирных домов стало легче привлекать недобросовестных собственников к ответственности.

Следующим основанием перевода нежилого помещения в жилое является перевод садового дома в жилой. Еще в 2011 г. Конституционный Суд РФ в постановлении от 30 июня 2011 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности абз. 2 ст. 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобой гражданина В.» признал не соответствующим Конституции РФ абз. 2 ст. 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в части, в которой им исключена возможность регистрации граждан по месту жительства, в принадлежащих им на праве собственности жилых строениях, которые пригодны для постоянного проживания и расположены на садовых земельных участках, относящихся к землям сельскохозяйственного назначения. Именно после указанного Постановления принят Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Частью 3 ст. 23.1 данного Федерального закона Правительство РФ наделено полномочиями по определению порядка признания садового дома жилым, а жилого — садовым. Безусловно, после принятия Постановления № 47 процесс присвоения садовым домам статуса жилых стал существенно легче, однако и сегодня существуют коллизии, не позволяющие говорить о совершенстве механизма. Думается, основными факторами, влияющими на неоднородность практики присвоения садовым домам статуса жилых, является неправильное восприятие субъектами гражданских правоотношений процедуры как таковой. Не выходя за рамки предмета настоящего исследования, важно указать, что сама по себе предварительная оценка, проверка объекта недвижимости для получения соответствующего статуса может предполагать не только вариант «пригоден для постоянного проживания» или «не пригоден для постоянного проживания», но и возможность получения объектом недвижимости статуса самовольной постройки.

В частности, в Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 г. (далее — Обзор) [3], можно обнаружить ряд примеров, подтверждающих нашу позицию относительно восприятия субъектами гражданских правоотношений процедуры присвоения объекту недвижимости иного статуса. Так, в п. 3 Обзора описана ситуация, при которой объект индивидуального жилого строительства возводится до получения разрешения на строительство либо до направления лицом, осуществляющим (планирующим) возведение постройки, уведомления о таком возведении. Мы приводим этот пример прежде всего для того, чтобы показать, что для признания садового дома жилым необходимо не только соблюдать установленные в постановлении Правительства РФ требования, но и помнить о том, что в случае возведения дома без согласования с органами государственной власти последний может быть признан самовольной постройкой.

Выводы

Анализ материалов судебной практики дает возможность заключить, что в первую очередь собственникам объекта недвижимости необходимо узаконить статус постройки, поскольку, согласно Обзору, садовый дом может не отвечать требованиям Градостроительного кодекса РФ, а также процедуре получения разрешения на строительство, что, в свою очередь, препятствует переводу в жилой фонд. Важно понимать, включены ли земли, на которых расположен объект недвижимости, в территориальные зоны, для которых утверждены градостроительные регламенты.

Таким образом, анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что при осуществлении присвоения объекту недвижимости нового правового статуса необходимо отталкиваться от его особенностей, заключающихся в следующем: 1) месте расположения объекта; 2) форме собственности на объект; 3) наличии действующих в момент перевода обременений, а также иных особенностей, напрямую влияющих на процедуру перевода.

Список источников

1. Решение Чухломского районного суда Костромской области от 30 ноября 2021 г. по делу № 2-135/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b8ergdDo3NZC/> (дата обращения: 06.02.2023).
2. Решение Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 мая 2020 г. по делу № 2-254/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uyrM5iiVvE5c/> (дата обращения: 14.02.2023).
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 г. // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1585240/> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. Decision of the Chukhloma District Court of the Kostroma Region dated November 30, 2021 in case No. 2-135/2021. Sudebnye i normativnye акты RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b8ergdDo3NZC/> (accessed on 06.02.2023). (In Russ.).
2. Decision of the Krasnoselsky District Court of St. Petersburg dated May 28, 2020 in case No. 2-254/2020. Sudebnye i normativnye акты RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uyrM5iiVvE5c/> (accessed on 14.02.2023). (In Russ.).
3. Review of judicial practice in cases related to unauthorized construction. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 16, 2022. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1585240/> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).

Сведения об авторах

С. М. Оганесян — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. В. Кузьмин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Е. М. Поречный — общественный помощник прокуратуры Выборгского района г. Санкт-Петербурга; 194044, Санкт-Петербург, Лесной пр., д. 20, корп. 12.

Information about the authors

S. M. Oganessian — Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. V. Kuz'min — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

E. M. Porechnyy — public assistant of the prosecutor's office of the Vyborgsky district of St. Petersburg; 20k12 Lesnoy Ave., St. Petersburg 194044, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 332.334

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-102-114

Публично-правовые вопросы увеличения площади земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации в условиях цифровизации

Николай Николаевич Жильский¹, Эмма Алексеевна Шаряпова^{2✉},
Екатерина Сергеевна Желнина³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ zilskiy.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

² sharyapova.emma@yandex.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3239-4644>

³ zhelnina2002@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы разработки новых форм перевода неиспользуемых земель, в частности бесхозяйных и неучтенных, в земли сельскохозяйственного назначения с целью восполнения их объема. Актуальность темы исследования заключается в том, что земли сельскохозяйственного назначения обладают высшей ценностью среди всех категорий земель, составляющих земельный фонд Российской Федерации (РФ).

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, неиспользуемые земли, бесхозяйные земли, неучтенные земли, искусственные земли, цифровизация, информационная система

Для цитирования: Жильский Н. Н., Шаряпова Э. А., Желнина Е. С. Публично-правовые вопросы увеличения площади земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации в условиях цифровизации // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 102–114. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-102-114>

Original article

Public law issues of increasing the agricultural land area in the Russian Federation in the context of digitalization

Nikolay N. Zhilskiy¹, Emma A. Sharyapova^{2✉}, Ekaterina S. Zhelnina³

^{1, 2, 3} St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia

¹ zilskiy.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

² sharyapova.emma@yandex.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3239-4644>

³ zhelnina2002@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of developing new methods of transferring unused lands, in particular ownerless and unaccounted lands, into agricultural lands in order to replenish their volume. The relevance of the research subject consists in the fact that agricultural land has the highest value among all categories of land that constitute the land reserves of the Russian Federation (RF).

Keywords: agricultural land, unused land, ownerless land, unaccounted land, artificial land, digitalization, information system

© Жильский Н. Н., Шаряпова Э. А., Желнина Е. С., 2023

For citation: Zhilskiy N. N., Sharyapova E. A., Zhelnina E. S. Public law issues of increasing the agricultural land area in the Russian Federation in the context of digitalization. *Sociology and Law. 2023;15(1):102-114.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-102-114>

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что в Российской Федерации (РФ) земли сельскохозяйственного назначения являются самыми ценными среди других категорий земель, поскольку удовлетворяют необходимые естественные потребности человека: в пище, одежде, жилище. Именно поэтому задача по сохранению и увеличению земель сельскохозяйственного назначения является первостепенной для устойчивого развития государства в условиях цифровизации.

Теория

Земли сельскохозяйственного назначения — одна из категорий земель, которые регулируются не только нормами Земельного кодекса (ЗК) РФ, но и такими правовыми актами, как Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»; Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий значительное облегчение и сокращение процедуры изъятия у собственников участков сельхозназначения, если земля не используется либо используется с нарушением закона. Земли сельскохозяйственного назначения представляют собой ценность не только потому, что приоритетны земельным законодательством, но и потому, что являются базовыми для удовлетворения потребностей всех граждан, проживающих на территории РФ. Вопросы регулирования земель сельскохозяйственного назначения служат предметом обсуждения ряда органов власти: Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства природных ресурсов и экологии РФ, Федеральной службы по экологическому, техническому и атомному надзору и др.

Результаты обсуждений

Агропромышленный комплекс (АПК) нашей страны сегодня по праву занимает ведущее место среди важнейших отраслей экономики РФ. Он обеспечивает общество жизненно важной продукцией, в нем сосредоточен огромный экономический потенциал. Развитие АПК в решающей мере определяет состояние народного хозяйства в целом, уровень продовольственной безопасности государства и социально-экономическую обстановку в обществе. И в настоящее время АПК России демонстрирует положительную динамику роста [1, с. 18], как видно на рисунке 1.

Однако важно отметить, что специфика сельскохозяйственных отношений порождена именно биологической природой, то есть в качестве основных средств производства используются растения и животные. Но самый главный объект — конечно же, земля.

Земли сельскохозяйственного назначения имеют особый правовой режим и подлежат особой охране, направленной на сохранение их площади, предотвращение развития негативных процессов и повышение плодородия почв — все это так или иначе закреплено законодательством нашей страны. Так, в ст. 12 ЗК РФ

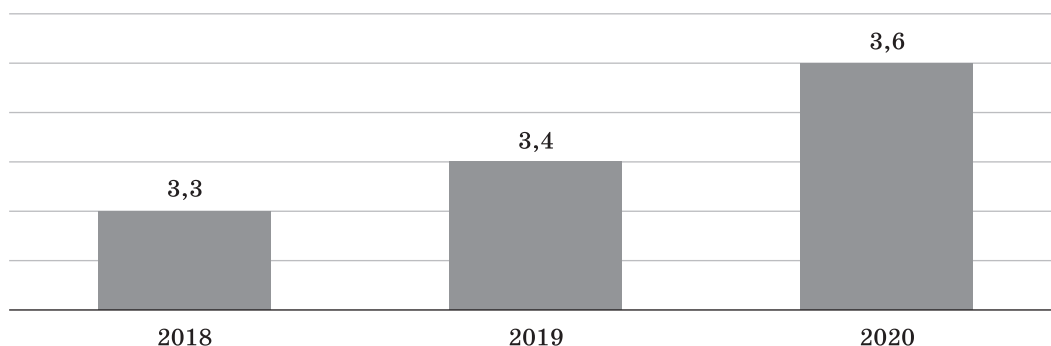

Рис. 1. Удельный вес по виду экономической деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в ВВП страны (2018–2020), %

Fig. 1. Share by type of economic activity “Crop and livestock husbandry, hunting, and the provision of related services in these fields” in the country gross domestic product (2018–2020), %

в качестве основных целей охраны земель установлены предотвращение и ликвидация загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения земель и почв, иного негативного воздействия на земли и почвы, а также обеспечение рационального использования земель. Законодатель особенно выделяет проведение данных мероприятий именно в отношении восстановления плодородия почв на землях сельскохозяйственного назначения. Согласно ст. 13 ЗК РФ на земле-владельцев и арендаторов земельных участков возложены обязанности по охране земель. Возглавляет этот перечень именно пункт об обязательном проведении мероприятий по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения [2].

Иными словами, можно выдвинуть тезис о том, что законодатель особенно заинтересован в сохранении земель данной категории. В частности, об этом свидетельствует то, что земли сельскохозяйственного назначения занимают второе место по численности среди всех категорий земель, составляющих земельный фонд РФ [3], как видно на рисунке 2.

На правдивость данного факта указывает и значительно возросшая в последние несколько лет активность в информационном и правовом поле. Так, например, внимательно исследовав новостные источники, можно отметить резкий скачок заинтересованности государственных органов при вовлечении в оборот сельскохозяйственных земель: ранее данные вопросы не обсуждали на уровне Правительства РФ практически пять лет (с 2016 по 2021 г.) [4].

Не стоит отрицать тот факт, что разработка мер по поддержке аграрного сектора всегда была одним из приоритетных направлений государства, но на современном этапе, в условиях непростой внешнеполитической ситуации, в которой оказалась наша страна, данный вопрос ощущается особенно остро. Тщательно проанализировав принятые в последние несколько лет нормативные правовые акты на предмет регулируемых ими отношений, можно выделить четкую направленность содержащихся в них норм: расширение объема земель сельскохозяйственного назначения.

Обратим внимание на постановление Правительства РФ от 2021 г., предусматривающее принятие Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного

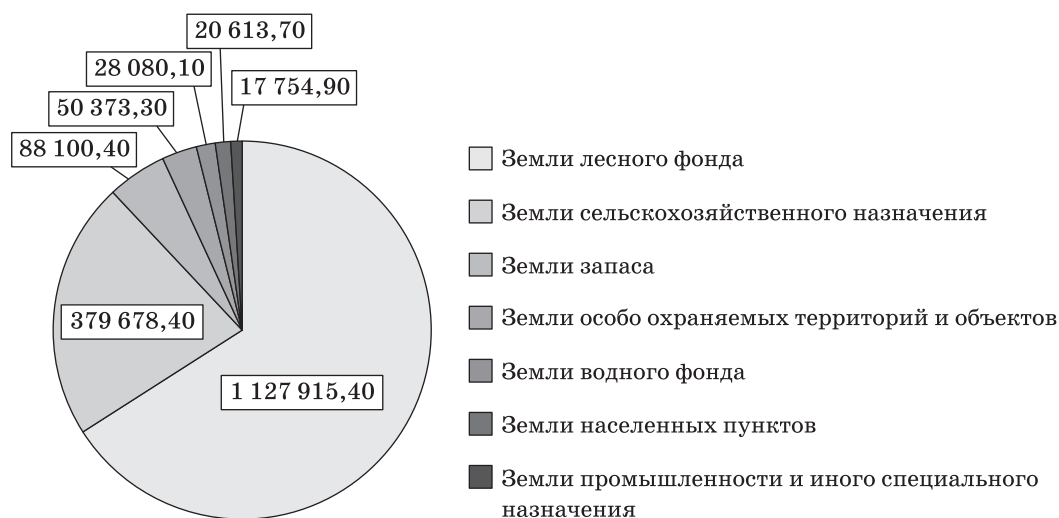

Рис. 2. Структура земельного фонда Российской Федерации по категориям земель, тыс. га

Fig. 2. Structure of the land reserves of the Russian Federation by land categories, thousand ha

комплекса в России (далее — Программа) [5]. В этой Программе сформулированы правила предоставления субсидий субъектам РФ на подготовку проектов межевания, на проведение кадастровых работ и мелиоративных работ, а в качестве основных приоритетов и целей государственной политики в сфере эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения определены восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения, предотвращение сокращения площадей земель сельскохозяйственного назначения, их рациональное использование, защита и сохранение сельскохозяйственных угодий от водной и ветровой эрозии и опустынивания.

Однако немаловажным остается тот факт, что Программа построена на проектном подходе, то есть каждый регион должен самостоятельно разработать проект, обосновывающий введение тех или иных территорий в сельскохозяйственный оборот, а министерство, в свою очередь, определит, какие земли наиболее рентабельно вводить в оборот и от каких будет наибольшая отдача. Изложенный подход вызвал критику в научных кругах. В частности, по мнению Н. А. Студенковой и Н. И. Доброворской, регионам лучше начать со сбора сведений о фактическом состоянии земель сельхозназначения, их качественных и количественных характеристиках, а затем, после сбора и обработки всех данных, приступить к созданию проекта, поскольку не представляется возможным пояснить, по каким критериям в министерстве будет определена рентабельность ввода тех или иных территорий в оборот и оценена наибольшая отдача, если регионы не будут обладать достоверной информацией о состоянии земель и не смогут предоставить ее [6, с. 202].

В свою очередь, В. С. Джабраилова пишет о том, что государство должно не просто вводить земли в сельскохозяйственный оборот, но и налаживать их кадастровый учет, чтобы потенциальные инвесторы и сельхозпроизводители могли увидеть, где, сколько и какого качества земли можно использовать для будущих инвестпроектов. При этом возможна другая проблема: обсуждаемая Программа

включает в себя предоставление государственных субсидий, в том числе и на подготовку проектов межевания участков, и на проведение кадастровых работ, но все полученные в ходе такой работы данные оперативно вносятся в Единую федеральную информационную систему о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН), которая начала функционировать в 2018 г. Основная задача этой информационной системы — повышение эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения при сохранении плодородия. Но система имеет закрытый доступ. Более того, согласно данным, предоставленным центром цифровой трансформации в сфере АПК в 2021 г., десять субъектов из 81 не предоставили сведения о землях сельскохозяйственного назначения, поскольку на работе территориальных органов данных субъектов сказывалось отсутствие штатных единиц и компетентных сотрудников, а также отсутствие качественного доступа к сети Интернет и современной компьютерной технике. 34 субъекта предоставили неполные данные [7, с. 156]. Из этого можно сделать вывод о невозможности в полной мере достоверно отследить не только состояние того или иного сельскохозяйственного земельного участка, но и количество не использующихся земельных участков сельскохозяйственного назначения в целом.

Рассматривая подробнее сопутствующие документы Программы, стоит обратить внимание и на протоколы заседания Комиссии по отбору заявок субъектов РФ на подготовку проектов межевания земельных участков и на проведение кадастровых работ, а также по организации и проведению отбора проектов мелиорации. Каждый подобный протокол в соответствии с опубликованными правилами включает в себя перечень отобранных заявок от субъектов. Например, если проанализировать протокол от 26 декабря 2022 г. № СХ-15-255 [8], можно обнаружить объемный перечень прошедших отбор заявок, состоящий из 880 прошений, а изначально их было столько же. Согласно Правилам [9], критерии отбора заявок представляют собой балльную систему. Максимальный балл, который можно получить — 100, минимальный — 40. Все заявки, даже с трудом достигшие установленной минимальной планки, получают поддержку со стороны государства. Неоднозначность изложенного подхода заключается именно в неопределенности критериев, упомянутых выше, для каждого субъекта, поскольку их наличие позволило бы не только структурировать и систематизировать работу, но и повысить вероятность введения в оборот в первую очередь земель наиболее плодородных, пригодных и благоприятных для осуществления сельскохозяйственной деятельности здесь и сейчас, для получения максимальной экономической отдачи.

Нельзя не обратить внимание и на то, что подача подобных заявок и сопутствующих документов к ним для определения баллов по установленным критериям, происходит преимущественно на бумажном носителе или путем использования системы электронного документооборота. Но получаемые данные по-прежнему обрабатывают вручную, что также позволяет говорить о продолжительном отрезке времени, затрачиваемом на эту работу. Таких затрат времени можно было бы избежать путем цифровизации всех аналитических процессов, при создании отдельной информационной системы, самостоятельно обрабатывающей поступающие в нее объемы информации.

Так или иначе следует указать, что государство ведет активную политику по введению неиспользуемых земельных участков в сельскохозяйственный оборот, что лишний раз подтверждает необходимость принятия тех или иных мер для ускорения данного процесса. Неоднократно акцент сделан именно на увеличении объема используемых земель сельскохозяйственного назначения, а впоследствии данная точка зрения получила несколько обоснований своей состоятельности,

поскольку в контексте закономерного положительного итога приведены примеры значительного увеличения экспортной выручки, а главное, налогооблагаемой базы страны. Так, губернатор Ленинградской области А. Ю. Дрозденко обратил особое внимание на необходимость введения в оборот сельскохозяйственных земель: «Данное действие является стратегической задачей каждого региона, поскольку земельный налог является существенным источником дохода в бюджет муниципальных образований, а как следствие, и в бюджет страны» [10].

Однако даже с принятием Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации, которая своим должным осуществлением должна была содействовать сохранению, а главное, и увеличению объема данных земель, площадь категории земель сельскохозяйственного назначения в составе земельного фонда РФ продолжает неумолимо уменьшаться. Так, согласно государственному (национальному) докладу о состоянии и использовании земель в России, опубликованному Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, на 1 января 2022 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения составила 379 678,4 тыс. га. В сравнении с предшествующим годом площадь категории земель сельскохозяйственного назначения в составе земельного фонда РФ уменьшилась на 1092,5 тыс. га [11], как показано на рисунке 3.

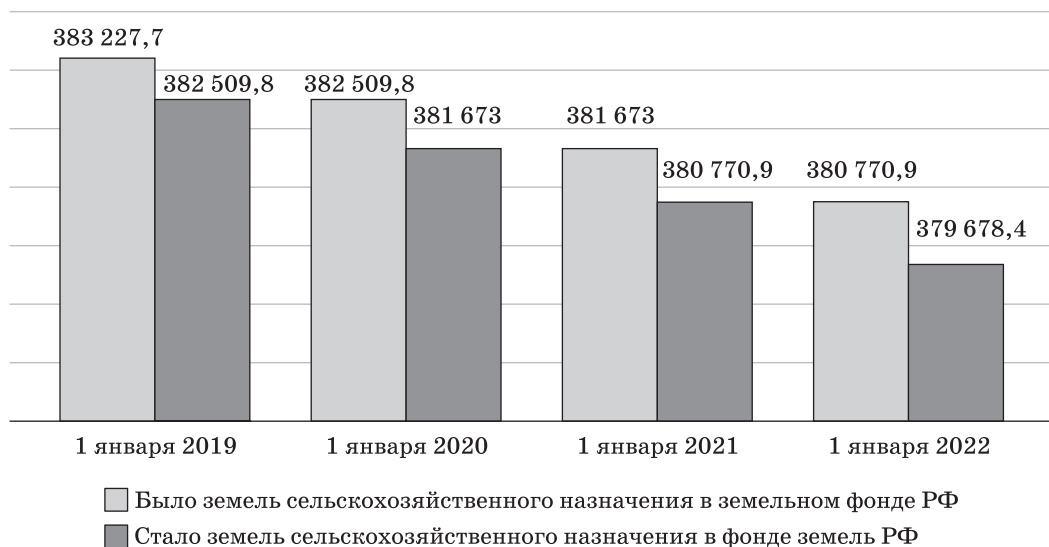

Рис. 3. График ежегодного уменьшения земель сельскохозяйственного назначения в России (2019–2022), тыс. га

Fig. 3. Schedule of annual reduction of agricultural land in Russia (2019–2022), thousand ha

Опираясь на имеющиеся данные, необходимо еще раз сделать акцент на том, что подобное уменьшение данного земельного актива, происходящее, несмотря на предпринимаемые государством попытки остановить его и направить процесс в обратную сторону, встав на путь увеличения земель сельскохозяйственной категории, так или иначе способно оказать негативное влияние, достаточное для того, чтобы впоследствии это сказалось на жизни российского общества в целом. К тому же становится понятным, что чем меньше остается земель сельскохозяй-

ственного оборота, тем больше становится интенсивность использования земель в нем остающихся, и это приводит к их истощению, а соответственно, еще больше сокращению.

Но, конечно, данного кризиса можно избежать, в том числе с привлечением в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель. В ходе отчета о результатах деятельности Правительства РФ, состоявшегося в Государственной Думе 7 апреля 2022 г., заместитель председателя Комитета по аграрным вопросам Н. В. Школкина заявила, что, по различным оценкам, в России примерно 40 млн га заброшенных сельскохозяйственных земель и земель, не используемых по назначению, введение в оборот хотя бы их малой части поможет существенно снизить нагрузку на земли, находящиеся в обороте в данный период [12], что отражено на рисунке 4.

Рис. 4. Соотношение земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в обороте и земель, не используемых по назначению, млн га

Fig. 4. Ratio of agricultural land in circulation and land not used for its intended purpose, mln ha

Интерес вызывает некая закономерность при обсуждении исследуемой проблемы в научных кругах: говоря о расширении земель сельскохозяйственных категорий, ученые обычно отмечают лишь такой путь решения данной проблемы, как пополнение их численности путем введения в аграрный оборот земель, хотя и числящихся в составе земель сельскохозяйственного назначения по своему правовому статусу, но не использующихся. Одновременно термин «неиспользуемый» земельный участок часто упоминается в различных законодательных актах. Так, один из последних актов, посвященных этой проблеме, — постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1482 — прямо истолковывает признаки, по которым земельный участок можно считать неиспользуемым.

В состав таких земель могут входить заброшенные земельные участки, то есть земли, на которых по тем или иным причинам не осуществляется аграрная деятельность. Или, например, бесхозные земельные участки, то есть участки, собственник которых неизвестен, либо участки от права собственности, от которых собственник отказался.

Основываясь на сформулированных определениях, можно выделить главные причины появления «бесхозных» земельных участков и классифицировать их следующим образом.

1. Социальные причины. К этой группе причин следует отнести миграцию населения, отток населения из небольших населенных пунктов в крупные города

и мегаполисы, смертность населения в пределах территории того или иного населенного пункта. Формулировка данной группы причин обусловлена тем, что в сельской местности представлен малый рынок труда, поэтому трудоспособное население переселяется в города, где уровень безработицы значительно ниже, оставляя принадлежащие им на праве собственности земельные участки пустующими, то есть фактически бесхозными. Кроме того, к этому ряду причин следует отнести и связь с неудовлетворительным состоянием инфраструктуры, трудными условиями жизни и деятельности граждан, к примеру, в отдельной сельской местности. Урбанизация — глобальная проблема, которая прослеживается в мире в целом. Но в нашей стране из-за большой протяженности территорий данный процесс проявляется особенно негативно.

2. Юридические причины, то есть отсутствие должного и актуального земельного законодательства при сложившихся земельных отношениях, юридическая несостоятельность законодательного механизма управления земельными ресурсами на различных административно-территориальных уровнях вследствие отсутствия органа управления земельными ресурсами. Существуют и правовые ограничения (препятствия) для потенциальных 30 наследников умершего владельца земельного участка. Возможен отказ наследников от принятия наследства.

3. Территориальные причины, то есть фактическое неудобство местоположения того или иного земельного участка для владельца последнего.

Однако, возвращаясь к термину «неиспользуемый земельный участок» и рассматривая его в широком смысле, а не по отношению к землям определенной категории, необходимо отметить, что неиспользуемой может считаться земля, не только не используемая в сельскохозяйственном обороте, но и земля, даже не вошедшая в гражданский оборот как таковой. Объясняя данную позицию, стоит сделать акцент на том, что закон не содержит понятия гражданского оборота. Однако из содержания ст. 129 Гражданского кодекса (ГК) РФ следует, что «оборотоспособность» есть свобода отчуждения и перехода объектов гражданских прав от одного лица к другому, с учетом активной роли этих лиц как участников гражданских правоотношений [13]. Объектами гражданских прав выступают вещи, в том числе и недвижимое имущество, к которому, в свою очередь, отнесены и земельные участки. Поэтому целесообразно будет рассмотреть вопрос о том, с какого момента можно говорить о возникновении земельного участка как недвижимой вещи.

Приведем четыре случая возникновения нового земельного участка:

а) выделение участка из публичных земель. Данный случай возникает, если то или иное публичное образование выделяет из своей публичной собственности некую его часть, а затем определяют границы выделенной части, образуя цельный земельный участок. Далее, чтобы ввести образованный участок в гражданский оборот, публичное образование регистрирует участок. Затем распоряжаются образованным имуществом;

б) выделение из частных земель. Подразумевается, что в данном случае новый участок может быть образован путем «реорганизации» частного земельного участка, то есть необходима государственная регистрация права собственности;

в) естественное возникновение. Подразумевается, что новая территория образуется путем обмеления рек, озер, изменения береговой линии водных объектов, то есть будет исключено прямое антропогенное вмешательство;

г) создание нового земельного участка. Иными словами, стоит учитывать и то, что земельный участок можно создать путем прямого антропогенного вмешательства: будет образован искусственно созданный земельный участок. В осталь-

ном же подобный участок также подлежит государственной регистрации, независимо от способа его образования.

Итак, по итогам анализа рассмотренных выше вариантов можно проследить закономерность: обязательность регистрации в едином государственном реестре. Из множества мнений верным будет такое, которое предусматривает момент возникновения земельного участка как момент внесения информации об участке в реестр прав на недвижимые вещи путем регистрации первого права собственности на участок. Это можно сделать только после кадастрового учета участка, то есть установления его границ. До регистрации данный участок можно признать участком «неучтенным». В свою очередь, для неучтенных земель, так как они не введены в оборот, не установлена их категория, а значит, и не определены виды разрешенного использования, то есть, данные земли не используются. Исходя из этого, понятие «неучтенные земли» по своему смыслу уже понятия «неиспользуемые земли», и первое можно включить во второе.

Целесообразно ли сегодня говорить о возникновении неучтенных земель? Вопрос является злободневным еще и потому, что в связи с обширными территориями в нашей стране появление в тех или иных регионах новых участков — это лишь вопрос времени. Между тем их учет практически не ведут. В настоящее время в том числе и в документах, публикуемых Федеральной службой государственной статистики, данные об этом отсутствуют, а значит, логичным становится вывод: появление таких земель не отслеживается, а их учет не производится. Это — еще одна проблема.

Однако, если рассмотреть в качестве примера опыт отслеживания не только неучтенных земель, но и объектов недвижимости в целом, можно отметить, что в Московской области с 2017 г. в рамках программы «Реформы контрольной и надзорной деятельности на 2017–2025 гг.» используются мобильные средства с установленным приложением, напрямую связанным с публичной картой Росреестра, и запускаются беспилотные летательные аппараты, использование которых, в свою очередь, позволяет выявить незарегистрированные объекты недвижимости, расположенные на садовых и дачных земельных участках, индивидуального жилищного строительства, личного подсобного хозяйства. Эффективность выявления таких объектов с применением высоких цифровых технологий в 2018 г. показала увеличение поступлений налоговых отчислений в местный бюджет на 17 % [14]. Значит, можно сделать вывод о действенности данных форм отслеживания и для вновь возникших земель с целью их последующего учета и введения, в том числе и в сельскохозяйственный оборот.

Выводы

Таким образом, анализируя все вышеизложенное, можно сделать ряд выводов и внести ряд предложений.

1. При подготовке единой программы введения в оборот земель сельскохозяйственного назначения субъекты РФ должны придерживаться не только рассмотренных для получения субсидий критериев, но и устанавливать собственные критерии для первоначальной оценки качества тех или иных земельных участков, с целью определения участков, в первую очередь наиболее выгодных для их введения в сельскохозяйственный оборот, и участков, которым требуются минимальные мелиоративные и рекультивационные работы, оперативное проведение которых позволит максимально быстро и наименее затратно начать использование данных земель. Получаемые ресурсы от этого использования можно будет

направить на реализацию продолжительных мероприятий, требующихся другим землям для приведения их в должное состояние и последующего введения их в оборот.

2. В свою очередь, вовлечение в сельскохозяйственный оборот земель, не используемых по своему целевому назначению, возможно проводить с помощью доступных средств цифровизации, путем сокращения времени на обработку различной документации, поступающей в регистрирующие органы от территориальных органов субъектов РФ через электронный документооборот, с применением различных алгоритмов электронно-вычислительных систем для оперативной обработки всех пластов поступающей информации. Это в дальнейшем позволит в значительной мере и сократить время обработки, и полностью автоматизировать данный проект, и освободить рабочие руки для выполнения других, не менее важных задач.

3. Улучшенное отслеживание, своевременное обнаружение и учет вновь образовавшихся земель, определение их состояния и оперативный учет, перевод их в категории земель сельскохозяйственного назначения с использованием мобильных средств связи, а также беспилотных летательных аппаратов, спутниковой связи и их корреляция с другими государственными информационными системами — все это позволит оперативно отслеживать и реализовывать новые земельные участки еще до того момента, когда последним могут понадобиться различные восстанавливающие мероприятия. Это также уменьшит плановые государственные затраты на их восстановление и повысит доход от использования данных земель.

4. Создание отдельной межведомственной информационной системы на базе Росреестра для оперативного мониторинга земель, которая будет включать в себя все данные о работе с землями, проходящими различные промежуточные этапы по введению их в гражданский оборот и, как следствие, в оборот сельскохозяйственный, такие как: постановка их на кадастровый учет, проведение межевания, мелиорация, указание их местоположения на карте и др., то есть обеспечение органам власти наглядности и автоматизации всех процессов для тех или иных участков земли, внесение необходимых данных в режиме реального времени позволит отследить прогресс или регресс проводимых мероприятий в области вовлечения земель сельскохозяйственного назначения в оборот, а также привлечь лиц — потенциальных налогоплательщиков, заинтересованных в использовании того или иного земельного участка.

5. Более того, актуальной видится и проблема бесхозных земель, поскольку влияние различных факторов, способствующих появлению подобного вида земель, также можно значительно сократить (например, путем стимулирования (либо поощрения) собственников и арендаторов земельных участков, предоставления им льгот).

Список источников

1. Сельское хозяйство в России. 2021: стат. сборник. М.: Росстат, 2021. 102 с.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 13.02.2023).
3. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2021 году. М.: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, 2022. 206 с. URL: [https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Государственный%20\(национальный\)%20доклад%20о%20состоянии%20и%20использовании%20земель%20в%202021%20году.pdf](https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Государственный%20(национальный)%20доклад%20о%20состоянии%20и%20использовании%20земель%20в%202021%20году.pdf) (дата обращения: 13.02.2023).

4. Оборот земель // Правительство РФ: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/search/?q=%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%20%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C&dt.till=03.03.2023&dt.since=7.05.2012&sort=rel&type=> (дата обращения: 13.02.2023).
5. О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 // Министерство сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/33c/33cb65f42ba0914d4b19c0859bf32c08.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
6. Студенкова Н. А., Доброворская Н. И. Современные проблемы инвентаризации и кадастрового учета земель сельскохозяйственного назначения // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2021. Т. 3. № 2. С. 198–204. DOI: 10.33764/2618-981X-2021-3-2-198-204
7. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2021 году. М.: Росинформагротех, 2022. 356 с.
8. Протокол заседания Комиссии по отбору заявок субъектов Российской Федерации на подготовку проектов межевания земельных участков и на проведение кадастровых работ от 26 декабря 2022 г. № CX-15-255 // Министерство сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/d75/efj8fpvrksawjao1q54f547619cvbf0o.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
9. Об утверждении Порядка и критериев отбора заявок на предоставление и распределение субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на подготовку проектов межевания земельных участков и на проведение кадастровых работ, состава документов, представляемых на отбор одновременно с заявкой, а также форм и сроков представления заявок на участие в отборе: приказ Минсельхоза России от 13 октября 2021 г. № 699 // Министерство сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/364/364a82dcb3226c035cad3f8a3cae2a53.pdf> (дата обращения: 13.02.2023).
10. Землю — в доходы // Сельскохозяйственные Вести. 2018. 20 ноября. URL: <https://agri-news.ru/novosti/zemlyu-v-dohodyi/> (дата обращения: 13.02.2023).
11. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии: офиц. сайт. URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 13.02.2023).
12. Ежегодный отчет Правительства РФ в Государственной Думе // Государственная Дума РФ: офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/53999/> (дата обращения: 13.02.2023).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 13.02.2023).
14. Сеница Ю. С. Использование земель сельскохозяйственного назначения: проблемы и пути их решения // Московский экономический журнал. 2019. № 3. С. 14. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-13014

References

1. Agriculture in Russia. 2021: Stat. coll. Moscow: Rosstat; 2021. 102 p. (In Russ.).
2. Land code of the Russian Federation. Federal law of October 25, 2001 No. 136-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
3. State (national) report on the state and use of land in the Russian Federation in 2021. Moscow: The Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography; 2022. 206 p. URL: [https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Государственный%20\(национальный\)%20доклад%20о%20состоянии%20и%20использовании%20земель%20в%202021%20году.pdf](https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/Государственный%20(национальный)%20доклад%20о%20состоянии%20и%20использовании%20земель%20в%202021%20году.pdf) (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
4. Land turnover. Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/search/?q=%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%20%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C&dt.till=03.03.2023&dt.since=7.05.2012&sort=rel&type=>

- 82%20%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D1%8C&dt.till=03.03.2023&dt.since=7.05.2012&sort=rel&type= (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
5. On the State program for the effective involvement of agricultural land in circulation and the development of the reclamation complex of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation of May 14, 2021 No. 731. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/33c/33cb65f42ba0914d4b19c0859bf32c08.pdf> (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
 6. Studenkova N.A., Dobrotvorskaya N.I. Modern problems of inventory and cadastral registration of agricultural land. *Interekspo GEO-Sibir' = Interexpo GEO-Siberia*. 2021;3(2): 198-204. (In Russ.). DOI: 10.33764/2618-981X-2021-3-2-198-204
 7. Report on the state and use of agricultural land in the Russian Federation in 2021. Moscow: Rosinformagrotekh; 2022. 356 p. (In Russ.).
 8. Minutes of the meeting of the Commission for the selection of applications from constituent entities of the Russian Federation for the preparation of land surveying projects and for carrying out cadastral work dated December 26, 2022 No. CX-15-255. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/d75/efj8fpvrksawjaolq54f547619cvbf0o.pdf> (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
 9. On approval of the procedure and criteria for selecting applications for the provision and distribution of subsidies from the federal budget to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for the preparation of land surveying projects and for carrying out cadastral work, the composition of documents submitted for selection simultaneously with the application, as well as the forms and deadlines for submitting applications for participation in selection: order of the Ministry of Agriculture of Russia dated October 13, 2021 No. 699. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/364/364a82deb3226c035cad3f8a3cae2a53.pdf> (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
 10. Land for income. Sel'skokhozyaistvennye Vesti. Nov. 20, 2018. URL: <https://agri-news.ru/novosti/zemlyu-v-doxody/> (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
 11. State (national) report on the state and use of land. Official website of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography. URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
 12. Annual report of the Government of the Russian Federation in the State Duma. Official website of State Duma of the Russian Federation. URL: <http://duma.gov.ru/news/53999/> (accessed on 13.02.2023). (In Russ.).
 13. Civil code of the Russian Federation (part one). Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (In Russ.).
 14. Sinitsa Yu.S. Agricultural land use: Problems and ways of their settlement. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2019;(3):14. (In Russ.). DOI: 10.24411/2413-046X-2019-13014

Информация об авторах

Н. Н. Жильский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4;

Э. А. Шаряпова — кандидат философских наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4;

Е. С. Желнина — студент бакалавриата факультета судебных экспертиз и права в строительстве и на транспорте; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

Information about the authors

N. N. Zhilskiy — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport;
4, 2nd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russia;

E. A. Sharyapova — PhD in Philosophy, Associate Professor
at the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport;
4, 2nd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russia;

E. S. Zhelnina — bachelor student, faculty of Forensic Examinations and Law
in Construction and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg
190005, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 342.924

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-115-121

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения

Дмитрий Иванович Игнатенко^{1✉}, Давид Нугзарович Шартава²

¹ Лужский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Луга, Ленинградская область, Россия, idi13@yandex.ru✉

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, david.shartava@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании авторами рассмотрены проблемы института обеспечительных мер производства по делам об административных правонарушениях. Утверждается, что изучение данной проблематики является сегодня особенно актуальным, так как и в научном сообществе, и в правоприменительной практике отсутствует единое понимание сущности и правовой природы указанных мер. Охарактеризованы различные категории мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, выделены основные подходы к определению этого понятия и его пониманию. Меры административного принуждения разделены на группы, описаны присущие им характерные признаки и особенности.

Ключевые слова: обеспечительные меры, законодательство, уполномоченные органы, процессуальный порядок

Для цитирования: Игнатенко Д. И., Шартава Д. Н. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 115–121. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-115-121>

Original article

Measures ensuring administrative proceedings in the system of administrative coercion

Dmitry I. Ignatenko^{1✉}, David N. Shartava²

¹ Luga Institute (branch) of Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Luga, Leningrad region, Russia, idi13@yandex.ru✉

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, david.shartava@yandex.ru

Abstract. In the study, the problems of interim measures ensuring administrative proceedings were considered. Currently, this issue is of particular relevance, since both the scientific community and law enforcement practice lack a common understanding of the essence and legal nature of these measures. Various categories of measures to ensure administrative proceedings were characterized, and the main approaches to the definition of this concept and its understanding were highlighted. Measures of administrative coercion were divided into groups, with descriptions of typical features and peculiarities.

Keywords: interim measures, legislation, competent authorities, procedural order

For citation: Ignatenko D. I., Shartava D. N. Measures ensuring administrative proceedings in the system of administrative coercion. *Sociology and Law*. 2022;14(3):115-121. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-3-115-121>

Введение

Главной целью производства по делам об административных правонарушениях является справедливое и всестороннее разбирательство каждого дела. Для достижения всех целей в производстве по делам об административных правонарушениях уполномоченные лица используют множество правовых механизмов, среди которых можно выделить обеспечительные меры.

В свою очередь, роль обеспечительных мер при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях подчинена ряду определенных целей, коррелирующих с целями данного правового института. Указанный институт в рамках производства по делам об административных правонарушениях призван также обеспечить справедливое, полное и всестороннее разбирательство, направленное на соблюдение прав всех участников процесса.

Можно согласиться с утверждением о том, что «меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляют собой самостоятельную, урегулированную в законодательстве группу мер, целью которой является создание условий для полного, объективного и эффективного осуществления данного вида юрисдикционного производства» [1, с. 140]. Именно благодаря таким мерам становится возможным обеспечить наиболее комфортную среду для доказывания фактов по делам об административных правонарушениях.

Верное применение и использование указанных механизмов позволяет осуществлять наиболее справедливое рассмотрение дел в сфере производства по делам об административных правонарушениях. В связи с этим нельзя не согласиться с А. В. Колязиной, которая утверждает, что важность указанных мер обусловлена исключительной особенностью, позволяющей должностным лицам своевременно давать реакцию на противозаконное поведение [2, с. 118].

Актуальность исследования обусловлена тем, что понимание теоретических основ данного правового института, его положения в системе правового регулирования, присущих ему признаков, особенностей в рамках производства по делам об административных правонарушениях должно положительно повлиять на реализацию функций уполномоченными органами в процессе производства по таким делам. Важность изучения исследуемого вопроса находит отражение и в научной среде. В частности, А. Н. Осяк, Е. Е. Новичкова и А. В. Цвилий подтверждают данный тезис, полагая, что правоприменительная практика свидетельствует о наличии множества правовых пробелов в административном законодательстве, в том числе в аспекте норм процессуального права [3, с. 151].

Таким образом, целью настоящего исследования служит определение места мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения. На данный момент отсутствуют монографические исследования, посвященные рассматриваемым в статье проблемам. Отчасти институт обеспечительных мер представлял исследовательский интерес для таких юристов, как Д. Н. Бахрах, О. В. Виноградов, О. Н. Гапонов, А. В. Колязина, В. С. Осолыхина, В. В. Попов, О. В. Пономарев, А. Ю. Соколов и др. Данный механизм в трудах ученых рассмотрен в рамках изучения других сопутствующих проблем. Однако сегодня в научной среде отсутствует единый

подход к определению понятия обеспечительных мер и их места в правовой системе России. Учитывая изложенное, полагаем, что настоящая статья представляет собой научно-практический интерес и имеет признаки новизны.

Материалы и методы

В целях анализа указанной проблематики нами использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование) и специальные юридические (формально-юридический, юридического конструирования, технико-юридического анализа, формально-логический).

Итоги

Согласно статьям 1.3. и 1.3.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) законодательство об административных правонарушениях относится к сфере совместного ведения России и субъектов РФ. Следовательно, настоящая статья в качестве объекта исследования охватывает изучение в целом российского законодательства в указанной сфере, а полученные результаты могут быть применены в практической и научной деятельности в любом из субъектов государства.

Воздействие органов государственной власти на объекты государственного управления осуществляется преимущественно с помощью административного принуждения. В теоретических исследованиях приведены различные классификации института административного принуждения. Приведем в качестве примера некоторые позиции исследователей данного вопроса.

Как утверждают Б. В. Россинский и Ю. Н. Старилов, «традиционно выделяют три группы: меры предупредительные, меры пресечения и меры ответственности» [4, с. 558]. Однако ряд авторов категорически отказываются выделять в качестве отдельной группы обеспечительные меры. Например, Б. В. Россинский ссылается на отсутствие правовых предпосылок для выделения обеспечительных мер ввиду того, что признаки последних содержатся в составе предупредительных мер и мер ответственности [3, с. 151].

Современные специалисты, в частности А. С. Телегин, наряду с иными мерами административного принуждения, выделяют и обеспечительные меры, отмечая их несомненную эффективность, выраженную в возможности быстрого реагирования на противоправные действия [5, с. 61]. Учитывая справедливость всех позиций исследователей, мы склонны, скорее, согласиться с позицией выделения обеспечительных мер в отдельную правовую категорию мер административного принуждения. Необходимо констатировать, что законодательство выделяет в КоАП РФ отдельную главу (27) для данных мер, тем самым определяя их в качестве отдельного правового института, направленного на реализацию производства по делам об административных правонарушениях. Ввиду этого нет оснований не выделять такие меры в отдельную группу.

Законодательство РФ содержит множество вопросов относительно отсутствия дефиниций тех или иных правовых категорий. В частности, в законе не сформулировано легального определения термина «обеспечительные меры». В научной литературе также не установлен единый подход к пониманию определения исследуемого института, а имеющиеся определения неоднородны. Становится очевидным, что единое понимание дефиниции рассматриваемого правового явления способно внести правовую определенность в научных кругах и прежде всего при практическом применении данных мер [6, с. 72].

А. В. Коркин в своем исследовании приводит точку зрения, согласно которой обеспечительные меры представляют собой совокупность процессуальных действий, осуществляемых уполномоченными лицами в процессе возбуждения и разрешения дел об административных правонарушениях, обнаружения и приобщения (процессуального оформления) орудий и предметов правонарушений, выявления и установления личности правонарушителя, а также обнаружения, закрепления и приобщения доказательств по делу об административном правонарушении [7, с. 39–40].

А. С. Телегин утверждает, что обеспечительные меры прежде всего направлены на обеспечение ускоренного производства по делам об административных правонарушениях [5, с. 61]. Согласно позиции Д. А. Гришина, «меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляют собой разновидность мер административного принуждения, реализуемых компетентными государственными органами в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления» [8, с. 92–93].

Однако, учитывая вышеизложенные научные позиции, считаем, что главным недостатком этих определений является отсутствие указания на обеспечительную правовую природу данных мер, а также на основания для их применения. Представляется, что сформулировать определение, наиболее соответствующее правовой природе мер обеспечения, возможно только после анализа присущих им правовых признаков и особенностей.

Подпункты 1–13 п. 1 ст. 27.1. КоАП РФ предусматривают закрытый перечень обеспечительных мер, которые можно разделить на несколько групп. Первая группа состоит из мер по выявлению доказательств и установлению фактических обстоятельств, используемых и исследуемых при производстве по делам об административных правонарушениях. Вторая группа мер тесно связана с мерами пресечения, поскольку они прежде всего направлены на прекращение противоправного поведения. Третья группа мер нацелена на непосредственное воздействие относительно правонарушителя с целью своевременного и справедливого привлечения к административной ответственности.

С учетом этого можно утверждать, что под мерами обеспечения целесообразно понимать самостоятельный правовой институт, направленный на обеспечение производства по делам об административных правонарушениях необходимыми доказательствами с целью своевременного привлечения правонарушителей к административной ответственности. Следовательно, как верно утверждает П. В. Мешков, «максимальная эффективность применяемых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях достижима лишь в случае своевременного, комплексного и адекватного их применения, а объем и сущность применяемых мер должны находиться в прямой зависимости от санкции соответствующей меры административной ответственности» [9, с. 115].

Приведенное деление мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях указывает на отдельную детализацию каждой из предусмотренных законом мер в их взаимосвязи между собой, что в полной мере дает право называть обеспечительные меры обособленным правовым институтом. Как и любая иная система правовых механизмов, обеспечительные меры обладают рядом своеобразных признаков.

Прежде всего укажем, что применение обеспечительных мер направлено на реализацию строго определенных целей. Это следует из п. 1 ст. 27.1. КоАП РФ, в котором выделены следующие цели:

- пресечение административного правонарушения;
- установление личности нарушителя;
- составление протокола об административном правонарушении;
- обеспечение правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления.

Между тем нельзя не обратить внимание на то, что данные меры административного принуждения могут применяться не только при правонарушении, но и при наличии признаков правонарушения. Можно заключить, что правовая природа обеспечительных мер не сводится к применению санкций к правонарушителю, а направлена на реализацию нормального порядка административного производства.

Меры обеспечения применяются, помимо правонарушителей и лиц, действия которых содержат признаки правонарушения, и к лицам, задействованным в производстве по делу об административном правонарушении. В частности, применение такой меры, как привод, становится возможным и в отношении свидетеля по делу.

В указанных обстоятельствах ограничение прав лица, не совершавшего правонарушение, является аналогичным ограничению прав правонарушителя. Однако стоит упомянуть утверждение А. Ю. Соколова и В. В. Попова о том, что подобные обеспечительные меры не носят постоянного характера. В связи с этим нельзя утверждать, что их правовая природа противоречит принципу невиновности [6, с. 76]. Действительно, наличие ряда ограничений, связанных с применением обеспечительных мер, вполне коррелируется с данным принципом, поскольку обеспечительные меры могут быть применены в случаях, если возникнет необходимость в защите законных интересов граждан и государства.

Обеспечительные меры могут быть использованы только в рамках административного расследования и на иных стадиях производства по делам об административных правонарушениях. Указанные меры исключены после вынесения постановлений о назначении административного наказания или о прекращении производства. Уместно сделать акцент на точке зрения А. Ю. Соколова и В. В. Попова о том, что указанные меры должны в первую очередь осуществлять обеспечение производства по делам об административных правонарушениях и не заменять собой функции административной ответственности [6, с. 74]. В большинстве случаев обеспечительные меры служат предпосылкой для дальнейшего применения мер ответственности к правонарушителю. В частности, применение меры административного задержания направлено на реализацию меры наказания в виде административного ареста.

Таким образом, в рамках изучения настоящей проблематики нами рассмотрены различные категории мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, выделены основные подходы к определению и пониманию исследуемого понятия, меры административного принуждения разделены на группы и указаны присущие им характерные признаки и особенности.

С учетом вышеизложенного правового анализа можно утверждать, что проблема отсутствия единого подхода к выделению мер обеспечения в отдельную группу мер административного принуждения является в наибольшей степени теоретическим вопросом. В свою очередь, законодательство однозначно выделяет в КоАП РФ отдельную главу для данных мер, тем самым определяя соответствующие меры в качестве отдельного правового института.

Разделение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях на отдельные группы говорит о высокой детализации каждой из предусмотренных законом мер в их взаимосвязи между собой. Это вполне обоснованно дает право называть обеспечительные меры обособленным правовым институтом.

Проведенная аналитическая работа по изучению признаков и особенностей исследуемого правового института свидетельствует о том, что обеспечительные меры являются законодательно закрепленным способом принуждения, применяемым уполномоченными органами исполнительной власти, которые реализуются на основании определенных в законе случаев, а также процессуальным способом реализации института административной ответственности. Присущие обеспечительным мерам внутренние признаки определяют данную правовую категорию в качестве обособленного юридического института.

Список источников

1. Колязина А. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 139–143.
2. Колязина А. В. Меры административного пресечения, применяемые органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере, и их должностными лицами // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 116–122.
3. Осяк А. Н., Новичкова Е. Е., Цвилий А. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Юрист-Правовед. 2020. № 4 (95). С. 150–155.
4. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 926 с.
5. Телегин А. С. Меры административно-процессуального принуждения: некоторые вопросы применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 60–67.
6. Соколов А. Ю., Попов В. В. Мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: понятие и признаки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 6 (89). С. 72–79.
7. Коркин А. В. Процессуальность как признак мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 37–42.
8. Гришин Д. А. Некоторые вопросы правового регулирования и механизма реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях должностными лицами УИС // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2 (77). С. 92–95.
9. Мешков П. В. К вопросу о понятии мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Инновационная наука. 2018. № 6. С. 113–115.

References

1. Kolyazina A.V. Measures of maintenance of proceedings on affairs about administrative offences, applicable by state control and supervision bodies in the sphere of housing and communal services. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2017;(2):139-143. (In Russ.).
2. Kolyazina A.V. Administrative restraint measures applied by the state control and supervision bodies in the housing and utilities sphere and their officials. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2018;(1):116-122. (In Russ.).
3. Osyak A.N., Novichkova E.E., Tsviliy A.V. Protective measures of legal proceedings on administrative violations. *Yurist-Pravoved*. 2020;(4):150-155. (In Russ.).

4. Rossinskii B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. Moscow: Norma; Infra-M; 2010. 926 p. (In Russ.).
5. Telegin A.S. Administrative and procedural enforcement measures: Some of the application issues. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2014;(1):60-67. (In Russ.).
6. Sokolov A.Yu., Popov V.V. Provision procedure measure of administrative offences cases: Concept and features. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2012;(6):72-79. (In Russ.).
7. Korkin A.V. Procedurality as a characteristic of measures for ensuring the proceedings in cases concerning administrative offenses. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2017;(4):37-42. (In Russ.).
8. Grishin D.A. Some questions of legal regulation and the mechanism of realization of measures of proceedings provision on affairs of administrative offences committed by the penal officials. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*. 2012;(2): 92-95. (In Russ.).
9. Meshkov P.V. On the issue of the concept of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*. 2018;(6): 113-115. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. И. Игнатенко — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения; 188230, Ленинградская область, Луга, Володарского пр., д. 52а;
Д. Н. Шартава — аспирант кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. I. Ignatenko — Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Law; 52A Volodarskogo Ave., Luga, Leningrad region, 188230, Russia;

D. N. Shartava — postgraduate student at the Department of Administrative Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 342.951

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-122-130

Основания административной ответственности юридических лиц в России: отдельные вопросы публично-правовых наук

Дмитрий Андреевич Макаров^{1✉}, Николай Петрович Маюров²,
Елена Александровна Иншакова³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ dim36817245@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3484-4637>

² mayurov2010@mail.ru

³ inshakova@mail.ru

Аннотация. В статье исследована проблематика административной ответственности юридических лиц в Российской Федерации. Рассмотрены вопросы, связанные с административной ответственностью юридических лиц публичного права. Прослеживается соотношение административной ответственности юридического лица и его должностных лиц. Изучены аспекты разрешения проблемы формы вины юридического лица и ее соответствия формам вины его должностных лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, юридическое лицо, умысел, неосторожность, формы вины, штраф, производство по делам об административных правонарушениях

Для цитирования: Макаров Д. А., Маюров Н. П., Иншакова Е. А. Основания административной ответственности юридических лиц в России: отдельные вопросы публично-правовых наук // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 122–130. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-122-130>

Original article

Grounds for administrative liability of legal entities in Russia: Selected issues of public law sciences

Dmitriy A. Makarov^{1✉}, Nikolay P. Mayurov², Elena A. Inshakova³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ dim36817245@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3484-4637>

² mayurov2010@mail.ru

³ inshakova@mail.ru

Abstract. The paper examines the problems of administrative liability of legal entities in the Russian Federation. The issues related to the administrative liability of legal entities of public law were considered. The correlation between the administrative liability of a legal entity and its officials was found. Aspects of the form of guilt of a legal entity and its correspondence to the forms of guilt of its officials were studied.

Keywords: administrative liability, administrative offence, legal entity, intent, negligence, forms of guilt, fine, proceedings on administrative offences

© Макаров Д. А., Маюров Н. П., Иншакова Е. А., 2023

For citation: Makarov D. A., Mayurov N. P., Inshakova E. A. Grounds for administrative liability of legal entities in Russia: Selected issues of public law sciences. *Sociology and Law*. 2023;15(1):122-130. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-122-130>

Введение

Административная ответственность юридических лиц является одним из основных видов юридической ответственности, к которой привлекают хозяйствующих субъектов, наряду с гражданско-правовой. Организации, имеющие правовой статус юридического лица, привлекают к ответственности при совершении административных правонарушений, связанных с несоблюдением установленных административных нормативных правил в области промышленности и энергетики, связи и информации, предпринимательской деятельности, антимонопольного законодательства, финансов, налогов, рынка ценных бумаг, таможенного дела, транспорта, экологии и др.

Правовой статус юридического лица как участника административно-деликтных правоотношений обладает значительными особенностями, проистекающими из того, что юридическое лицо является коллективным субъектом права. По умолчанию субъектом административной ответственности выступает именно физическое лицо. Юридическое лицо становится субъектом административной ответственности лишь в случаях, указанных в нормах особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). Объектом исследования служат общественные отношения, связанные с привлечением юридических лиц к мерам административной ответственности за совершение административных правонарушений, предметом — нормы законодательства об административных правонарушениях, определяющие правила привлечения юридических лиц к административной ответственности.

Материалы и методы

В научном исследовании применены различные научные методы, используемые в юриспруденции и других науках. Среди них — методы юридической формализации, статистические, сбора фактов и др. Использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, др. Нормативной основой исследования послужили законодательные акты и иные источники права, содержащие нормы, регулирующие правоотношения, связанные с привлечением к административной ответственности юридических лиц. В целом исследование проведено на базе материалов современного российского законодательства и судебной практики в области привлечения юридических лиц к административной ответственности. Среди основных проблем современного нормативного регулирования административной ответственности юридических лиц необходимо выделить следующие: 1) определение формы вины юридического лица в совершении административного правонарушения; 2) взаимосвязь формы вины юридического лица и его должностных лиц; 3) привлечение к административной ответственности юридических лиц публичного права и др.

Результаты

Изучение проблем административной ответственности юридического лица определяется рядом факторов. Юридическое лицо выступает коллективным субъектом права. Оно является организацией, к которой неприменимы многие

наказания, по своей природе применимые только к физическому лицу. Вместе с тем организация — это место работы для физических лиц, ряд из которых обладают правовым статусом должностного лица [1, с. 15]. В результате в ряде случаев складывается неопределенная ситуация в квалификации одновременно административной ответственности юридического и должностного лица за одно и то же административное правонарушение. Означает ли это, что виновность организации складывается как результат виновности деяний, совершенных его должностными лицами? На этот вопрос в случае привлечения юридического лица к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренного нормами Налогового кодекса (НК) РФ, можно ответить утвердительно. Но в случае привлечения юридического лица к мерам сугубо административной ответственности нельзя однозначно ответить на данный вопрос, ситуация становится более сложной. Привлечение юридического лица к административной ответственности за совершение административного правонарушения не исключает привлечения к административной ответственности его должностных лиц. Привлечение к административной ответственности должностных лиц организации не исключает административной ответственности юридического лица. В результате к административной ответственности могут быть привлечены отдельно и должностные лица юридического лица, юридическое лицо, а также одновременно юридическое лицо и его должностные лица.

В России господствует концепция об индивидуальности вины лица в совершении противоправного деяния. Если лицо могло не совершать противоправное деяние и имело возможность соблюдения нормативных предписаний, однако такое деяние допущено, то оно должно быть привлечено к мерам административной ответственности [2, с. 26].

Но в судебной практике часто возникают случаи, связанные с проблемами установления формы вины правонарушителя. Состав административного правонарушения, как правило, является формальным, и оно не связано со значительным ущербом. Однако вопрос о форме вины при совершении правонарушения выступает важным фактором при квалификации деяния. В частности, административное правонарушение может быть совершено умышленно или по неосторожности. Административное правонарушение признают совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично. Административное правонарушение признают совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий либо не предвидело возможности их наступления, хотя должно было и могло их предвидеть в соответствии со ст. 2.2 КоАП РФ.

Сложно оценивать вопрос о безразличности отношения юридического лица как коллективного субъекта права к совершаемому деянию. У него нет собственной психики, что является уделом сугубо физического лица. Вопросы о предвидении и самонадеянности также в действительности не могут возникнуть. В данном случае речь идет о существовании юридической фикции в отношении определения осознания поведения юридическим лицом. Доказать виновность можно из факта совершения деяния, а также из того, что информация о противоправности известна или должна была быть известна юридическому лицу в момент его совершения. Кроме того, оно имело возможность избежать совершения противоправного деяния. В результате квалификация деяния с наличием

субъектной стороны, в том числе и у юридического лица, становится возможной [3, с. 14].

Но в полной мере проблему решить в итоге нельзя. В ряде статей КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за умышленное или неумышленное административное правонарушение. Каким образом можно разграничить умышленно совершенные юридическим лицом деяния и неумышленно совершенные им деяния? Безразлично или не безразлично относилось юридическое лицо к последствиям совершенного деяния? Если оно не имело корыстной мотивации в совершении административного правонарушения, то можно говорить о совершении деяния неумышленно [4, с. 20]. Но в действительности ситуация более сложна. Мотивация в совершении деяния может быть и парадоксальной. Например, совершение противоправного деяния юридическим лицом может иметь такую цель, как причинение имущественного ущерба компании. Ввиду злоупотребления полномочиями руководитель компании может действовать против интересов ее собственников. Речь идет о конфликте интересов, если менеджмент действует в противоречии с интересами собственников, но в интересах конкурентов, тем самым занижая рыночную стоимость компании. Речь может идти и о выписывании юридическим лицом так называемых бронзовых векселей. Выдаваемые ценные бумаги о погашении несуществующего долга могут привести организацию к преднамеренному банкротству. Мотивация должностных лиц организации может входить в противоречие с логикой должного поведения организации, чья деятельность заключается в извлечении прибыли [5, с. 22].

Так, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что следует учитывать сопоставимость виновности должностных лиц юридического лица и юридического лица для решения вопроса об установлении формы вины юридического лица как умышленной или неумышленной. В постановлении Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П, посвященном решению вопросов о соответствии Конституции РФ ряда статей КоАП РФ в рамках рассмотрения дела о привлечении юридического лица за административные правонарушения в области транспорта, указано, что необходимо учитывать форму вины должностных лиц организации.

Юридическое лицо только в тех случаях должно нести административную ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное умышленно, если установлен умышленный характер действий (бездействия) должностных лиц (работников) данной организации. Обратим внимание на то, что Конституционный Суд РФ указал на деяния, совершаемые не только должностными лицами организации, но и другими ее работниками. Должностные лица как специальные субъекты права должны были обладать властными исполнительно-распорядительными полномочиями. Но речь в данном случае идет в целом о работниках этой организации. Они могли быть привлечены к административной ответственности не только как должностные лица данного юридического лица. Наказание для них могло последовать и в соответствии с другими статьями КоАП РФ, а не только на основании статей КоАП РФ по которым было привлечено к административной ответственности юридическое лицо [6, с. 54]. Например, в случаях нарушений, связанных с эксплуатацией транспорта, работой различного оборудования, нарушений правил дорожного движения и др. В результате совершения этих деяний может возникнуть состав административного правонарушения, за совершение которого к ответственности привлечено это юридическое лицо. Данные должностные лица, а также работники ответственны (в постановлении Конституционного Суда РФ подразумевается

факт привлечения их к мерам административной ответственности помимо юридического лица) за исполнение требований по обеспечению транспортной безопасности. Такой вывод уже должен был быть надлежащим образом мотивирован в постановлении по делу об административном правонарушении организации.

Является возможным привлечение к административной ответственности и в других случаях, если доказан умышленный характер деяния должностных лиц и иных работников организации, ответственных за исполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, из обстоятельств дела не усматривается. Как изначально указано в КоАП РФ, существовала возможность соблюдения нормативных требований, но юридическим лицом не были приняты все зависящие от него меры для их исполнения. В данном случае административная ответственность организации должна наступать исключительно за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности, совершенное по неосторожности. Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П прямо определена презумпция виновности юридического лица как виновности по общему правилу, выраженной в форме неосторожности. Умышленный характер вины юридического лица необходимо устанавливать исходя из умышленной формы вины должностных лиц и иных работников юридического лица, уже привлеченных к административной ответственности.

Следующим важным фактором, связанным с определением основания административной ответственности, служит изучение норм сугубо гражданского законодательства. Правовой статус организации как юридического лица определяется нормами Гражданского кодекса (ГК) РФ, за исключением правового положения «юридических лиц публичного права». Организация должна иметь гражданскую правосубъектность [7, с. 45]. При этом не каждая организация, обладающая гражданской правосубъектностью, может быть привлечена к административной ответственности (например, если речь идет о филиалах и представительствах как российских, так и международных организаций). Не становятся субъектами административной ответственности и организации, не зарегистрированные в качестве юридического лица. Среди них — общественные организации, религиозные объединения, товарищества собственников жилья (ТСЖ), которые могут быть не созданы в правовом статусе юридического лица.

В подобных случаях при решении вопроса о привлечении к административной ответственности за совершение административного правонарушения правоприменитель сталкивается со значительными трудностями. Факт нарушения норм административного законодательства присутствует. Необходимо определить, кто должен нести ответственность за содеянное. В ситуации, связанной с филиалами и представительствами, ответственность будет возложена на юридическое лицо, чьи структурные подразделения допустили нарушение законности. Но в остальных случаях к ответственности будут привлечены должностные лица и работники организации, не имеющей статуса юридического лица. Между тем ответственность должна быть возложена на данных лиц не как на имеющих отношение к организации, не обладающей статусом юридического лица, а как на физических лиц за совершенное деяние (например, в случае административной ответственности за нарушение законодательства о городском благоустройстве в процессе деятельности работников ТСЖ).

Обсуждения

Отдельно следует рассмотреть проблему привлечения к административной ответственности юридических лиц публичного права. В их числе — как лица,

упомянутые в нормах ГК РФ (например, государственные корпорации), так и лица, чье положение базируется на основе специально изданного в отношении них нормативно-правового акта (Центральный банк РФ, Министерство обороны РФ и др.).

К юридическим лицам публичного права следует отнести различные общественные объединения и учреждения, государственные и муниципальные учреждения, созданные в области образования, культуры, здравоохранения, научно-исследовательские институты, государственные учебные заведения и т. п. Их нормативное регулирование находится на стыке норм гражданского и административного права. Следует упомянуть профессиональные союзы и политические партии. Данные юридические лица создают с целью выполнения управленческих, социально-политических, образовательных и иных функций, при этом они не имеют своей целью извлечение прибыли. Участие в гражданском обороте определено необходимостью выполнения уставных задач. Они несут административную ответственность на общих основаниях и отвечают своим обособленным имуществом.

Но основную категорию со специфическим правовым статусом составляют различные органы государственной и муниципальной власти. По их обязательствам, в том числе в вопросе уплаты штрафов, ответственность будет нести казна. В результате возникает вопрос о применении санкций в отношении, например, Федеральной налоговой службы России, подчиняющейся Министерству финансов РФ в области уплаты административного штрафа. Денежный платеж при уплате административного штрафа будет проведен по счетам бюджета Казначейством через Центральный банк РФ, который их обслуживает, имея один и тот же адресат получателя и плательщика платежа. Из казны и в казну будет происходить зачисление денежных средств с отражением их движения на разных статьях доходной и расходной частей бюджета. Ситуация с правовой позиции парадоксальна.

При этом в отношении Банка России действует положение о том, что данная организация, помимо того, что является кредитной организацией, выступает важнейшим органом государственной власти в области денежно-кредитного регулирования. Центральный банк РФ не отвечает по обязательствам Правительства РФ, а Правительство РФ не отвечает по обязательствам Центрального банка РФ. Следовательно, Банк России может нести ответственность за совершение административного правонарушения подобно и иной кредитной организации.

Органы государственной и муниципальной власти в большинстве случаев обладают правовым статусом юридического лица, и по общим основаниям они могут быть привлечены к мерам административной ответственности при указании на это в статье специальной части КоАП РФ применительно к составу административного правонарушения. Но возникает ряд вопросов об определении компетенции органов исполнительной власти при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Орган исполнительной власти обладает правом на производство по делам об административных правонарушениях, но в данном случае парадоксальным образом привлечен к административной ответственности будет именно он. В итоге возникает вопрос о соподчиненности органов исполнительной власти, наличии у них контрольно-надзорных полномочий по отношению друг к другу [8, с. 55].

Можно привести следующий пример. Так, ч. 4 ст. 13.12 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за использование несертифицированных средств, предназначенных для защиты информации, составляющей государственную тайну. Ситуация по сути является парадоксальной. К мерам административной ответственности можно привлечь Министерство обороны РФ,

Службу внешней разведки РФ, Федеральную службу безопасности (ФСБ) РФ. Вместе с тем эти ведомства обладают правом производства по данным делам. Дела об административных правонарушениях по ч. 4 ст. 13.12 КоАП РФ рассматривают должностные лица органов, осуществляющих контроль за обеспечением защиты государственной тайны в соответствии с положениями ст. 23.45 КоАП РФ.

Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения безопасности, является ФСБ РФ. Ее статус определен Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и Указом Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации». Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обороны, выступает Министерство обороны РФ. Его статус определен Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082 (с изменениями от 5 сентября 2005 г.) «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации». Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области внешней разведки, является Служба внешней разведки РФ. Ее статус определен Федеральным законом от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке». Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, выступает Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) России. Ее статус определен Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» (с изменениями и дополнениями). ФСТЭК России подведомственна Минобороны России. Руководство данными органами власти осуществляет Президент РФ.

Выводы

Итак, особенности оснований привлечения юридических лиц к мерам административной ответственности заключаются в следующем. По умолчанию субъектом административной ответственности в соответствии с нормами КоАП РФ является физическое, а не юридическое лицо. Юридические лица привлекаются к мерам административной ответственности в случаях, определенных статьями Особенной части КоАП РФ. Позиция о том, что административная ответственность юридического лица наступает одновременно и независимо от административной ответственности его должностных лиц, представляется не совсем верной. Действительно, в ряде случаев это допустимо. Но институционально административная ответственность юридического лица напрямую связана с административной ответственностью ее должностных лиц. При этом определяющее значение принадлежит не фактическим основаниям совершенного деяния, не объективной стороне, а субъективной. Следует считать по умолчанию форму вины юридического лица в качестве совершения деяния по неосторожности. Однако, если ответственность наступает только за умышленно совершенное деяние, то привлечь юридическое лицо к мерам административной ответственности представляется возможным лишь при привлечении к административной ответственности ее должностных лиц и работников, что косвенно следует из решений Конституционного Суда РФ.

Требует своего разрешения вопрос об административной ответственности юридических лиц публичного права. Формально, если орган государственной власти обладает правовым статусом юридического лица, то на него распространяются нормы относительно юридической ответственности юридических лиц.

Неразрешенными остаются несколько проблем. В частности, взыскание штрафа по обязательствам его уплаты в казну с учетом того, что и по обязательствам органа государственной власти отвечает казна. Другая проблема состоит в том, что орган исполнительной власти обладает полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, а ссылка на то, что дела в отношении одного органа исполнительной власти должны быть рассмотрены другим органом исполнительной власти, не всегда правомерна. Последнее утверждение следует из того, что несколько органов исполнительной власти могут осуществлять производство по одному и тому же делу об административном правонарушении и не могут этого делать в отношении друг друга. В результате будет справедливым утверждение о том, что органы исполнительной власти не могут нести административную ответственность за административные правонарушения на общих основаниях с другими юридическими лицами.

Список источников

1. Дригола Э. В. Ответственность за превышение полномочий, составляющих компетенцию субъектов административной власти // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. С. 120–125.
2. Чиркин В. Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права? // Государство и право. 2006. № 5. С. 22–26.
3. Щербакова Ю. В. К вопросу о министерстве как юридическом лице // Законодательство и экономика. 2003. № 10. С. 13–16.
4. Усков О. Ю. Проблемы гражданской правосубъектности государственных органов и органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 27–36.
5. Тен А. Л. Теоретико-правовые проблемы государственной регистрации органов государственной власти в качестве юридических лиц // Административное право и процесс. 2006. № 4. С. 30–34.
6. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 2011. 356 с.
7. Актуальные проблемы административной ответственности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 25 мая 2012 г.) / под ред. Ю. П. Соловья. Омск: Омский юридический институт, 2012. 190 с.
8. Антонова Е. Ю. Административная ответственность юридических лиц — «испытательный полигон» для корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Законодательство. 2011. № 5. С. 81–87.

References

1. Drigola E.V. Responsibility for exceeding the powers constituting the competence of the subjects of administrative power. In: Avak'yan S.A., ed. Constitutional and legal responsibility: Problems of Russia, the experience of foreign countries. Moscow: MSU Publ.; 2001:120-125. (In Russ.).
2. Chirkin V.E. Whether there is necessity of the notion of juridical person of public law? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2006;(5):22-26. (In Russ.).
3. Shcherbakova Yu.V. On the issue of the ministry as a legal entity. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 2003;(10):13-16. (In Russ.).
4. Uskov O.Yu. Problems of civil legal personality of state bodies and local self-government bodies. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2003;(5):27-36. (In Russ.).
5. Ten A.L. Theoretical and legal problems of state registration of public authorities as legal entities. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2006;(4): 30-34. (In Russ.).
6. Rogacheva O.S. The effectiveness of the norms of administrative and tort law. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 2011. 356 p. (In Russ.).

7. Solovei Yu.P., ed. Actual problems of administrative responsibility. Proc. All-Russ. sci.-pract. conf. (Omsk, 25 May, 2012). Omsk: Omsk Law Institute; 2012. 190 p. (In Russ.).
8. Antonova E.Yu. Administrative liability of legal entities — “test site” for introducing corporate criminal liability. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2011;(5):81-87. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Макаров — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. П. Маюров — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Е. А. Иншакова — аспирант кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. A. Makarov — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. P. Mayurov — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Administrative Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

E. A. Inshakova — postgraduate student at the Department of Administrative Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 342.924

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-131-138

Теоретико-правовые аспекты понимания дефиниций дисциплинарной ответственности

Антонина Борисовна Черных¹✉, Никита Вадимович Остудин²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

² Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России, Москва, Россия

¹ antonina_komar@mail.ru✉

² ostudin92@mail.ru

Аннотация. Авторами проведен анализ особенностей привлечения к дисциплинарным взысканиям в организациях различного вида. Утверждается, что с учетом неоднозначности и разночтений в этой области необходимо осуществлять эффективную юридическую оценку в отношении каждого работодателя. Вместе с тем нельзя забывать и об общих принципах, провозглашенных в нормативно-правовых актах различного уровня. Возникают и вопросы философского характера относительно справедливости примененных мер дисциплинарного воздействия. Важную роль играет и анализ спорных ситуаций, а также проблема выхода из них. В статье приведен пример из практики в контексте темы исследования, связанный с наложением дисциплинарного взыскания в федеральном органе исполнительной власти. В качестве такого органа выбрано Министерство Российской Федерации по делам гражданского оборона, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Различные прецеденты и разночтения в некоторых нормативно-правовых актах порождают новые области интересов как для юридической науки в целом, так и для отдельных ее отраслей. При подготовке настоящей статьи авторами использован ряд методов, присущих юридическим исследованиям, в частности общие методы, методы анализа, философские методы.

Ключевые слова: трудовое право, дисциплинарная ответственность, прикладные аспекты

Для цитирования: Черных А. Б., Остудин Н. В. Теоретико-правовые аспекты понимания дефиниций дисциплинарной ответственности // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 131–138. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-131-138>

Original article

Theoretical and legal aspects of understanding definitions of disciplinary responsibility

Antonina B. Chernykh¹✉, Nikita V. Ostudin²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² National Center for Crisis Management of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia

¹ antonina_komar@mail.ru✉

² ostudin92@mail.ru

Abstract. The authors analyzed the peculiarities of bringing disciplinary penalties in organizations of various types. Given the ambiguities and variations in this area, an effective legal assessment must be made of each employer. However, general principles enshrined in normative legal acts of various levels must not be forgotten. In addition, philosophical questions arise as to the fairness of the disciplinary measures imposed. Moreover, the analysis of controversial situations and the way out plays an important role. The paper gives an example from practice within the research related to the imposition of disciplinary penalties in the federal executive authority. The Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies, and Elimination of Consequences of Natural Disasters was chosen as such an authority. The various precedents and discrepancies in certain regulations create new areas of interest for legal science as a whole and for its separate branches. In preparing this paper, the authors used several methods inherent in legal research, in particular, general methods, methods of analysis, and philosophical methods.

Keywords: labor law, disciplinary responsibility, applied aspects

For citation: Chernykh A. B., Ostudin N. V. Theoretical and legal aspects of understanding definitions of disciplinary responsibility. *Sociology and Law*. 2023;15(1):131-138. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-131-138>

Введение

Тема настоящей статьи, на наш взгляд, сегодня особенно актуальна, поскольку связана с проблемой привлечения к дисциплинарной ответственности в контексте трудового права и законодательства Российской Федерации (РФ). В первую очередь нами раскрыты общие принципы и подходы к указанной проблеме. К тому же проведен анализ сопутствующего вопроса о дисциплинарной ответственности в рамках выполнения трудовых функций на государственной службе.

Дисциплинарная ответственность — важный аспект в любом трудовом коллективе, поскольку этот фактор напрямую зависит от эффективности выполнения поставленных задач и работоспособности компании в целом. Актуальным остается и вопрос соизмеримости назначаемого наказания совершаемому проступку. В этой связи появляется почва и предмет для многих дискуссий, даже научных исследований. Прежде всего попытаемся раскрыть сущность базовых понятий и принципов привлечения к дисциплинарной ответственности.

Теория

Трудовой кодекс (ТК) РФ устанавливает общие правила возникновения правоотношения между сотрудником и руководителем. В связи с этим возникает такое понятие, как дисциплина труда, определяющее Правила внутреннего трудового распорядка в компании и в целом предусмотренные законом правила. Нормативный локальный акт в данном случае это — в первую очередь разработанные на предприятии или в организации Правила внутреннего трудового распорядка. Непосредственным актом принятия должностным лицом этих Правил и связанных с этим должностных обязанностей является личная подпись работника. Подписывая их, сотрудник соглашается на установленные Правила и обязуется их соблюдать.

Так, согласно письму Минтруда РФ от 16 сентября 2016 г. № 14-2/В-888, в Правилах внутреннего трудового распорядка, локальных нормативных актах или трудовом договоре могут содержаться положения, предусматривающие недопустимость грубых, резких выражений в общении с коллегами или клиентами. Это означает, что к работнику, нарушающему данные положения, работодатель может применить меры дисциплинарного воздействия [1].

Результаты и обсуждение

Согласно ст. 192 ТК РФ выделено несколько видов дисциплинарных взысканий. Чаще всего работники сталкиваются с понятием общей дисциплинарной ответственности, которая предполагает следующие меры воздействия: замечание, выговор и увольнение [2]. Однако порой работодатели по-своему трактуют эти вопросы и могут устанавливать свои виды дисциплинарных взысканий. В частности, применяют строгий выговор, который не входит в понятие общей дисциплинарной ответственности, а относится к специальным мерам, действует лишь в отношении отдельных категорий работников и не может распространяться на всех. Используют и так называемые несуществующие дисциплинарные меры, то есть депремирование или штрафы. Применение их на практике само по себе является нарушением. Главное правило, которое требует неукоснительного соблюдения и которое важно выполнять, гласит о том, что все применяемые меры дисциплинарных взысканий по своим формулировкам должны строго соответствовать трудовому законодательству РФ.

Относительно такой меры, как увольнение, можно отметить, что возникающие вопросы очевидны и что все они регулируются ст. 81 ТК РФ. Иной и более сложной представляется ситуация, связанная с практическим применением мер взыскания — замечания и выговора. Не всегда получается структурировать и формализовать подобного рода аспекты. Например, правовая доктрина оставляет на усмотрение работодателя выбор меры взыскания и в целом не регламентирует то, в каких случаях следует применять замечание, а в каких — выговор. При этом существует прямое указание на неравнозначность этих мер. Основная проблема состоит в том, что ни для замечания, ни для выговора нет конкретных критериев применения и нет строго понимаемых отличий. Статья 192 ТК РФ [2] дает нам понимание исключительно о перечне дисциплинарных взысканий. Между тем степень строгости не учитывается, не разъясняется связь (корреляция) и степени вины работника с выбранной мерой дисциплинарного воздействия в отношении него. Согласно проведенным авторами настоящего исследования опросам, многие работодатели предполагают, что «степень наказания соответствует порядку изложения способов в нормативно-правовом акте». Это мнение с правовой точки зрения выглядит как минимум необоснованно. В правовой доктрине предполагается, что работодатель вправе обосновать разницу между замечанием и выговором в локальном нормативном акте, аргументируя при этом основания применения того или иного взыскания.

Основания для применения увольнения приведены в ст. 81 ТК РФ [2]. К ним относятся:

- систематическое неисполнение трудовых обязанностей без веских или уважительных причин (п. 5 ст. 81 ТК РФ);
- грубые нарушения трудовых правоотношений, в том числе прогул, хищение, нахождение на рабочем месте в состоянии алкогольного или наркотического опьянения (п. 6 ст. 81 ТК РФ);
- принятие необоснованного решения, повлекшего нарушение сохранности имущества (п. 9 ст. 81 ТК РФ);
- для работника, осуществляющего работу с денежными и товарными ценностями: совершение действий, вызывающих утрату доверия (п. 7 ст. 81 ТК РФ);
- для работника в сфере воспитания: совершение аморального поступка (п. 8 ст. 81 ТК РФ);

— непринятие мер по урегулированию конфликта интересов (п. 7.1 ст. 81 ТК РФ).

Перечень дисциплинарных нарушений представлен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 [3]. В качестве неисполнения сотрудником (работником) без уважительных причин трудовых обязанностей следует понимать:

- 1) ситуацию, в которой сотрудник без уважительных причин отсутствует на работе;
- 2) ситуацию, в которой сотрудник отказывается или уклоняется от медицинского освидетельствования или специального обучения и сдачи экзаменов по охране труда, технике безопасности и правилам эксплуатации (если работник относится к категории, для которой это является обязательным условием допуска к работе);
- 3) невыполнение сотрудником трудовых обязанностей в связи с изменением в установленном порядке норм труда (ст. 162 ТК РФ).

Работодателями субъективно и по-разному трактуется понятие «тяжесть совершенного проступка». Сложно предусмотреть Правилами внутреннего трудового распорядка и локальными нормативно-правовыми актами все возможные трудовые правонарушения. Например, спорным можно считать вопрос о желании сотрудника сделать перерыв в работе для чаепития в рабочее время. С одной стороны, прямое нарушение трудового законодательства в этом случае усмотреть сложно. С другой стороны, Правилами внутреннего трудового распорядка всегда предусмотрено время для приема пищи. Таким образом, один работодатель может не обратить внимания на это обстоятельство, другой — будет негативно относиться к данной ситуации. Однако стоит понимать, что существуют Правила внутреннего трудового распорядка. Если правилами не запрещено принимать пищу вне технологических перерывов, то нарушения в данной ситуации нет, а если Правилами запрещено, то это — дисциплинарный проступок. Вместе с тем следует учитывать, что принимать пищу вне специально отведенного места — это нарушение санитарных норм, а соблюдение санитарных норм может быть включено в систему обязанностей работника. Иными словами, несоблюдение санитарных норм само по себе служит основанием для привлечения работника к дисциплинарной ответственности, а для ряда профессий несоблюдение санитарных норм — более тяжкий проступок, чем, например, кратковременное опоздание или несанкционированный перерыв выполнения работником своих должностных обязанностей.

Несколько проясняет ситуацию п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [3]. В нем определено, что при рассмотрении дел об оспаривании дисциплинарного взыскания и восстановлении на работе суды должны выносить законные и обоснованные решения, основанные на обязательном учете обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дел. В связи с этим на работодателя возложена обязанность доказать соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм.

Рассмотрим подробнее обсуждаемую многими проблему специальной дисциплинарной ответственности. Как указано ранее, специфической особенностью применения дисциплинарных наказаний является то, что такое наказание, как строгий выговор, относится только к отдельной категории работников (военнослужащим, проходящим службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, в част-

ности солдатам, прапорщикам, офицерам и т. д.; гражданам, проходящим службу в органах МВД России (полиции); сотрудникам прокуратуры, а также специализированных прокурорских учреждений; должностным лицам таможенной службы). В связи с этим обратим особое внимание на меры дисциплинарной ответственности сотрудников МЧС России.

Поскольку МЧС России является федеральным органом исполнительной власти, а служба на различных должностях относится к категории государственной, то, безусловно, существует определенная специфика в правовом регулировании трудовых отношений между ведомством и его работниками (сотрудниками). Об основных принципах дисциплинарной ответственности сотрудников МЧС России речь идет в Федеральном законе от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

В соответствии с данным нормативно-правовым актом нарушением служебной дисциплины признано виновное действие или бездействие, которое выражено в одном (или нескольких) из следующих пунктов:

- нарушение законодательства РФ;
- нарушение должностного регламента (должностной инструкции);
- нарушение Правил внутреннего служебного распорядка;
- несоблюдение запретов и ограничений, связанных с несением службы в Федеральной противопожарной службе (ФПС).

Отдельная статья закона предусматривает наказание за несоблюдение ограничений и запретов, требований законодательства и неисполнение обязательств, установленных в целях противодействия коррупции; несоблюдение требований к служебному поведению; неисполнение или ненадлежащее исполнение условий контракта, своих служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых или непосредственных руководителей в части исполнения служебных обязанностей.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ дисциплинарные взыскания применяют в целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины. Различают следующие виды наказаний:

1. Замечание.
2. Выговор.
3. Строгий выговор.
4. Предупреждение о неполном служебном соответствии.
5. Перевод на нижестоящую должность (применяется в двух случаях: при грубом нарушении дисциплины и при систематическом нарушении служебной дисциплины).
6. Увольнение со службы.

Пункт 2 ст. 48 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ содержит перечень и критерии совершения правонарушения, которое можно отнести к категории грубых. Важно учитывать, что за один проступок сотрудник может быть наказан лишь один раз. К последствиям от наложенных взысканий относятся, как правило, снятие с Доски почета, приостановление присвоения очередного специального звания, отмена поощрений (в том числе денежных). Однако в качестве поощрения может быть применено снятие ранее наложенного взыскания.

Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ предусмотрен и порядок наказания сотрудника, в том числе и проведения служебной проверки. Служебная проверка направлена на установление:

- фактов и обстоятельств совершения сотрудником дисциплинарного проступка;
- вины сотрудника;
- причин и условий, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка;
- характера и размера вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка;
- наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в ФПС.

Особое место в вопросах правовой экспертизы законности трудовых правоотношений занимают проступки, связанные с коррупционной составляющей и утратой доверия. Сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за совершение правонарушения коррупционной направленности в случае неправильного или недостоверного предоставления сведений о доходах/расходах.

Если сотрудник не согласен с вынесением дисциплинарного взыскания, то, согласно ст. 73 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ, имеет право на его обжалование. Для этого он пишет рапорт на имя непосредственного руководителя. Рапорт обязательно должен быть зарегистрирован и рассмотрен в срок (30 дней). Сотрудник вправе обратиться и в суд для восстановления справедливости и защиты своих законных прав.

Рассмотрим одно из решений [5] Октябрьского районного суда города Архангельска. Согласно материалам дела, уволенный сотрудник обращается в суд по исковому заявлению к Главному управлению МЧС России по Архангельской области. В данном иске гражданин просит изменить формулировку причины увольнения, которая звучит как «в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника федеральной противопожарной службы». Основанием для этого решения послужило совершение им проступка, повлекшего возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 Уголовного кодекса (УК) РФ (получение взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в особо крупном размере).

Решение принято со ссылкой на совершение проступка, порочащего честь сотрудника ФПС, и связано с морально-этической невозможностью осуществления службы в ФПС. Интерес вызывает то обстоятельство, что решение не зависит от того, признан ли сотрудник виновным по уголовному делу. Несмотря на этот факт, в удовлетворении исковых требований гражданину отказано.

Выводы

Анализ правовых вопросов привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц МЧС России в контексте темы настоящей статьи позволяет констатировать, что в практике трудовых правоотношений возникает много споров о несоответствии того или иного взыскания совершенному правонарушению либо незакреплении того или иного вида дисциплинарного взыскания локальными нормативно-правовыми актами.

Кроме того, по итогам рассмотрения мер общей дисциплинарной ответственности можно утверждать, что деятельность каждой организации должна быть юридически детально проанализирована в целях установления соблюдения или несоблюдения Правил внутреннего трудового распорядка и трудовой дисциплины в целом. Детальная проработка локальной нормативно-правовой базы, учитывающая специфику осуществляемой трудовой деятельности, должна стать приоритетным направлением в деятельности любого работодателя. Работодателю также

необходимо с большим вниманием и ответственностью относиться к вопросу о наложении дисциплинарных взысканий, исходя из законодательства, применяемого в целях решения спорных вопросов, объективно оценивать тяжесть совершенного поступка, учитывать принципы справедливости и непредвзятости. Гражданин, поступающий на работу, должен внимательно ознакомиться с существующими в организации правилами, чтобы в дальнейшем не пришлось обращаться в суд в целях разрешения возникающих споров.

Список источников

1. О применении работодателем дисциплинарных взысканий при неисполнении или ненадлежащем исполнении работником своих обязанностей: письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 16 сентября 2016 г. № 14-2/В-888 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71402296/?ysclid=lg3iwm1r6r191481076> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 01.01.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 20.02.2023).
3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (в ред. от 24.11.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/?ysclid=lg3j05bfxv453843974 (дата обращения: 20.02.2023).
4. О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198195/ (дата обращения: 20.02.2023).
5. Решение Октябрьского районного суда г. Архангельска от 18 апреля 2017 г. по делу № 2-1947/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rlafBfzyEYV8/?ysclid=lg3j8bsuwf254287566> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. On the application by the employer of disciplinary sanctions in case of non-performance or improper performance by the employee of his duties. Letter of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 16, 2016 No. 14-2/V-888. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71402296/?ysclid=lg3iwm1r6r191481076> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
2. Labor Code of the Russian Federation. Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended on January 1, 2018, with amendments and additions, effective from January 1, 2018). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
3. On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/?ysclid=lg3j05bfxv453843974 (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
4. On service in the federal fire service of the State Fire Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Federal law of May 23, 2016 No. 141-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198195/ (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).
5. Decision of the Oktyabrsky District Court of Arkhangelsk dated April 18, 2017 in case No. 2-1947/2017. Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rlafBfzyEYV8/?ysclid=lg3j8bsuwf254287566> (accessed on 20.02.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

А. Б. Черных — кандидат социологических наук, доцент кафедры трудового права и социального обеспечения; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. В. Остудин — кандидат технических наук, начальник отдела управления космического мониторинга; 121357, Москва, Ватутина ул., д. 1.

Information about the authors

A. B. Chernykh — PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Labor Law and Social Security; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. V. Ostudin — PhD in Technical Sciences, Head of the Department of Space Monitoring; 1 Vatutina St., Moscow 121357, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 347.73

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-139-147

Теоретико-правовые преимущества концепции цифровых финансовых активов перед различными формами денег

Владимир Васильевич Костиков¹, Илья Васильевич Самотолков²,
Антон Андреевич Резников³✉

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ kostikov-vv@yandex.ru

² ilya.samotolkov@mail.ru

³ antonreznikov1@gmail.com ✉

Аннотация. Авторами рассмотрены преимущества концепции цифровых финансовых активов (ЦФА), в частности цифрового рубля, над другими формами денег. Проанализированы существующие подходы к реализации системы конфиденциальности данных и защиты прав потребителей в рамках использования цифрового рубля физическими и юридическими лицами, а также государством. Сформулированы предложения о дальнейшем регулировании цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровые финансовые активы, Банк России, преимущества цифрового рубля, конфиденциальность личных данных

Для цитирования: Костиков В. В., Самотолков И. В., Резников А. А. Теоретико-правовые преимущества концепции цифровых финансовых активов перед различными формами денег // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 139–147. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-139-147>

Original article

Theoretical and legal advantages of the concept of digital financial assets over various forms of money

Vladimir V. Kostikov¹, Ilya V. Samotolkov², Anton A. Reznikov³✉

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ kostikov-vv@yandex.ru

² ilya.samotolkov@mail.ru

³ antonreznikov1@gmail.com ✉

Abstract. The authors consider the advantages of the concept of digital financial assets, in particular the digital ruble, over other forms of money. The existing approaches to the implementation of the system of data privacy and consumer protection in the use of the digital ruble by individuals, legal entities, and the state were analyzed. Proposals for further regulation of the digital ruble were formulated.

Keywords: digital ruble, digital financial assets, Bank of Russia, advantages of the digital ruble, personal data privacy

For citation: Kostikov V. V., Samotolkov I. V., Reznikov A. A. Theoretical and legal advantages of the concept of digital financial assets over various forms of money. *Sociology and Law*. 2023;15(1):139-147. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-139-147>

Введение

В последние десять лет в России и мире в целом произошли значительные изменения в области платежных услуг. В ответ на повышенный спрос на безопасность, скорость и удобство платежей со стороны населения и бизнеса, необходимость снижения финансовых затрат регуляторы, в частности Банк России и Министерство финансов Российской Федерации (РФ), разрабатывают ряд инфраструктурных проектов. Среди них — Система быстрых платежей, Единая биометрическая система, Цифровой профиль и платформа «Знай своего клиента».

Ввиду развития цифровой экономики становится особенно важным обеспечить бесперебойное взаимодействие между цифровыми сервисами бизнеса и государства, а также продолжить цифровизацию платежной инфраструктуры. С этой целью Банк России вместе с другими регуляторами рассматривает возможность внедрения цифровой национальной валюты — цифрового рубля. Цифровой рубль будет эмитироваться Банком России и станет третьей формой российской национальной валюты, которую будут использовать наравне с наличными и безналичными рублями.

Материалы и методы

Банковские купюры — это форма физических наличных денег, каждая из которых имеет собственный уникальный идентификатор. В отличие от этого, безналичные деньги существуют только в виде записей на счетах в коммерческих банках. Цифровой рубль, в свою очередь, будет представлен уникальным цифровым кодом, который будет храниться на специальном электронном кошельке. Для передачи цифрового рубля между пользователями будет происходить перемещение этого уникального кода с одного электронного кошелька на другой.

Цифровой рубль имеет некоторые схожие черты с банкнотами. Он обладает уникальным идентификационным кодом, аналогичным серии и номеру на банкноте, а выпускает его Центральным банком РФ. В связи с этим цифровые деньги ЦБ РФ иногда называют «цифровыми наличными». Кроме того, как и физические деньги, цифровой рубль может быть использован в офлайн-режиме, то есть без доступа к интернету или мобильной связи. Благодаря своей цифровой форме, цифровой рубль объединяет свойства безналичных денег, которые не имеют физического носителя и предоставляют возможности для развития дистанционных платежей и расчетов. В результате при условии внедрения цифровой рубль объединит в себе преимущества и свойства как наличных, так и безналичных денег.

Согласно планам, каждый участник экономики, включая граждан, бизнес, участников финансового рынка и государство, получит возможность использовать цифровой рубль в качестве платежной и расчетной единицы системы. Для хранения цифровых рублей будут созданы индивидуальные электронные кошельки, которые открыты в платежной системе Банка России и станут его обязательствами. Цифровой рубль будет выполнять такие же функции, как наличные и безналичные деньги, то есть применяться в качестве средства обращения, меры стоимости и средства сбережения.

Каждая форма российского рубля будет иметь одинаковую стоимость. Это означает, что рубль наличными, рубль безналичными и цифровой рубль будут равноценными. Таким образом, пользователи смогут легко конвертировать свои деньги из одной формы в другую, что позволит им использовать наиболее удобную для конкретной ситуации форму платежа. Кроме того, это обеспечит стабильность и надежность денежной системы в целом [1].

Рис. 1. Взаимодействие различных форм денег [1, с. 6]

Fig. 1. Interaction of different forms of money [1, p. 6]

Результаты

Преимущества концепции цифровых денег для граждан и бизнеса:

1. Удобство использования сервиса обеспечено возможностью доступа к кошельку на платформе цифрового рубля через любую финансовую организацию, в которой клиент имеет счет.
2. Цифровой рубль имеет единые правила тарификации операций, что позволяет снизить затраты на проведение операций и увеличить прозрачность тарификации.
3. Благодаря возможности проведения расчетов между физическими лицами, оплаты товаров и услуг в офлайн-режиме, цифровой рубль повышает доступность финансовых услуг на удаленных и малонаселенных территориях. Это удобно для людей, живущих в отдаленных регионах, в которых нет доступа к банкам или банкоматам и в которых наличные деньги не всегда являются удобным способом платежа.
4. Банк России гарантирует сохранность средств пользователей цифрового рубля, что обеспечивает высокий уровень безопасности хранения цифровых сбережений.

Таблица 1

**Создание денег в современных денежных системах
и взаимодействие различных форм денег [1, с. 7]**

Table 1. Money creation in modern monetary systems
and the interaction of various forms of money [1, p. 7]

		Деньги		
		Цифровые	Наличные	Счета в банках
Форма		Цифровой код 	Защищенная бумага 	Цифровая запись в банковской базе данных
Персонализация (на предъявителя/именные)		Персонализированные либо на предъявителя 	На предъявителя 	Персонализированные
Эмитент		Центральный банк РФ 	Центральный банк РФ 	Коммерческий банк
Доступность для платежей (график работы системы, готовность продавцов к приему)		✓	✓	✓
Средство платежа	онлайн	✓	—	Без возможности расчетов в отсутствие доступа к интернету и мобильной связи
	офлайн	✓	Без возможности дистанционных расчетов	—
Стабильность ценности		✓	✓	✓
Мера стоимости		✓	✓	✓
Средство сбережения		Без начисления процентов	Без начисления процентов. Есть риск безвозвратной утраты	С возможностью начисления процентов

5. Внедрение цифрового рубля на финансовом рынке стимулирует развитие инновационных сервисов и продуктов, а сильная конкуренция между финансовыми организациями повышает уровень клиентского обслуживания.
6. Уникальные номера, присвоенные цифровым рублям, не только повышают безопасность и предотвращают мошенничество, но и упрощают процесс восстановления прав владельца, если его цифровые сбережения потеряны или похищены.

Преимущества концепции цифровых денег для финансового рынка:

1. Благодаря возможности доступа клиентов к своим кошелькам через любую финансовую организацию, на финансовом рынке возникает более высокий уровень конкуренции между высокотехнологичными сервисами.
2. Использование технологии распределенных реестров дает возможность создавать и предлагать клиентам новые сервисы, такие как смарт-контракты и маркирование платежей, что способствует развитию инновационной экосистемы на финансовом рынке.
3. Внедрение новой платежной инфраструктуры для участников финансового рынка повышает эффективность расчетов и уменьшает время на проведение операций, что позволяет сократить затраты и повысить конкурентоспособность компаний на рынке.

Преимущества концепции цифровых денег для государства:

1. Платформа цифрового рубля обеспечивает более эффективный контроль расходования бюджетных средств и гарантированную доставку целевых выплат гражданам и бизнесу, что способствует улучшению управления государственными финансами.
2. Применение смарт-контрактов в администрировании бюджетных средств упрощает процессы управления бюджетом и повышает прозрачность расходования средств.
3. Запуск платформы цифрового рубля может привести к упрощению трансграничных платежей и расчетов благодаря ее интеграции с аналогичными платформами цифровой валюты других стран, что может способствовать ускорению развития глобальных финансовых рынков [2].

Обсуждения

При использовании технологии распределенных реестров возникают задачи, которые можно классифицировать на нескольких уровнях. На технологическом уровне необходимо обеспечить безопасность используемых протоколов и защиту данных; на уровне прикладного программного обеспечения — решить функциональные задачи, связанные с применением технологии распределенных реестров; на техническом уровне — сохранить безопасность инфраструктуры.

Для успешной реализации проектов, использующих технологию распределенных реестров, необходим индивидуальный анализ безопасности, криптографических функций и функциональных аспектов. Независимо от применяемой технологической платформы, для осуществления международного взаимодействия следует создать среду доверия, учитывающую национальные правовые нормы, применяемые операторами экосистем. Несоответствие национальных норм в области криптографической защиты информации, отсутствие единых стандартов в области информационной безопасности, а также отсутствие единой системы сертификации для международных процедур проведения оценки соответствия и аудита служат причинами, требующими создания единой распределенной или гибридной системы, которая соответствует всем требованиям. Вместе с тем необходимость соблюдения

этих требований определяет необходимость создания юридических конструкций, чтобы избежать противоречия с действующими нормами [3].

Примером сложности такой задачи служит создание кроссплатформенного взаимодействия на территории РФ. Для обеспечения безопасности функционирования цифровой валюты ЦБ РФ целесообразно проводить мониторинг информационной безопасности при кроссплатформенных операциях, а также обеспечивать конфиденциальность и целостность информации при ее передаче между различными платформами. Кроме того, система должна предусмотреть правильный учет и контроль действий и статусов операций, а также отслеживать доступность сервисов и скорость передачи информации. Важным условием является возможность встраивания и интеграции протоколов взаимодействия, форматов передачи информации, а также взаимное признание применяемых криптографических протоколов.

Сегодня в целях гарантии безопасности и устойчивости прототипа платформы цифрового рубля предполагается использовать ряд мер. К ним можно отнести следующие:

- клиент будет обмениваться данными с платформой цифрового рубля через защищенные каналы, предоставленные мобильным приложением банка;
- для обеспечения безопасности операций с цифровыми рублями пользователей и доступа к их кошелькам будет применен специализированный программный модуль, созданный Банком России. Этот модуль будет интегрирован с мобильными приложениями кредитных организаций и будет иметь API для разработчиков. Он применим для создания и хранения криптографического ключа доступа клиента к его цифровому кошельку, подписания распоряжений на операции с цифровыми рублями и обеспечения безопасности взаимодействия клиента с банком;
- применяя мобильное приложение кредитной организации, пользователи взаимодействуют с защищенными каналами, которые защищены криптографически с помощью средств криптографической защиты информации (СКЗИ), сертифицированных ФСБ России;
- для доступа к платформе цифрового рубля используются защищенные каналы взаимодействия, обеспечивающие строгую двустороннюю аутентификацию прямых участников с использованием ключей, сертифицированных удостоверяющим центром (УЦ) Банка России;
- для обеспечения безопасности данных на платформе цифрового рубля используются СКЗИ, сертифицированные ФСБ России, гарантирующие целостность и достоверность данных при проведении транзакций с цифровым рублем. Эмиссионный ключ Банка России регистрируется в специально выделенном УЦ Банка России для эмиссии цифровых рублей;
- в целях обеспечения безопасности информации реализуют различные комплексные технологические меры, включая логический и структурный контроль, контроль дублирования, авторства и др. В случаях, если использование сертифицированных СКЗИ невозможно, применяют специальные технологические решения для обеспечения целостности данных при операциях с цифровым рублем;
- должен быть организован контроль за целостностью «смарт-контрактов» и правами доступа к их запуску.

В процессе развития платформы цифрового рубля особое внимание в аспекте информационной безопасности будет уделено обеспечению операционной надежности и киберустойчивости на всех этапах жизненного цикла цифрового рубля. На рисунке 2 отражено взаимодействие участников в соответствии с вышеизложенными подходами к обеспечению информационной безопасности [4].

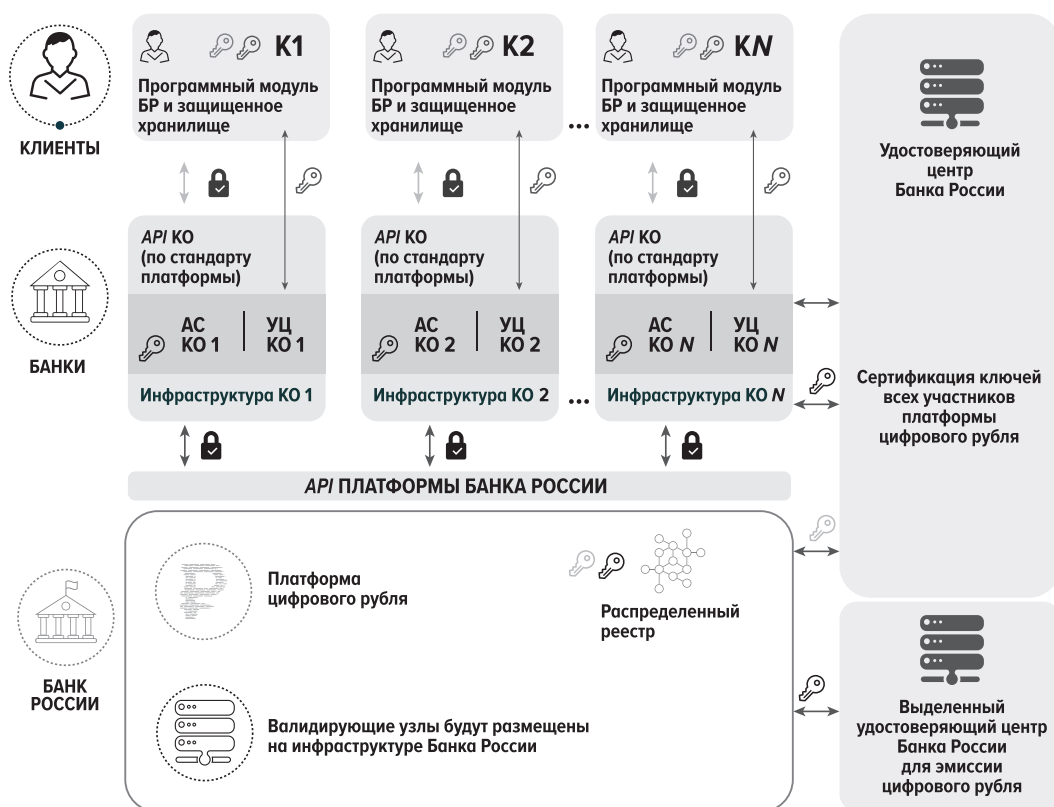

Рис. 2. Подход к конфиденциальности при использовании цифрового рубля с технической точки зрения [4, с. 23]

Fig. 2. Privacy in the use of the digital ruble from a technical perspective [4, p. 23]

Банк России планирует создать комплексную систему, которая будет информировать потребителей и защищать их права с целью обеспечения защиты прав потребителей. Он также предлагает принять меры для устранения рисков, возможных при использовании цифрового рубля (например, риска незаконного оттока от приема цифрового рубля в оплату услуг).

Для улучшения финансовой грамотности граждан и бизнеса Банк России создаст единую цифровую систему, основанную на принципе обслуживания по принципу «одного окна». В системе будут созданы контактные пункты. В случае подачи жалобы или обращения потребителя запрос автоматически направляется по двум адресам: Банку России, оператору цифровой рублевой платформы, и финансовой организации, предоставляющей платежные услуги в цифровых рублях.

Кроме того, Банк России планирует создать отдельные каналы поддержки. В частности, Центральный банк РФ является финансовым учреждением, предоставляющим платежи в цифровой валюте в России. Колл-центры и так называемые центральные банки будут оказывать круглосуточную поддержку пользователям цифрового рубля посредством онлайн-приложений.

Для повышения финансовой грамотности граждан и бизнеса Банк России создаст и внедрит специализированные модули по финансовой грамотности, в том числе и такой, который будет предоставлен в режиме онлайн. Центральный банк РФ пла-

нирует публиковать информационные материалы на сайте Банка России о процедурах расчетов в цифровых рублях и о том, как с ними обращаться [5]; о шагах, которые следует предпринять в случае возникновения споров при расчетах в цифровых рублях. Все каналы связи с потребителями будут адресованы таким образом, чтобы быть доступными для лиц с разными группами инвалидности.

Выводы

В законодательстве РФ необходимы кардинальные изменения в контексте реализации концепции цифрового рубля. Они должны определить полномочия Банка России в качестве организатора денежного обращения на основе цифровой валюты и оператора цифровой платформы, на которой происходит обращение цифрового рубля. Кроме того, эти изменения должны определить права и обязанности участников цифровой платформы и установить права Банка России на осуществление банковских операций с использованием цифрового рубля не только с кредитными организациями, но и с юридическими и физическими лицами.

Чтобы использовать цифровой рубль в гражданских правоотношениях, необходимо внести изменения в законодательство, определяющее правила расчетов, и установить правила выполнения денежных обязательств при использовании цифрового рубля. Кроме того, нужно определить юридический статус цифрового рубля при его применении в гражданских правоотношениях.

Для защиты конфиденциальности информации о транзакциях с использованием цифрового рубля необходимо внести изменения в законодательство, которые гарантировали бы банковскую тайну. В отношении публичных правоотношений требуются изменения в налоговом и бюджетном законодательстве, режимах обращения взыскания на имущество, а также важно выявить особенности использования цифрового кошелька в рамках процедуры банкротства.

Для обеспечения законной защиты собственности на цифровой рубль и проведения операций с ним целесообразно изменить систему уголовного законодательства. Полагаем, требуется внесение изменений в Федеральные законы «О банках и банковской деятельности», «О национальной платежной системе», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О валютном регулировании и валютном контроле», а также другие законодательные акты.

Список источников

1. Роль цифрового рубля в денежном обращении // Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2020. С. 5–11. URL: https://cbr.ru/Static-Html/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
2. Концепция цифрового рубля от 8 апреля 2021 г.: подготовлена Банком России // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603273864?ysclid=lg3k7nll6f15655794> (дата обращения: 07.02.2023).
3. Брусакова И. А. Инструменты системного анализа эффективности деятельности цифрового предприятия // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник науч. тр. XIX Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политехнического ун-та Петра Великого, 2015. С. 16–21.
4. Об ответах на вопросы к встрече «Регулирование Банком России деятельности коммерческих банков»: приказ Банка России от 5 апреля 2021 г. № 03-40-4/2915 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/400691865/?ysclid=lg3kfo5wmx283084891> (дата обращения: 07.02.2023).
5. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020. 776 с.

References

1. The role of the digital ruble in monetary circulation. In: Digital ruble: Report for public consultations. Moscow: Bank of Russia; 2020:5-11. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (accessed on 07.02.2023). (In Russ.).
2. The concept of the digital ruble of April 8, 2021: Prepared by the Bank of Russia. Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603273864?ysclid=lg3k7nll6f15655794> (accessed on 07.02.2023). (In Russ.).
3. Brusakova I.A. Tools for system analysis of digital enterprise efficiency. In: System analysis in design and management. Proc. 19th Int. sci.-pract. conf. Pt. 2. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2015:16-21. (In Russ.).
4. On answers to questions for the meeting "Regulation by the Bank of Russia of the activities of commercial banks". Bank of Russia order No. 03-40-4/2915 dated April 5, 2021. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/400691865/?ysclid=lg3kfo5wmx283084891> (accessed on 07.02.2023). (In Russ.).
5. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Private banking law. Moscow: Prospekt; 2020. 776 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Костиков — кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

И. В. Самотолков — технический директор ООО «MediaMetrika», аспирант кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. А. Резников — директор по связям с образовательными учреждениями ООО «MediaMetrika», аспирант кафедры гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

V. V. Kostikov — PhD in Veterinary Science, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Local Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

I. V. Samotolkov — technical director of MediaMetrika LLC, postgraduate student at the Department of Broad Interpretation of Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. A. Reznikov — director of relations with educational institutions of MediaMetrika LLC, postgraduate student at the Department of Broad Law and Procedure; 44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Научная статья

УДК 343.8

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-148-158

Правовые акты международного характера в функционировании уголовно-исполнительной системы России

Екатерина Леонидовна Егорова^{1✉}, Вероника Александровна Швед²

¹ Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний,
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ egor0wayekat@yandex.ru ✉

² nika.pz@mail.ru

Аннотация. Согласно авторской позиции, реализация норм международного права на внутригосударственном уровне продолжает оставаться актуальным направлением как для теоретических, так и для практических исследований. В рамках процессов глобализации и интеграции данный вопрос приобретает особую важность. Исследование вопроса о значении правовых актов международного характера для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (РФ) является принципиальным. В настоящей статье рассмотрены правовые акты международного характера и их значение для правового регулирования уголовно-исполнительной политики РФ. Цель исследования — анализ теоретических и практических аспектов реализации нормативных правовых актов международного характера при исполнении уголовных наказаний в России. В процессе исследования применены формально-логический и технико-юридический методы. Авторами сделан ряд выводов о современном механизме реализации положений международных актов в процессе исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительная система России, норма международного законодательства, пенитенциарная наука

Для цитирования: Егорова Е. Л., Швед В. А. Правовые акты международного характера в функционировании уголовно-исполнительной системы России // Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 148–158. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-148-158>

Original article

International legal acts in the functioning of the Russian penal system

Ekaterina L. Egorova^{1✉}, Veronika A. Shved²

¹ St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ egor0wayekat@yandex.ru ✉

² nika.pz@mail.ru

Abstract. According to the author's position, the implementation of international law at the national level continues to be a relevant area for both theoretical and practical research. In the context of globalization and integration, this issue is of particular importance.

© Егорова Е. Л., Швед В. А., 2023

The study of the importance of international legal acts for the penal system of the Russian Federation is fundamental. This paper examines international legal acts and their significance for the legal regulation of Russian penal policy. The aim of the study was to analyze the theoretical and practical aspects of the implementation of international normative legal acts in the execution of criminal sanctions in Russia. The formal and logical and technical and legal methods were applied in the study. The authors made several conclusions on the modern mechanism of implementation of the provisions of international acts in the execution of criminal sanctions.

Keywords: penal law, penal system of Russia, international law, correctional science

For citation: Egorova E. L., Shved V. A. International legal acts in the functioning of the Russian penal system. *Sociology and Law. 2023;15(1):148-158.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-148-158>

Введение

Процессы интеграции и глобализации оказали и продолжают оказывать влияние на все сферы деятельности общества. Сфера правового регулирования в области исполнения уголовных наказаний в последние десятилетия стала одной из самых актуальных для российской юриспруденции. Особый интерес ученых-правоведов, а также практических деятелей всегда вызывала практика реализации положений норм международного права при исполнении уголовных наказаний в Российской Федерации (РФ).

Большое значение в контексте вопроса о применении норм международного законодательства имеет правоприменительная практика. Стоит отметить, что после поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., вопрос реализации постановлений международных судов на территории РФ стал более актуальным, а интерес к механизму применения норм международного характера в пенитенциарной практике значительно возрос. В первую очередь внимание ученых и практических деятелей было сосредоточено на деятельности Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), точнее, на вопросе эффективности исполнения его решений Россией. В новой правовой реальности толкование такой нормы международного права, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод, посредством конструктивного диалога между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ стало носить более значимый характер для пенитенциарной системы нашего государства.

Однако выход России из состава Совета Европы дает основание полагать, что практика относительно применения положений нормативных актов международного характера при исполнении уголовных наказаний в настоящее время может претерпеть ряд изменений. Именно данный факт и делает заявленную для исследования тему еще более актуальной.

Считаем, что сегодня особенно актуальны следующие направления:

1. Исследование соотношения норм международного права с внутренними правовыми нормами, регулирующими исполнение уголовных наказаний в России.
2. Исследование применения положений норм международного права в процессе исполнения уголовных наказаний в России.

Своевременность заявленной темы обоснована также положениями Концепции развития (далее — Концепция) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года (далее — УИС РФ). Так, согласно положениям Концепции:

- правовое регулирование в сфере исполнения уголовных наказаний должно строиться с учетом норм международного права;

- исправление осужденных должно осуществляться в соответствии с требованиями международных стандартов;
- одним из основных направлений совершенствования функционирования УИС РФ является международное сотрудничество.

Теория

Пенитенциарная наука имеет большое значение для юриспруденции. В современных условиях актуальность пенологии значительно возросла. Предметом пенитенциарной науки являются общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний, а также применения мер уголовно-правового воздействия. Следует отметить, что актуальных для исследования направлений в рамках предмета пенологии много. По нашему мнению, одно из таких направлений — реализация требований норм международного права при исполнении уголовных наказаний, а также мер уголовно-правового характера в России.

Для рассмотрения вопроса о реализации норм международного права в уголовно-исполнительной политике РФ целесообразно обратиться к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой закреплено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», а также закреплён приоритет положений международных договоров в случае их расхождения с законами РФ.

Согласно ч. 1 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) основу уголовно-исполнительного законодательства представляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ [1].

Целесообразно обратить внимание на то, что нормативные акты международного характера следует классифицировать по следующим категориям:

1. Общие (универсальные) нормативные акты международного характера в реализации уголовных наказаний.
2. Нормы международного права в реализации уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.
3. Нормы международного права в реализации уголовных наказаний в виде лишения свободы.

К международным нормативным правовым актам универсального характера относятся:

1. Всеобщая декларация прав человека.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.
4. Декларация прав ребенка.
5. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.
6. Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации и т. д.

Универсальные нормативные правовые акты являются международными документами, в которых закреплены основные неотъемлемые права и свободы человека. Их ограничение не представляется возможным ни при каких обстоятельствах. При этом международные акты универсального характера представляют собой правовую основу для иных видов международных актов (например, международных актов специализированного характера), что говорит о системной структуре международного правового регулирования.

Количество нормативных правовых документов международного характера, регламентирующих деятельность УИС РФ в вопросах исполнения уголовных

наказаний, в настоящее время велико. Поэтому, по нашему мнению, из числа нормативных правовых актов универсального характера следует рассмотреть некоторые из них.

В первую очередь обратим внимание на такой международный нормативный правовой акт, как Всеобщая декларация прав человека. По мнению В. А. Борченко, Всеобщая декларация прав человека представляет собой нормативный документ, имеющий юридическую силу для любых категорий граждан. Автором также выделено положение Всеобщей декларации прав человека, которое имеет непосредственное значение для исполнения уголовных наказаний. Речь идет об ограничении прав лица (заключенного под стражу или осужденного судом) только в той мере, которая предусмотрена действующим законодательством [2, с. 7].

Согласно ст. 2 указанного нормативного правового акта основополагающими правами и свободами обладает каждый человек, независимо от его положения или статуса. Относительно ст. 1 ч. 2 УИК РФ следует сделать акцент на том, что охрана прав, свобод и законных интересов осужденных относится к главным задачам уголовно-исполнительного законодательства. Таким образом, ст. 2 Всеобщей декларации прав человека определяет не просто принципиальную позицию правового статуса осужденных, а представляет собой базовую часть построения маршрута уголовно-исполнительной политики РФ в целом.

Статья 5 Всеобщей декларации прав человека, предусматривающая запрет на бесчеловечное и унижающее достоинство наказание, также нашла отражение в ст. 8 УИК РФ. В ней изложены принципы уголовно-исполнительного законодательства, а именно: гуманизм и рациональное применение мер принуждения.

Статья 29 Всеобщей декларации прав человека не менее значима для уголовно-исполнительного законодательства РФ. В этой статье раскрыта суть принципа социальной справедливости. В частности, речь идет о том, что человек должен подвергаться лишь таким установленным законом ограничениям, целью которых представляется «признание и уважение прав и свобод других и удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Полагаем, Всеобщая декларация прав человека выступает основным нормативным правовым актом международного характера, нормы которого послужили фундаментом для других международных документов, регламентирующих порядок исполнения уголовных наказаний.

Декларация Организации Объединенных Наций (ООН) о ликвидации всех форм расовой дискриминации представляет особый интерес в рамках исследования вопросов, связанных с реализацией норм международного права при исполнении уголовных наказаний. Справедливым будет отметить, что именно данный нормативный правовой акт является фундаментальным в определении равенства всех людей, независимо от каких-либо признаков. Кроме того, Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации имеет большое значение в вопросе борьбы с любыми формами проявления экстремизма.

В ст. 8 УИК РФ в качестве одного из принципов уголовно-исполнительного права закреплено равенство осужденных перед законом. Одно из актуальных направлений в исследовании уголовно-исполнительного законодательства — проблема нетерпимости или дискриминации в отношении осужденных на основе их религиозных или иных убеждений. Логично рассмотреть значение положений Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Данный международный нормативный правовой акт закрепляет:

- право на свободу мысли, свободу совести и свободу вероисповедания;
- запрет на принуждение, умаляющее свободу лица на выбор вероисповедания;

- запрет дискриминации лиц, основанной на их религиозных и иных убеждениях, связанных с правом на свободу совести и свободу мысли.

Часть 3 ст. 1 указанной Декларации содержит ограничения в отношении свободы исповедовать религию или выражать убеждения, если такие убеждения представляют опасность для нормального функционирования общества, а также для охраны общественного порядка, морали и здоровья. Логично сделать вывод о том, что в данном случае речь идет об ограничении права на свободу совести при выражении лицами религиозных или иных убеждений, основанных на идеях экстремизма. В свою очередь, проблема распространения экстремизма в исполнительных учреждениях является одним из факторов, отрицательно влияющих на обеспечение безопасности в УИС РФ в целом. Необходимо сделать акцент и на том, что распространение экстремистской идеологии напрямую связано с ущемлением прав человека, так как идейной составляющей экстремизма выступает приверженность к радикальным взглядам, а также нетерпимость, основанная на религиозных, национальных либо политических началах.

Статья 14 УИК РФ закрепляет право осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания. Ограничение прав осужденных, связанных с религией и свободой вероисповедания, заключается лишь в необходимости соблюдения правил внутреннего распорядка, а также соблюдения прав других лиц.

В процессе анализа нормативно-правового регулирования отношений в области исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, следует в первую очередь обратиться к такому правовому акту международного характера, как Токийские правила. Согласно п. 1.2 к целям Токийских правил отнесено активное привлечение общества для его участия в осуществлении правосудия, а также привлечение общественности для содействия развитию чувства ответственности перед обществом у правонарушителей. В п. 2.3 данного нормативного правового акта говорится о необходимости наличия в уголовно-исполнительном законодательстве широкого спектра мер, которые не связаны с изоляцией человека от общества в случае вынесения в отношении него приговора суда.

В настоящее время в Уголовном кодексе (далее — УК) РФ закреплены следующие виды уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
- обязательные работы;
- исправительные работы (в том числе наказание в виде ограничения по военной службе);
- ограничение свободы;
- принудительные работы [3].

Данные виды наказаний применяют в качестве альтернативных лишению свободы. Считаем целесообразным отметить, что начало реализации в России такого вида уголовного наказания, как принудительные работы, послужило основанием для признания ЕСПЧ исполненным Российской Федерацией решения по делу «Анчугов и Гладков против России». Согласно позиции Комитета министров Совета Европы, исполнение альтернативного лишению свободы наказания в виде принудительных работ имеет для механизма исполнения уголовных наказаний в России огромное значение по отношению к вопросу избирательных прав осужденных.

Именно по этой причине нормы международного права, а также взаимодействие судебных органов международного и национального уровней по вопросам интерпретации и эффективной реализации указанных правовых норм для современного уголовно-исполнительного законодательства видятся особенно значимыми. Только в рамках непрерывного и систематического конструктивного диалога между судебными органами различных уровней представляется возможным найти разумные пути решения противоречий международных норм права в национальной правовой системе.

В контексте приведенного примера можно проследить взаимосвязь положений и требований Токийских правил с правоприменительной практикой, а также деятельностью органов международного правосудия. В п. 2.6 Токийских правил говорится о необходимости минимизации вмешательства в процесс реализации наказаний, не связанных с лишением свободы. При анализе положений УК РФ и УИК РФ следует обратить внимание на то, как регламентируются правила исполнения наказаний без изоляции от общества. Как правило, данным видам наказаний присущи очевидные отличительные особенности от наказаний в виде лишения свободы. В первую очередь следует указать, например, что такие наказания, как исправительные и обязательные работы, исполняются в России уголовно-исполнительными инспекциями. Как орган исполнения наказаний уголовно-исполнительная инспекция располагает широкими полномочиями в рамках взаимодействия с осужденными к указанным видам наказания. Однако принцип минимизации вмешательства проявляется в границах требований, установленных уголовно-исполнительным законодательством, а также приговором суда.

Пункт 2.7 Токийских правил устанавливает принципы депенализации и декриминализации при исполнении уголовных наказаний без изоляции от общества. Наличие в УК РФ оснований для освобождения от уголовной ответственности и оснований для освобождения от уголовного наказания позволяет утверждать, что данный принцип получил активное развитие в уголовно-правовой сфере жизнедеятельности общества.

С этой позиции интересен п. 8.2 Токийских правил. В данном пункте приведен перечень наказаний и мер, альтернативных лишению свободы:

- устные санкции (замечание, порицание, предупреждение);
- условное освобождение от ответственности;
- поражение в гражданских правах;
- экономические санкции и денежные наказания;
- конфискация или постановление о лишении права собственности на имущество;
- возвращение имущества жертве или постановление о компенсации;
- условное наказание или наказание с отсрочкой;
- условное освобождение из заключения и судебный надзор;
- выполнение общественно полезных работ;
- направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием;
- домашний арест;
- любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением;
- какое-либо сочетание перечисленных мер.

Указанные меры необходимо применять исходя из социальных, политических, экономических и культурных особенностей каждой страны. Соответственно, особенности правовой системы государства в данном вопросе играют далеко не последнюю роль. Поэтому нельзя не обратить внимание на то, что Токийскими

правилами предусмотрена свобода в выборе тех или иных мер, альтернативных лишению свободы каждым государством самостоятельно.

Справедливо отметить, что Токийские правила содержат не только общие принципы реализации уголовных наказаний без изоляции от общества, но и определенные требования к механизму их исполнения. Пункт 14.1 предусматривает возможность изменения либо отмены альтернативной лишению свободы меры, если допущены нарушения условий, предъявленных осужденному. Однако в п. 14.2 сделана оговорка в пользу качественного исследования причин и условий, способствовавших неисполнению возложенных на осужденного ограничений. Только после анализа представленных сотрудником компетентного органа фактов и объяснений правонарушителя принимают решение об отмене или изменении меры. В случае установления неэффективности альтернативной меры замена ее на лишение свободы не должна происходить автоматически (п. 14.3).

Пункт 14.4 предусматривает правило, согласно которому при отмене неэффективной уголовно-правовой меры компетентному органу надлежит принять решение о замене ее на иную меру, не связанную с тюремным заключением. Замена альтернативной лишению свободы меры на тюремное заключение должна быть возможной лишь в том случае, если отсутствует вариант применения более подходящей меры без изоляции от общества в отношении конкретного осужденного.

Таким образом, рассмотренные нами положения Токийских правил четко закрепляют основы замены альтернативных мер уголовно-правового характера на лишение свободы с учетом принципов гуманизма и справедливости. В действующем уголовно-исполнительном законодательстве данные принципы находят в основе института реализации уголовных наказаний без изоляции от общества. Именно на них основаны нормы УИК РФ, предусматривающие механизм замены вида уголовного наказания более строгим видом.

Глава VI Токийских правил посвящена персоналу, осуществляющему контроль реализации уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Пунктом 15.2 определено, что сотрудникам, которых назначают для исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, необходимо обладать соответствующими личными качествами, качественной профессиональной подготовкой и практическим опытом. Следовательно, требования к сотрудникам УИС РФ, в частности к сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций, определены федеральным законодательством РФ.

По нашему мнению, п. 15.3 Токийских правил выступает одним из базовых принципов, послуживших фундаментом в вопросе обеспечения различного рода гарантий сотрудникам пенитенциарной системы РФ, а также закрепляющих предоставление широких возможностей профессионального роста и сотрудников продвижения по службе. В действующем уголовно-исполнительном законодательстве РФ рассмотренные положения нашли непосредственное отражение. Профессиональные критерии, предъявляемые к сотрудникам УИС РФ, квалификационные требования и различные виды гарантий закреплены федеральным законодательством.

Правовые аспекты реализации норм международного права при исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы волнуют умы не только ведущих ученых, но и практических деятелей. Нормы международно-правового характера, связанные с регулированием общественных отношений, возникающих в механизме осуществления уголовно-исполнительной политики, стали особенно актуальными для исследования после принятия УИК РФ в 1996 г.

Если речь идет об исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы, целесообразно обратиться к специализированным нормам международного права.

К специализированным международным правовым актам, регулирующим правоотношения в сфере исполнения уголовных наказаний, относятся:

- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными;
- Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила);
- Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила);
- Основные принципы обращения с заключенными;
- Европейские пенитенциарные правила.

Главный принцип Минимальных стандартных правил обращения с заключенными выражен в строгом запрете на любые формы и виды дискриминации в отношении заключенных, а также в уважении их религиозных и моральных установок. В качестве примера реализации положений международно-правового характера в уголовно-исполнительной политике РФ предлагаем рассмотреть и проанализировать ст. 8 данного документа, которая регламентирует принцип раздельного содержания лиц в зависимости от определенных критериев. В числе критериев — следующие:

- 1) мужчины по возможности должны содержаться отдельно от женщин;
- 2) в случае совместного содержания мужчин и женщин в одном исправительном учреждении женщин необходимо переводить в отдельные помещения;
- 3) заключенных, в отношении которых вынесен приговор суда, необходимо содержать отдельно от других заключенных;
- 4) должно быть предусмотрено раздельное содержание несовершеннолетних и взрослых заключенных.

Данные положения имеют принципиальное значение для механизма исполнения наказаний в виде лишения свободы, а также организации содержания различных категорий лиц в следственных изоляторах. В уголовно-исполнительном законодательстве РФ закреплены нормы относительно раздельного содержания всех категорий лиц.

Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, являются международным нормативным правовым актом специализированного характера. Уникальность данного документа заключается в специфике сферы регулирования. Основные цели указанных правил закреплены в ч. 1. Согласно п. 1.2 органам государственной власти необходимо стремиться к созданию таких условий, которые позволят обеспечить содержательную жизнь подростка, совершившего правонарушение, в обществе. Поэтому ключевая идея, заложенная в рассматриваемом нами нормативном правовом акте, представляет собой минимизацию применения к несовершеннолетним осужденным наказания, подразумевающего лишение свободы.

Так, в п. 19.1 настоящих Правил говорится о том, что помещение несовершеннолетнего в исправительное учреждение должно являться крайней мерой, а срок такого заключения не должен превышать минимально необходимый для воспитательного воздействия. В п. 18.1 Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, предлагаются альтернативные изоляции от общества меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. К таким мерам воздействия относятся:

- постановления об опеке, руководстве и надзоре;
- пробация;
- постановления о работе на благо общины;
- финансовые наказания, компенсация и реституция;

- постановления о принятии промежуточных и других мер;
- постановления об участии в групповой психотерапии и других подобных мероприятиях;
- постановления, касающиеся передачи на воспитание, места проживания или других воспитательных мер;
- другие соответствующие постановления.

Целесообразно проанализировать кратко нормы законодательства РФ, регулирующие сферу применения санкций в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Согласно ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РФ при назначении меры пресечения учитывается возраст нарушителя. Статья 105 УПК РФ закрепляет присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения, что само по себе исключает пребывание несовершеннолетнего в учреждениях УИС РФ.

Статья 87 УК РФ устанавливает возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, а также в случае освобождения несовершеннолетнего из исправительного учреждения возможность его помещения в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Бангкокские правила закрепляют основополагающие принципы содержания лиц женского пола в местах лишения свободы. Положения указанного нормативного акта нашли отражение в действующем уголовно-исполнительном законодательстве. Первое, на что следует обратить внимание, это — порядок отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными-женщинами. В России лица женского пола отбывают наказание, связанное с изоляцией от общества, в исправительных колониях общего режима. Данные исправительные учреждения исполняют лишение свободы исключительно в отношении женщин. Нормы современного уголовно-исполнительного законодательства РФ, регламентирующие исполнение лишения свободы в отношении лиц женского пола, следует отнести к особой категории норм уголовно-исполнительного права. Например, согласно ч. 5 ст. 88 УИК РФ, осужденным беременным женщинам и осужденным к лишению свободы женщинам, имеющим при себе детей, разрешается расходовать на продукты питания и вещи первой необходимости их собственные денежные средства без ограничений.

Отметим, что Бангкокскими правилами в качестве одной из целей регулирования предусмотрена организация надлежащего обеспечения материнства и детства. Статья 100 УИК РФ регламентирует особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин и осужденных к лишению свободы женщин, имеющих при себе детей. Согласно ч. 1 ст. 100 УИК РФ в исправительных учреждениях для женщин могут быть организованы дома ребенка, в которых должны быть обеспечены все необходимые условия для нормального развития и проживания детей. Женщине, имеющей при себе ребенка, разрешается общаться с ним без ограничений, в зависимости от условий ее рабочего графика. По мнению Е. Н. Федотовой, анализ содержания Бангкокских правил позволяет сделать вывод о том, что действующее уголовно-исполнительное законодательство РФ в полной мере соответствует нормам, регламентированным Бангкокскими правилами [4, с. 14].

Далее нельзя не обратить внимание на нормы международно-правового характера, предусмотренные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Не одно десятилетие посвящено изучению и активному внедрению основополагающих требований данного нормативного правового акта в работу пенитенциарной системы РФ.

За деятельностью ЕСПЧ в отношении России с особым вниманием наблюдали как ученые, так и практические деятели сферы юриспруденции. Становится

очевидным, насколько велико значение решений, вынесенных ЕСПЧ, для действующего российского законодательства, особенно в аспекте исполнения уголовных наказаний. В частности, ЕСПЧ выразил мнение о наличии прямого подтверждения существующей в российском законодательстве неопределенности в вопросе соответствия ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ положениям Конституции РФ.

Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П закрепило и обосновало позицию, согласно которой положения УИК РФ оказались противоречащими нормам Конституции РФ и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания». Так, в УИК РФ внесены поправки относительно вопроса предоставления длительных свиданий осужденным к пожизненному лишению свободы. Именно правовые позиции ЕСПЧ, основанные на толковании такого международного документа, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод, послужили основанием для внесения соответствующих изменений в нормы уголовно-исполнительного законодательства. Иными словами, данный пример свидетельствует о юридическом оформлении решения органа международного правосудия в нормах российской правовой системы, в частности в уголовно-исполнительном законодательстве.

Однако важно упомянуть о том, что в 2022 г. Россия вышла из состава Совета Европы. Сегодня решения ЕСПЧ, вступившие в законную силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в России. На основании этого следует говорить о новом этапе в уголовно-исполнительной политике РФ.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного исследования целесообразно заключить, что нормы международного права давно представляют собой часть правовой системы РФ. Основу действующего УИК РФ составляют фундаментальные принципы, закрепленные в международных нормативных правовых актах.

Разночтение между универсальными международными нормами права и национальными нормами уголовно-исполнительного права в настоящее время отсутствует. Однако положения, закрепленные в специализированных документах, преимущественно регулирующие отношения в области исполнения лишения свободы, неоднократно были предметом правового спора между национальными и международными судами. Об этом свидетельствует практика вынесения решений ЕСПЧ. Выход России из состава Совета Европы, разумеется, во многом определил границы взаимодействия между указанным органом международного правосудия и национальными судами РФ.

Сегодня актуальность реализации норм международного права для исполнения всех видов уголовных наказаний не утратила силу. По нашему мнению, складывающиеся международные и геополитические отношения свидетельствуют о новом этапе взаимодействия национальных норм права в сфере исполнения уголовных наказаний с нормами права международного.

Список источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 20.01.2023).

2. Борченко В. А., Глебова Е. В. Общетеоретический анализ международно-правового регулирования в сфере обращения с осужденными в российской пенитенциарной системе // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 9–12. DOI: 10.37523/SUI.2020.41.5.001
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.01.2023).
4. Федотова Е. Н. Современное состояние практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в отношении женщин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 9 (244). С. 12–21. DOI: 10.51522/2307-0382-2022-244-9-12-21

References

1. Penal code of the Russian Federation. Federal law of January 8, 1997 No. 1-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (accessed on 20.01.2023). (In Russ.).
2. Borchenko V.A., Glebova E.V. General theoretical analysis of international legal regulations in the sphere of treatment of convicts in the Russian penitentiary system. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*. 2020;(5): 9-12. (In Russ.). DOI: 10.37523/SUI.2020.41.5.001
3. Criminal code of the Russian Federation. Federal law of June 13, 1996 No. 63-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed on 20.01.2023). (In Russ.).
4. Fedotova E.N. The current state of the practice of applying criminal punishment in the form of deprivation of liberty for a certain period of time against women. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*. 2022;(9):12-21. (In Russ.). DOI: 10.51522/2307-0382-2022-244-9-12-21

Информация об авторах

Е. Л. Егорова — преподаватель кафедры организации исполнения наказаний, юридический факультет; 196602, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Саперная ул., д. 34;

В. А. Швед — аспирант; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. L. Egorova — lecturer at the Department of Organization of the Execution of Punishments, Faculty of Law; 34 Sapernaya St., Pushkin, St. Petersburg 196602, Russia;

V. A. Shved — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежутки страниц приводятся через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

- 2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).
- 2.2. The text should be MS Word format:
 - page size — A4;
 - borders — 2 cm;
 - type — Times New Roman;
 - size — 14;
 - line space — 1,5;
 - paragraph indentation — 1 cm;
 - text alignment — edgewise;
 - page numbering — at the right bottom of the page.
- 2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.
- 2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.